

ПОД

“КРЫШЕЙ”

МАВЗОЛЕЯ

КУМИРЫ XX ВЕКА

И. Б. ЗБАРСКИЙ

**ОТ РОССИИ
ДО РОССИИ**

ВОСПОМИНАНИЯ
УЧЕНОГО

ПРОЛОГ

Конец марта 1952 года — разгар новой волны террора. Раннее утро. Я еду в Ленинград в международном вагоне «Красной стрелы» по командировке Лаборатории при Мавзолее В. И. Ленина. За окном унылый пейзаж, снег, местами подтаявший, туман, голые деревья, почерневшие избы. Через полчаса — пригороды Ленинграда, слева краснокирпичный Ижорский завод, затем составы поездов, наконец платформы Московского вокзала.

Цель моей командировки: заказ на заводе «Красный треугольник» бинтов из натурального каучука. Такими бинтами предохраняют тело вождя В. И. Ленина от вытекания бальзамирующей жидкости. Бинты заменяют почти каждый год после профилактического погружения тела в стеклянную ванну с раствором.

Незадолго перед поездкой в Ленинград я вернулся из Улан-Батора, где мы бальзамировали тело умершего в Москве монгольского диктатора Чойбалсана. Наша бригада состояла из трех человек: Б. Н. Ускова, С. С. Дебова и меня. Руководителем группы был назначен Усков, хотя, несомненно, самым опытным был я, Усков и Дебов начали работать в Лаборатории при Мавзолее В. И. Ленина совсем недавно.

Мои поездки в Ленинград почему-то часто бывали связаны с разного рода неприятностями. То мой старший сын сломал руку, то младший заболел, то умер друг и т. п. Так было и в этот раз. Когда я приехал домой, жена как-то необычно встревоженно смотрела на меня, и я понял, что случилось что-то недоброе. Я чувствовал, что ей нелегко что-то сказать мне. Не сразу она проговорила, что случилась неприятность, и наконец сообщила мне, что в мое отсутствие, 27 марта, у себя на квартире был арестован мой отец, бальзамировавший тело Ленина и руководивший Лабораторией при Мавзолее. Через день мне был предъявлен приказ, подписанный заместителем отца, профессором С. Р. Мардашевым, о моем отчислении

* Книга издается в авторской редакции.

из Лаборатории как совместителя. Основание: приказ министра здравоохранения, Е. И. Смирнова.

Массовый террор, начатый большевиками в 1917 году, не прекращался; но ему были свойственны периодические колебания. То он усиливался до неистовства, то обманчиво несколько утихал. Первая волна, начиная с 1917 года, была направлена против царских чиновников, офицеров, помещиков и капиталистов; заодно преследовали и арестовывали бывших членов небольшевистских партий, кадетов, эсеров, меньшевиков. Затем, после некоторого ослабления во время НЭПа, острие репрессий обернулось против «великодержавного шовинизма». Неуважительное отношение к представителям национальных меньшинств, неосторожно рассказанный антисемитский анекдот могли привести к жестоким репрессиям. Далее, все неудачи и ужасы сплошной коллективизации и строительства социализма валили на «кулаков» и интеллигентов-«вредителей». Во второй половине тридцатых годов дело дошло до руководящего состава партии и правительства.

Теперь, вскоре после войны, главными врагами были: «международный сионизм», «космополиты», «низкопоклонство перед Западом». На фоне бесчисленных арестов для чтения иностранной научной литературы нам, научным работникам, необходимо было получить специальное разрешение директора учреждения. Для того чтобы угодить в тюрьму, достаточно было случайно встретиться на улице с иностранцем или, не дай Бог, объяснить ему, как пройти на такую-то улицу.

Вся страна была наводнена информаторами-доносчиками, которых называли «сексотами» (секретными сотрудниками НКВД); малейшее замечание, не соответствующее «генеральной линии партии», сообщалось ими в МГБ и могло привести к аресту со всеми вытекающими последствиями.

Еще в довоенное время нарком внутренних дел В. Р. Менжинский интересовался наукой и дружил с учеными. Однажды в разговоре с академиком П. П. Лазаревым, видным биофизиком, последний заметил, что уверен в своих сотрудниках и не сомневается, что ни один из них не доносит на него. Менжинский ехидно улыбнулся, справился по телефону и сообщил Лазареву, что в его лаборатории 9 «сексотов».

Для вербовки доносчиков Госбезопасность не гнушалась никакими методами, сплошь и рядом применялись угрозы, которые, в случае отказа, выполнялись. Так, еще до заключения брака мою будущую жену вызвали в соответствующее учреждение и велели доносить на меня и моего отца. Она отказалась, и в ответ ей сказали, что погибнут ее родители. Действительно, через несколько дней ее отца, которому было

75 лет, какой-то молодой человек профессионально сбил с ног, вследствие чего тот сломал шейку бедра и вследствие этого умер в больнице.

Как-то в 1923 году я спускался по лестнице нашего дома. Навстречу мне поднимался плотного сложения усатый мужчина. Он остановил меня и предложил апельсин. Я с удивлением рассматривал этот заморский фрукт, который увидел первый раз в жизни. Мне сразу запомнился этот обаятельный человек, приветливо поговоривший со мной, 10-летним ребенком, как с равным. Это был Владимир Петрович Воробьев; тогда я никак не мог предполагать, что через 10–12 лет стану его сотрудником. Живость, простота обращения с детьми и молодежью всегда отличали Владимира Петровича, и я искренне полюбил его — с ним мне было как-то проще и легче, чем с отцом, в отношении которого я всегда чувствовал некоторую отчужденность.

Страна еще не оправилась после страшного голода 1919–1921 годов, времен гражданской войны и военного коммунизма. С наступлением НЭПа и некоторым ослаблением террора и диктатуры часть русских эмигрантов возвращалась в Россию. Воробьев недавно приехал из Берлина, где он встретился с моим отцом и, с его помощью, вернулся на родину. До революции он был профессором анатомии Харьковского университета. Во время оккупации Украины в 1918 году немцы заставили его подписать акт о том, что тысячи трупов, найденных под Харьковом, принадлежали людям, злодейски расстрелянным большевиками. Трудно сказать, кто их расстрелял в действительности, большевики, немцы или кто-нибудь еще, например, петлюровцы или махновцы. Тем не менее, при приходе Красной Армии это обстоятельство представляло для Воробьева огромную опасность. Он уехал в Болгарию и несколько лет преподавал анатомию в университете Софии.

Когда через много лет, в 1949 году, мы бальзамировали в Софии тело вождя болгарской компартии и генерального секретаря Коминтерна Георгия Димитрова, болгарские профессора рассказывали мне о Воробьеве, живо вспоминая его общительный характер и веселые застолья, проведенные с ним.

Вернувшись на родину, Воробьев снова возглавил кафедру анатомии Харьковского университета, где продолжали работать его ученики и сотрудники. Приезжая из Харькова, Владимир Петрович останавливался у нас.

В 1935 году Максим Горький добился у высокого начальства разрешения на организацию крупного научного центра, своего рода прообраза будущей Академии медицинских наук. По этому поводу состоялось совещание, на которое были при-

глашены выдающиеся деятели медицины, в том числе и Воробьев. На совещании решено было перевести старейшее научное учреждение — Институт экспериментальной медицины из Ленинграда в Москву и создать на базе его крупный центр: Всесоюзный институт экспериментальной медицины (ВИЭМ).

В октябре страшного 1937 года у В. П. обнаружили опухоль в почке. И, подозревая, что она злокачественная, после некоторых колебаний решили оперировать. Боясь всего незнакомого, В. П. отказался от Кремлевской больницы и настаивал на том, чтобы оперировал его хороший знакомый харьковский хирург Александр Васильевич Мельников.

Я провожал В. П. в Харьков. На Курском вокзале перед самым отходом поезда он помахал мне рукой с площадки вагона и проговорил: «Умирать еду!». Зная его возбудимость и постоянные опасения, я не придавал этим словам серьезного значения и не осознал, что вижу его в последний раз.

Из Харькова сообщили, что операция прошла успешно и что опухоль оказалась доброкачественной кистой. Однако через день-два состояние его резко ухудшилось, и вскоре он умер от уремии. Обстоятельства смерти В. П. вызывают у меня большие сомнения. В 1937 году, да и раньше, многих устраняли не только путем арестов и репрессий; часто прибегали и к услугам врачей и злодейским приемам самых мрачных времен. Вспомним хотя бы обстоятельства смерти Максима Горького или наркома обороны Михаила Фрунзе.

Мой отец был человеком совсем иного типа. Он много занимался мной, я очень любил его и как-то преклонялся перед ним. Однако, по мере того, как вырослел, я все больше чувствовал подавление им моей индивидуальности. Он считал, что в школе учат мало и плохо, и настаивал на домашнем образовании; я же стремился учиться в школе, как все дети. Позднее, когда я, окончив университет, получал предложения вести исследования в некоторых ведущих лабораториях и стремился туда, он требовал, чтобы я работал у него. Я долго не мог воплотить свои идеи и вынужден был выполнять его задания, которые не соответствовали моим устремлениям и задерживали мой научный рост.

Почти всегда он не считался с моими возражениями и настаивал на своем. Все это приводило к непростым отношениям и растущей отчужденности между нами. В любом другом месте я мог бы не согласиться с начальником и уйти, если бы захотел, но давление со стороны отца, зависимость от него и нежелание приносить ему неприятности связывали меня.

Отец был очень способным и если бы полностью посвятил себя науке, то мог бы стать большим ученым, однако его чес-

толюбие, стремление быть всегда на виду, завязывать связи с людьми, стоящими у власти, и видными деятелями искусства, отнимали у него большую часть энергии. Я думаю, что отца удачно охарактеризовал его приятель, писатель Е. Г. Лундберг, сказав однажды мне, что «твой отец такой человек, которому в жизни либо очень везет, либо очень не везет».

Вероятно, это очень точное определение, поскольку отец часто шел на риск, настойчиво добивался поддержки власть имущих и, увлеченный той или иной идеей, напролом проводил ее в жизнь. С другой стороны, овладевшая им привязанность к кому-нибудь или к идее нередко могла привести его к непродуманным решениям: так, после развода с моей матерью, о чем я пишу ниже, он во время поездки в Германию увлекся эмигрировавшей из России подружкой Лиды Пастернак, Евгенией Борисовной Перельман, добился ее приезда в Москву, назначил ее старшим ассистентом в Биохимическом институте и, наконец, заключил с ней брак. Перед этим он сказал мне, что хочет жениться на ней, и спросил меня, нравится ли она мне. Это было в 1927 году, мне было 14 лет, она мне не нравилась, но я любил отца и сказал ему, что если он любит ее, я желаю ему счастья.

Войдя в нашу семью, она начала заводить свои порядки, совершенно чуждые и неприемлемые для меня. По-видимому, она еще и всячески настраивала отца против меня, и это усложняло мои отношения с ним. Я подумывал о том, как мне сбежать из дома или перевестись в Ленинградский университет. В конце тридцатых годов, когда у меня уже был накоплен экспериментальный материал, я сказал отцу, что хотел бы защитить диссертацию. Он не только не поддержал меня, но ответил: «Зачем тебе диссертация, у тебя и так все есть».

Внимание ко мне и покровительство Воробьева я чувствовал с детства и очень привязался к нему. Он был для меня как бы вторым отцом и во многом скорее даже заменял отца, гораздо более сочувствуя мне и глубже понимая мучившие меня вопросы и сомнения.

У отца строгость и жесткость, которые он, по-видимому, считал необходимыми при воспитании сына, сочетались с добротой и сочувствием по отношению к знакомым и сослуживцам, в особенности нуждавшимся в помощи. Так, идя на риск, он прятал в своей большой квартире в Доме правительств писателей Ольгу Берггольц и Киришона, когда в годы террора им угрожал арест; помогал детям и жене арестованного друга П. А. Богданова, устроив последнюю в клинику под чужим именем. До сих пор многие сохранили к нему добрые чувства благодарности.

ДЕТСТВО. ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Принято считать, что детство — самая счастливая пора жизни. Для меня она была самой тяжелой: неутоляемый голод, холод, лужи на полу от протекавшего потолка, бесконечные бурные сцены и ссоры родителей; то я жил у матери, то у отца, то у тетки. Беспросветность, утешаемая надеждами, что когда-то будет лучше, лишь немного черствого хлеба с отбросами, мороженая картошка; когда о ней упоминали вдруг, всплывали почти угасшие смутные воспоминания раннего детства, когда отец был управляющим именем Зинаиды Григорьевны Резвой, вдовы Саввы Морозова, во Всеволодо-Вильве на северном Урале; тогда было вкусное мороженое, совсем не похожее на мороженую картошку.

На последних сроках беременности моя мать поехала в город Каменец-Подольский, в дом своих родителей, где и родила меня 13 (26) октября 1913 года. В возрасте двух месяцев меня перевезли в Москву, где жил мой отец после окончания Женевского университета и сдачи экзаменов в Петербургском университете, так как иностранный диплом в России был недействителен.

Не имея возможности получить высшее образование в России из-за своей революционной деятельности и исключения из гимназии, отец в 1906 году уехал в Швейцарию, где уже училась моя мать. Там он поступил на физико-математический факультет Женевского университета, который окончил по кафедре химии, защитив диссертацию (что соответствует нашей дипломной работе) на тему о действии кислот и щелочей на активность ферментов, которую он выполнил под руководством Алексея Николаевича Баха, бывшего народовольца, эмигрировавшего из России.

Мать также получила там диплом бакалавра по биологии. В 1908 году они заключили в Женеве гражданский брак. Обосновавшись в Москве, отец стремился к научной работе в области биохимии, но его не принимали на государственную службу как лицо иудейского вероисповедания. Некоторое время он работал бесплатно на кафедре биологической и аналитической химии медицинского факультета Московского университета у профессора В. С. Гулевича и перебивался частными уроками. Стесненное материальное положение не давало ему возможности заняться любимым делом и не удовлетворяло мою мать, которая мечтала об обеспеченной жизни.

В августе 1912 г. он начал работать в акционерном обществе «Гарпиус». Там он помог социал-демократу инженеру-

химику Льву Яковлевичу Карпову, разработавшему оригинальный способ получения скипидара и канифоли из сосновых пней путем перегонки с паром и экстракции бензином. В 1913 году они построили первый в России канифольно-скипидарный завод в Судогде Владимирской губернии, затем второй такой завод — в Рованиemi на севере Финляндии. Сотрудничество и дружба с Карповым укрепились и оказали большое влияние на дальнейшую судьбу моего отца.

В июле 1915 года к нему неожиданно является вылощенный молодой человек и приглашает к богатой вдове крупнейшего капиталиста Саввы Морозова, Зинаиде Григорьевне, которая может предложить ему высокооплачиваемую работу.

Отец соглашается; они приезжают к великолепному особняку, скорее дворцу, на Спиридоновке, принадлежащему хозяйке (теперь там Дом приемов Министерства иностранных дел). Наверху, на парадной лестнице, стоит красивая, богато одетая дама и спрашивает отца: — Вы химик? — Да, — говорит он, — я окончил Женевский и Петербургский университеты. — Ну что же, вы мне нравитесь, пойдете переговорим.

Зинаида Григорьевна предложила отцу пост управляющего одним из ее имений, в котором имелись два химических завода, производивших продукты сухой перегонки дерева. Имение это, Всеволодо-Вильва, находилось в Соликамском уезде Пермской губернии, на Северном Урале, вблизи верховьев Камы, и занимало 39 десятин, покрытых лесом, главным образом строевым. Управляющий будет получать 500 рублей в месяц (очень большие деньги по тому времени) плюс 5 процентов дохода с имения.

Таким образом, мы попадаем в совершенно иную обстановку: богатая, обеспеченная жизнь, господский дом, 12 больших светлых комнат, с прислугой, кучером, истопником, кухаркой, горничной, няней, лошадьми и т. п. Когда-то, в 1902 году, Савва Морозов привозил сюда на несколько дней Чехова. В этих лесных просторах Антон Павлович охотился, ловил рыбу, о чем рассказывал в письмах к сестре Марии Павловне, к Немировичу-Данченко, к Горькому.

Зинаида Григорьевна была красивой, капризной и своевольной женщиной. Получив сведения о том, что ее имение на Урале не дает дохода и что управляющий ее обкрадывает, она топнула ножкой и потребовала у своего секретаря, чтобы он немедленно нашел нового управляющего. Мажордом за метался, не зная где искать управляющего, случайно увидев в газете объявление, что доктор химии Женевского и Петербургского университетов Б. И. Збарский дает уроки химии, физи-

ки и математики, он сейчас же отправился к нему, учитывая, что управляющий должен быть химиком и директором двух заводов по сухой перегонке дерева.

Зинаида Григорьевна была дочерью мастера Никольской мануфактуры, принадлежащей Морозовым, где работала присучальницей. Первый брак ее был с фабрикантом Зиминым, родственником Морозовых. Второй ее брак с Саввой Морозовым, отбившим ее у своего родственника, вызвал большое неудовольствие в среде старообрядцев.

По воспоминаниям современников, она была «русским самородком», и те, кто не знал о ее прошлом, никогда не сказали бы, что она стояла за рабочим станком, так быстро она приобрела хороший вкус и умение вести себя в великосветском обществе. У Саввы Морозова отношения с ней не сложились. В 1905 году на курорте в Каннах, когда Зинаида Григорьевна ушла куда-то развлекаться, его нашли мертвым на диване; рядом лежал пистолет, местный врач удостоверил, что это было самоубийство.

Однако обстоятельства его смерти вызывают по меньшей мере сомнения. Ему было всего лишь 42 года, он давал большевикам много денег, которые тянул у него Л. Б. Красин, работавший у него главным инженером. Известно также, что он завещал крупную сумму денег своей любовнице — артистке Марии Федоровне Андреевой, которая, также как и Красин, была членом партии большевиков. Красин в это время находился на юге Франции и, по показаниям соседей, в день смерти Морозов резко спорил с кем-то на улице. Весьма вероятно, что этим человеком был тот самый Красин, который впоследствии сыграл немалую роль в дискуссиях по бальзамированию тела Ленина. Не исключено поэтому, что Морозов погиб насильственной смертью, тем более, что судебного расследования не производилось.

После смерти Саввы Морозова Зинаида Григорьевна в третий раз вышла замуж — за бывшего московского градоначальника А. А. Рейнбота, переименовавшего свою фамилию на Резвой, в связи с начавшимися во время первой мировой войны немецкими погромами. Известно, что против него было возбуждено уголовное дело, что нанесло большой удар ее самолюбию.

После революции З. Г. жила с компаньонкой в маленьком домике на окраине Москвы; некоторую поддержку ей оказывал Художественный театр, построенный в основном на средства Саввы Морозова, где на какой-то маленькой должности работал ее сын, Савва Саввич. Она распродала сохранившиеся свои драгоценности и считала, что с оставши-

мися у нее украшениями невозможно появляться в обществе. В те годы, когда мы жили в ее имении, она была несметно богата.

З.Г. нередко посещала нас в 20-х годах, я хорошо помню ее, она еще сохранила следы былой красоты. Значительно позже, после второй мировой войны, когда я работал в Онкологическом институте, сотрудник этого института, врач Калужский, брат артиста Художественного театра Лужского, передавал мне от нее приветы.

Во Всеволодо-Вильеве два химических завода — Вильвенский и Ивакинский, прекрасная природа, гористая, лесистая местность, испещренная речками и ручьями, богатая охота, но глушь, отсутствие развлечений. Мать моя скучает, отец все время на работе, занят прозаическими хозяйственными делами, даже поговорить не с кем.

Далеко на фронте идет война, но в доме всё в изобилии, много места; отец приглашает приехать своего приятеля, писателя Евгения Германовича Лундберга. Тот охотно соглашается, в тиши и спокойствии можно хорошо поработать. В Москве, встретив на улице сына своего знакомого художника Леонида Осиповича Пастернака — Бориса, отец спрашивает молодого поэта о бытовых условиях жизни в их семье, рассказывает о своей работе на Урале и предлагает Борису Леонидовичу погостить у себя в глуши. Несколько неожиданно Борис охотно принимает приглашение. Таким образом, в имении Зинаиды Григорьевны создается интеллектуальное общество, в котором отец, будучи занят делами имения и заводов, принимает меньше всего участия. Молодой Пастернак (ему 25 лет) играет на рояле и пишет стихи. Мать его, выдающаяся пианистка, и знаменитый композитор и пианист Скрябин прочат ему блестящую музыкальную карьеру; он еще не решил, быть ли ему музыкантом или поэтом.

Борис Пастернак часто читает свои стихи, преимущественно в обществе моей матери и Лундберга. По-видимому, он действительно увлечен моей матерью, и она платит ему взаимностью. Во всяком случае Боря посвящает ей свои стихотворения; некоторые из них остались у меня после смерти матери. Они написаны частично от руки, частью на пишущей машинке, нередко на бланках имения. На обороте можно прочесть:

«КОНТОРА Имения и Уральских заводов ея превосходительства Зинаиды Григорьевны РЕЗВОЙ Всеволодо-Вильва, №... Продажа уксусно-кислой извести, АЦЕТОНА, спирта древесного разных градусов, хлороформа и др. угля»

Часть этих стихотворений опубликована, например:

Г-же Ф. Збарской

Сквозь грани баккара Вы суженным
Зрачком могли следить за тем,
Как дефилируют за ужином
Фаланги наболевших тем.

И были темы те эмульсией
Из сохраненных сердцем дней,
А Вы — последнюю конвульсией
Последней капли были в ней.

Был утренник. Сводило челюсти.
И шелест листьев был как бред.
Синее оперенья селезня
Сверкал за Камою рассвет

И утро шло кровавой банею,
Как нефть разлившейся зари,
Гасить рожки в кают-компани
И городские фонари.

Борис Пастернак
Всеволодо-Вильва, 17 мая 1916.

Другие стихотворения я не нашел в доступных мне изданиях:

В тот день всю тебя, от гребенок до ног,
Как трагик в провинции драму Шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Достаточно тягостно солнце мне днем,
Что стынет, как сало в тарелке из олова,
Но ночь занимает весь день соловьем
И дом превращается в арфу Эолову...

Естественно, я привел только некоторые отрывки.

Борис Пастернак жил у нас и после переезда нашей семьи в Тихие Горы на Бондюжский завод, где отец устроил его служащим, что оберегало его от призыва в армию, поскольку химический завод работал на оборону. После возвращения в Москву в 1918 году мы жили в одном доме с Пастернаками и часто встречались с ними. Это была патриархальная семья. Художник Леонид Пастернак, иллюстрировавший произведения Льва Толстого, его жена, пианистка Розалия Исидоровна, два сына: поэт Борис и архитектор Александр, две дочери — Жозефина и Лидия. В начале двадцатых годов старшие Пастернаки с двумя дочерьми эмигрировали в Берлин, а затем, после прихода Гитлера к власти, — в Англию, где они жили в Оксфорде. Сыновья остались в России.

Борис Пастернак почти всегда был как-то не от мира сего, глубоко погруженный в свои думы, он, вероятно, сочинял или мыслил стихами, не сразу осознавая, кто к нему пришел, с кем он разговаривает, ему всегда требовалось некоторое время, чтобы адаптироваться к действительности. Помню, уже значительно позже, после смерти моего отца, я встретил его на улице у Каменного моста. Он шел погруженным во что-то свое, не замечая, что происходит вокруг, мысли его витали где-то далеко. Хотя он отлично знал меня, первые слова его были бессвязны, и лишь через некоторое время он как бы перенесся с облаков на землю, узнав меня, поговорил со мной.

За довольно короткий срок, менее года, отец наладил запущенное производство на заводах и значительно улучшил положение рабочих, переселил их из прогнивших бараков, устранил недостатки в выплате жалованья. Оно прежде выдавалось крупными купюрами на несколько человек, так как кассиру было удобнее привозить их из Перми в небольшой сумке. Своими действиями отец снискал симпатии и уважение рабочих, но озлобил служащих, прибавив им работы и хлопот. Из-за этого над ним сгустились тучи. Однажды его вызвал пермский губернатор, Лозино-Лозинский, отчитал его за потворство рабочим, сказав ему, что только из уважения к его хозяйке он на этот раз ограничивается предупреждением.

До этого разговора у губернатора состоялось совещание управляющих химическими заводами, на котором было зачитано воззвание Государя-Императора о том, что Россия крайне нуждается в производстве ряда химических продуктов, прежде ввозившихся из-за границы, главным образом из Германии. На втором месте длинного списка стоял наркотный хлороформ, крайне дефицитный и необходимый для операций на фронте.

Технический хлороформ производился в России, в том числе и на заводах в Вильве, но очищать его для наркоза у нас не умели. Отец вместе со своим помощником И. В. Филипповичем часами трудился над очисткой препарата, с тем, чтобы он удовлетворял жестким требованиям фармакопеи. Нередко сладкий, одуряющий запах хлороформа доводил отца до полусознательного состояния. Наконец удалось разработать оригинальный способ производства и очистки хлороформа и получить препараты, удовлетворяющие всем требованиям германской фармакопеи.

По этому поводу отец дал телеграмму начальнику Санитарного управления армии принцу Ольденбургскому. Ответ пришел через два часа, предлагалось немедленно явиться в Петроград с образцами продукта.

Принц Ольденбургский принял отца стоя, спросив его: «Вам, молодой человек, действительно удалось получить наркотный хлороформ»? «Да, вот в этом ящичке с двойными стенками я привез образцы, соответствующие требованиям германской фармакопеи». Принц приказал дежурному немедленно вызвать генерала Анрепа, профессора Военно-медицинской академии. Как только Анреп пришел, он поручил ему произвести необходимые анализы и дать ответ к 12 часам следующего дня. Выйдя из кабинета начальника, Анреп спросил отца, можно ли производить в России наркотный хлороформ в достаточном количестве, чтобы удовлетворить потребности армии? Получив утвердительный ответ, он сказал, что к завтрашнему дню будут получены результаты химических проб и физиологического испытания на кроликах; последнее озадачило отца и усилило его волнения, поскольку сам он не испытал препарат на животных.

На следующий день отец с утра поехал в Институт экспериментальной медицины и узнал у капитана Дверницкого, производившего опыты, что его препарат не уступает лучшим образцам фирмы «Мерк» и что ответ направлен с нарочным в Главное медицинское управление армии.

На Английской набережной, где помещалось управление, отца принял генерал Иорданский и сказал ему, что его высочество просил Вам передать, что Вы, господин Збарский, совершили патриотическое дело, армия крайне нуждается в хлороформе и необходимо срочно наладить его производство.

В тот же день отец оформил заявление на патент, охранное свидетельство на который тут же было выслано в Вильву. Из Петрограда он сразу же поехал в Москву и предложил Зинаиде Григорьевне организовать производство наркотного хлороформа на ее заводах. Она, однако, не намеревалась расширять производство и сказала ему, что собирается продать имение. Это сообщение не расстроило отца, так как он чувствовал, что под него подкапываются. Карпов, который был теперь директором заводов товарищества Ушкова и К^о в Тихих Горах близ Елабуги, звал его туда на должность заведующей лабораторией.

Переговорив с Карповым и его приятелем, Сергеем Дмитриевичем Шеиным, фактическим владельцем предприятия, отец решил наладить производство хлороформа на этих заводах. Я вспоминаю Шеина, крупного, громогласного, в поддевке, чем-то напоминающего русского купца.

В разговоре с Шеиным отец поинтересовался, куда делся прежний владелец Ушков и как он стал хозяином предприятия. Шеин цинично ответил: «Видите ли, богатство лежало

на улице, и я просто подобрал его». Сын Ушкова был профессором в Москве, дочь — филологом; деловыми людьми они не были. Получив наследство, профессор попросил Шеина, как опытного инженера, съездить в Тихие Горы и посоветовать ему, как быть с заводами. Возвратившись, Сергей Дмитриевич, за бокалом вина в ресторане, изобразил ему все в самых мрачных тонах и убедил наследника в том, что восстановить производство он не сумеет. Наконец, после долгих обсуждений он милостиво согласился купить эти заводы, как он сам говорил, за бесценок. Шеин был богатым русским банкиром, но, подобно Савве Морозову, жертвовал немало денег большевикам. В 1930 году он был осужден по знаменитому процессу «Промпартии». Не помню, был ли он приговорен к расстрелу или к длительному заключению, но после этого он исчез.

В августе 1916 года мы переезжаем в Тихие Горы на Бондюжский завод, отец берет с собой И. В. Филипповича и Е. Г. Лундберга, а Пастернак уезжает в Москву. Заводы и село Бондюга находятся на высоком берегу Камы, напротив Набережных Челнов, тогда небольшого села.

На заводе Ушкова когда-то работал Менделеев. Владельцы многих заводов не разрешали знаменитому химику производить опыты с пироксилином — бездымным порохом. Однако Ушков разрешил ему работать над ним, и здесь было налажено производство этого сильновзрывчатого вещества. В память этих событий село Бондюга переименовали в город Менделеевск.

Добравшись до Тихих Гор, отец решил тут же обсудить деловые вопросы с Шеиным. В конторе его не оказалось, и ему сказали, что Сергей Дмитриевич находится в ресторане в Елабуге, вряд ли вернется в ближайшие дни, но там же решает все дела и подписывает бумаги.

Проехав 20 верст до Елабуги, отец без труда нашел ресторан. За большим, длинным столом сидело человек двадцать, сильно подвыпивших, было накурено, во главе стола сидел Шеин; в нем чувствовался хозяин — окладистая борода, неторопливые уверенные движения. Отец быстро подошел к нему, но Сергей Дмитриевич придержал его, попросил не торопиться и первым делом предложил выпить. Затем не спеша он просмотрел бумаги, подписал их и со знанием дела заключил контракт на строительство цеха по производству наркотного хлороформа.

Тем временем кто-то из гостей выбросил в окно бутылку из-под шампанского, которая попала в проезжавшего на извозчике майора. Разъяренный офицер влетел в ресторан с бра-

ню и криками, что доблестное воинство проливает кровь на фронте, а здесь штатские крысы пьянствуют и развлекаются. Шеин поднялся со своего места, подошел к офицеру, положил ему руку на плечо, ровным голосом стал его успокаивать и буквально влил ему в рот стакан водки. Гнева и упорства майора хватило ненадолго. За первой порцией последовала вторая, третья и т. д. В итоге он остался и присоединился к веселой компании. Через полчаса явился извозчик и спрашивает: «Как, барин, дальше поедете или здесь останетесь?» Барин расплатился и остался.

В Москве отец посетил Пастернаков и провел у них два дня на даче под Москвой. Леонид Осипович нарисовал портрет отца, пока он писал письмо жене. Борис Пастернак посетовал, что ему грозит призыв в армию, до сих пор он не мобилизован из-за того, что у него одна нога короче другой — в юности он упал с лошади и сломал ногу; теперь, однако, война идет уже второй год и этот недостаток не избавляет от военной службы. Отец предложил ему работу конторщика на Бондюжском заводе, это давало отсрочку от призыва.

В Москву приехал учитель отца в Женеве, профессор, будущий академик Алексей Николаевич Бах. В молодости Бах был народовольцем, написал книгу «Царь Голод». Бородастый, высокий и худой, он получил партийную кличку «Кашей бессмертный». Работая под непосредственным руководством видного члена «Народной воли» Германа Лопатина, он, как химик, снабжал революционеров взрывчатыми веществами. Когда руководство партии было разгромлено и Лопатина арестовали, в его записной книжке нашли заметку: «Кашей бессмертный — динамита сколько угодно».

После ареста Лопатина Бах эмигрировал в Швейцарию, организовал там собственную лабораторию, провел ряд интересных исследований по окислительным ферментам и выступил с теорией, согласно которой биологическое окисление протекает с образованием перекисей. После Февральской революции он вернулся в Россию и уже при большевиках, с помощью Карпова и моего отца, организовал и возглавил Физико-химический институт, а затем и Биохимический институт Наркомздрава. Когда Карпов скончался, в 1921 году, его именем был назван Физико-химический институт, а Биохимический институт с течением времени передали в Академию наук.

После смерти Баха в 1946 году (он прожил 89 лет) его нарекли «основоположником советской биохимии» и именем его назвали институт. Титул «основоположника» ему присвоили, скорее всего, за его революционные заслуги.

Когда мы жили в здании Биохимического института, Алексей Николаевич часто навещал отца, работавшего его заместителем. Я помню его, представителя большого, уже седой бородой. Он вставал очень рано и, выбегая во двор, я встречал его гуляющим со своим ирландским сеттером Джерри. С детской непосредственностью я надоедал ему бесконечными вопросами, на что он мне однажды ответил, что «один дурак может задать больше вопросов, чем сто умных – ответить». Он прекрасно играл в шахматы, и я был очень горд тем, что один раз обыграл его. Это дало мне повод говорить, что я победил чемпиона мира Капабланку, так как Баху однажды удалось выиграть у Ильина-Женевского, а последний как-то выиграл одну партию у Капабланки.

На Бондюжском заводе отец наладил производство наркотического хлороформа и руководил аналитической лабораторией, которая находилась в том же помещении, где когда-то работал Менделеев. После революции 1917 года отец был избран председателем Елабужского совета рабочих и крестьянских депутатов, а затем и депутатом Учредительного собрания от фракции социал-революционеров.

Мои первые воспоминания относятся к жизни на Северном Урале. Они отрывочны: то я играю с рыжей Дамкой и черной Валеткой, двумя собаками, которые больше меня, то гуляю с няней по заснеженному двору, то отец приходит с работы и я радостно бросаюсь к нему. Это было для меня главным событием дня; приходя, отец широко расставлял ноги, и я свободно проходил под ними. Это развлечение мне, по-видимому, очень нравилось. Отец однажды, увидев в окно, как я пытаюсь сзади раздвинуть ноги нашей лошади, чтобы пройти вперед между ее ногами, стремительно выскочил во двор, испугавшись, что лошадь лягнет, и еле оттащил меня.

В Тихих Горах мы жили в одном доме с Карповыми. У Карповых было два сына. Старший, Володя, был на 6 лет старше меня, младший, Юра, — на один год. На Володю мы смотрели снизу вверх; он был старшим, мы брали с него пример и уважали больше, чем взрослых. С Юрой я проводил большую часть времени, жили в общем дружно, но нередко и ссорились. В потасовках мне доставалось: он был старше и сильнее меня.

У меня сохранилось приятное воспоминание о том, как однажды я одолел его и довел до слез. Строгая бабушка, увидев эту сцену, заперла меня в пустой комнате. Так как меня раньше не наказывали, тем более за одержанную победу, которой я гордился, я был возмущен и, найдя половую щетку, стал колотить ею в дверь, пока меня не выпустили, — я не терпел насилия.

После Октябрьской революции, весной 1918 года, мы переехали в Москву и жили в одной большой комнате, разделенной шкафом, в коммунальной квартире на первом этаже на Волхонке, 14. Окна выходят на Москву-реку, справа виден Храм Христа Спасителя, прямо — памятник Александру Третьему. В этом же доме над нами жила семья Пастернаков.

Мне было 4 года, и отец многократно повторял мне наш адрес, чтобы я назвал его в случае, если потеряюсь.

Во время прогулки по Пречистенскому бульвару отец решил произвести эксперимент и незаметно спрятался за киоск. Я остался один, ужасно испугался и принялся плакать. Отец появился не скоро и, вместо того, чтобы утешить, стал упрекать меня, почему я не назвал прохожим своего адреса. Думаю, что он поступил неправильно, я был еще слишком мал; после того случая у меня надолго остался страх перед одиночеством и опасностью потеряться. Мама уделяла мне мало внимания, она большей частью где-то пропадала, и я часто оставался с Лидой Пастернак.

С пятилетнего возраста мои воспоминания становятся более последовательными. Вот я наблюдаю в окно, как толпа сносит памятник Александру Третьему, набрасывая толстые канаты, тянут за них и валят монумент. Летом того же года на улице были слышны шум и выстрелы; отец закрыл форточку и велел мне отойти от окна. Много позже я узнал, что это было восстание левых эсеров.

Вскоре после этого к нам пришли несколько человек в кожаных куртках, грубо оттолкнули нас в сторону и долго рылись во всех вещах. Я пытался протестовать, когда разбросали и помяли мои любимые детские книжки. После обыска отца не арестовали, но нас выселили из занимаемой комнаты, и мы переехали в маленькую комнатку в Большом Николе-Воробынском переулке. Когда начались проливные дожди, на полу образовывались лужи и вода доходила до щиколоток, я перебирался по стульям, стараясь не промокнуть, в комнате было холодно, и мы кутались в теплую одежду.

Самым скверным было, однако, то, что с каждым днем становилось все хуже с продуктами. К концу 1918 — началу 1919 года питались только грубым черным хлебом с соломой и мороженой картошкой. Затем исчезло и это, очень редко отец приносил одну конфетку.

Голод все усиливался, есть было нечего. От взрослых, главным образом от тех, которые казались мне старушками, я слышал о том, как хорошо было в «доброе старое время». Целыми днями меня мучил голод и кружилась от этого голова. Я рыскал по всему дому и радовался, найдя черствую корочку хлеба.

Как-то на кухне я выискал что-то похожее на хлеб, быстро сунул в рот и лишь потом понял, что это было мыло для стирки.

Положение несколько изменилось к лучшему, когда стали поступать американские продукты, присылаемые «АРА», и в особенности с 1921 года, с введением НЭПа.

Отец много занимался со мной, рассказывал сказки, но чем старше я становился, тем больше я чувствовал давление его на меня, ограничение моей самостоятельности и требование все делать так, как он считает нужным. Для матери я был, вероятно, просто забавой, как многие женщины, она хотела девочку и, вероятно, поэтому наряжала меня в шубку женского покроя, из-за чего на улице меня не принимали за мальчика, и я жестоко страдал от этого.

Раздоры между отцом и матерью все усиливались, отец пропадал и по несколько дней не появлялся дома; мне говорили, что он ночует в лаборатории. Во избежание влияния этой обстановки меня переселили к тетке, и я прожил в ее комнате около года.

В самом начале НЭПа, летом 1921 года, мама поехала со мной в Крым, и мы прожили в Ялте несколько месяцев до декабря, когда даже в Крыму выпадал снег. Мать сняла комнату у Марии Павловны Чеховой на той самой даче Чехова в Аутке, где знаменитый писатель провел последние годы жизни перед тем, как уехать в Германию, где он и умер на курорте Баденвейлер.

В недавно освобожденном от Врангеля Крыму жизнь еще не наладилась, но на рынке можно было купить почти все продукты, особенно запомнилась мне свежая кефаль. Не было ни электричества, ни керосина, и по вечерам зажигали «свительник» из фитиля, погруженного в масло. Топили хворостом, который приносил с гор татарин Абдулла, который служил еще у Антона Павловича. Мария Павловна жила бедно, вспоминала брата и ругала большевиков. У моей матери, а впоследствии и отца, установились с ней хорошие отношения, и у меня до сих пор сохранились ее письма к матери.

В 1921–22 годах постепенно появляется настоящий хлеб, чай, яблоки, жизнь уже не казалась такой ужасной. После возвращения из Крыма мать около года жила с нами в трехкомнатной квартире в здании вновь созданного Биохимического института на Воронцовом поле, 8. Затем она переехала в большую комнату в коммунальной квартире на Арбате. Я остался с отцом в здании Биохимического института. Этот прекрасный особняк до революции принадлежал Гуго Марку, промышленнику из немцев. Соседний дом, 10, где жил глава фирмы Вогау, был сожжен во время немецкого погрома

в 1915 году. Дом его компаньона, Марка, уцелел, так как хозяин успел пожертвовать его для научного института. Марк, так же как и Вогау, уехал в Германию, дом долго пустовал, осталась в нем только вышколенная прислуга: сторож, садовник, кухарка, горничная. Станным образом имя Марка сохранилось, так называется подмосковная станция по Савеловской дороге, где было его имение.

Сгоревший особняк Вогау отстроили и поместили в нем Физико-химический институт имени Л. Я. Карпова, в доме Марка — Биохимический институт Наркомздрава. Директором обоих институтов назначили А. Н. Баха, моего отца — его заместителем.

При доме был огромный сад, в три уступа спускающийся к Яузе, — яблони, груши, липовая роща; был пруд, но он уже высох. За годы советской власти все это пришло в упадок, липовая роща и фруктовые деревья были вырублены, проведена улица, отчасти сохранился лишь верхний уровень, и то, наверное, потому что в здании теперь посольство Индии. При нас еще оставалось, хотя и не полностью, бывшее великолепие.

С введением НЭПа благосостояние пришло не сразу. Мы сажали огород, который нас подкармливал, собирали яблоки и груши, липовый цвет использовали для приготовления чая. В земле находили винтовки, пистолеты, пулеметные ленты — остатки гражданской войны. Эти атрибуты, естественно, у нас вызывали восхищение, мы их тщательно хранили, чистили и, когда взрослые не видели, стреляли не только в саду, но и дома, с удовольствием дырявя двери.

Дома я почти всегда был один, временами после школы приходил Юра Карпов: он жил рядом, во дворе Карповского института; меня мучали тяжелые размышления, лишь теперь, в возрасте 9–10 лет, я стал осознавать, что такое смерть, и мысль о том, что когда-то меня не будет, вселяла в меня ужас.

Став несколько старше, я строил модели самолетов, мысленно изобретал летательные аппараты и аэросани. Потом я старался понять, почему люди делятся на мужчин и женщин, как появляются дети. На вопрос об этом родители мне объяснили, что дети происходят из мужской и женской клеточки, клеточка мне представлялась в виде какой-то маленькой клеточки для птиц.

У меня была отдельная комната, нам прислуживала служанка бывших хозяев Груша, она заботилась обо мне: я всегда накормлен, у меня чистое белье, когда приходили мои друзья, Груша подавала нам чай с печеньем или бутербродами. Моим воспитанием занималась гувернантка, которая учила меня французскому языку и регулярно водила в церковь.

Мне нравились православные обряды, особенно я любил вербное воскресенье, однако дома мне никогда ничего не говорили о Боге, и глубокой веры у меня не было. Однажды гувернантка, упрекая меня в какой-то шалости, пригрозила, что Бог накажет меня, я же в ответ заявил, что в Бога не верю.

Гувернантка не на шутку рассердилась и решила пожаловаться папе. Я испугался до последней степени и упрашивал ее простить меня и не говорить отцу, но она была неумолима. На следующее утро она пожаловалась отцу: «Представьте, Борис Ильич, этот мальчишка заявляет мне, что он не верит в Бога». Я трясусь от страха и жду гнева отца и расправы надо мной; каково же мое удивление, когда отец спокойным тоном говорит: «Видите ли, Екатерина Васильевна, это дело каждого: хочет — верит, хочет — не верит».

В 1921 году меня все-таки отдали в школу. В ожидании учительницы весь класс дружно запел «Интернационал», а я, не зная, что это такое и не умея петь, молчал. В этот момент влетает учительница с криком: «Перестаньте жидовские песни петь!» Школьники, начавшие учиться месяцем раньше, заметили, что я молчал, и вообще встретили меня как новенького, т. е. как следует отколотили. Дома родители допрашивают меня, что случилось. Я стараюсь скрыть драку, но спрашиваю их, что такое жидовские песни, ответа не получаю, но на следующий день меня забирают из школы.

Отец вообще считает, что в школе учат плохо и слишком элементарно, и настаивает на домашнем обучении. Мне нанимают учителей, образование получается одностороннее, и, главное, я страдаю от отсутствия общества, завидую другим детям и спрашиваю отца отдать меня в школу. Временами он уступает, и я учусь то в школе вместе с Юрой Карповым, то дома. Домашние занятия меня не увлекают, я часто не делаю уроков, и большого эффекта они не дают.

Мы с Юрой Карповым и школьными товарищами, в те счастливые годы, когда я посещаю школу, развлекаемся тем, что стреляем из мелкокалиберной винтовки, а иногда и из настоящего пистолета. Обстреливаем друг друга горохом из стеклянных трубок, украденных из лаборатории, бросаемся растянутыми резиновыми пузырями, наполненными под давлением водой; пузыри при этом лопаются и обливают с головы до ног.

Особенно увлекало меня мое изобретение, которое заключалось в следующем: я покупал игрушку «Ванька-Встанька», в свинцовое основание деревянной матрешки вбивал гвоздь, от него откусывал шляпку и остаток гвоздя остро затачивал напильником. Головку «Ваньки» надрезал крестом и в образовавшиеся щели вставлял оперение из картона. Когда это

изделие мы бросали как камень, в полете оно выпрямлялось и глубоко вонзалось в дверь или в дерево. Никто меня не попрекал за мои детские шалости, даже за порчу дверей и обоев.

Отец часто заходил днем, поскольку его кабинет находился рядом и обычно он работал в институте, в этом же здании. Нередко, приходя из школы, я заставал у него какую-нибудь даму, с которой он иногда запирался в своей комнате. Дамы эти были разные: одна очень добра и любезна со мной, чем заслуживает мои симпатии, другая, напротив, как бы не замечает меня. Среди этих посетительниц я хорошо помню кокетливую красивую артистку, примадонну Музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко Ольгу Бакланову. Насколько я знаю, отец чуть не женился на ней.

В эти годы отец сблизился с артистами, он в какой-то мере вел себя как меценат, являлся членом художественного совета Музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко. Среди его гостей я вспоминаю певца Озерова, артиста Художественного театра Москвина.

Осенью 1924 года отец вместе с Воробьевым и со мной едет на две недели в Крым, в Балаклаву. Красивая, закрытая бухта. На горе, у выхода в открытое море, почти сохранившаяся генуэзская крепость. Отец заводит роман со служащей на почте, я часто гуляю с Владимиром Петровичем по берегу. Близ водяного грота мы находим труп дельфина, выброшенный на берег. Воробьев берет нож и препарирует голову: смотри, какой большой мозг у дельфина, почти как у человека, — говорит он; дельфин очень умное животное, его можно научить большому, чем собаку, если бы он жил на земле, он был бы самым близким человеку домашним животным. Найдя морского конька, он говорит мне, что в мозге человека похожая на него извилина названа его же латинским названием — *Nurrosampus*.

В следующем году мы с отцом проводим лето в Крыму, в Кореизе. У отца бывает много гостей, он устраивает богатые вечеринки, к нему приходят государственные деятели, артисты, писатели, при этом он использует помещение всего института, иногда устраивая приемы в большом зале библиотеки. Причиной такого благополучия является получение отцом большого вознаграждения за бальзамирование тела Ленина, оно составляет то ли 25, то ли 30 тысяч рублей, сумму по тем временам НЭПа весьма значительную.

Еще до окончания НЭПа, со вторым браком отца, все это великолепие кончается, условия нашей жизни резко меняются, меня ограничивают не только в свободе и удовольствиях, но даже в еде.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ ЛЕНИНА

В январе 1924 года, возвратясь из сада, я застал отца в компании нескольких знакомых за оживленным разговором, произошло событие — умер Ленин. Помню, обсуждали, как воспримут это известие во всем мире, спорили: был ли Ленин человеком принципа или, скорее, человеком идеи.

Я не знал и, вероятно, большинство людей не представляло себе, как серьезно уже несколько лет был болен Ленин. Его мучил тяжелый паралич правой стороны тела, он потерял способность речи, нередко приходил в возбужденное состояние. Определить эту болезнь врачи затруднялись и не были едины в диагнозе. Один из постоянно дежуривших при нем врачей записал в дневнике: «странная болезнь, не могу понять что это».

Еще в 1921 году Ленин жалуется на головные боли, снижение работоспособности, утомляемость, он мечется между Горками под Москвой и Кремлем, председательствует и выступает на заседаниях, но болезнь не оставляет его и даже прогрессирует. Принимаются все меры для его лечения. Из-за границы выписывают знаменитых профессоров, светил медицины. Вместе с лучшими отечественными врачами они бьются над диагнозом и не могут его установить.

Болезнь развивается, появляются тяжелые приступы, немеют руки и ноги, временами больной приходит в необъяснимое возбуждение, кричит, машет руками. Тем не менее, в периоды ремиссий, Ленин продолжает государственную деятельность, председательствует на заседаниях Совнаркома, активно участвует в работе ЦИК СССР, партийных съездов; а 13 ноября 1922 года даже выступает с докладом на немецком языке на конгрессе Коминтерна.

К концу года состояние его заметно ухудшается, он теряет способность говорить, вместо членораздельной речи издает какие-то неясные звуки. После некоторого облегчения, в феврале 1923 года, наступает полный паралич правой руки и ноги, раздаётся мычание или бессвязные слова; взгляд, прежде проницательный, становится невыразительным и отупевшим; приглашенные из-за границы за большие деньги немецкие врачи Фёрстер, Клемперер, Нонне, Минковский и русские профессора — Осипов, Кожевников, Крамер снова в полной растерянности.

На фотографии, сделанной в Горках его сестрой Марией Ильиничной, мы видим похудевшего человека с одичавшим лицом и безумными глазами. Таким был Ленин за полгода до

смерти. Он не мог говорить, ночью и днем его мучили кошмары; временами он кричал, размахивая руками, ему казалось, что немецкие врачи, Фёрстер и Клемперер, его враги, придя в возбуждение, он угрожал Фёрстеру кулаками.

Корни его болезни можно отнести еще к 1918 году. После насильственного захвата власти в октябре 1917 года Ленин надеялся на поддержку международного пролетариата и мировую революцию, на одобрение широких масс рабочих, крестьян и солдат России. Но увы, все это оказалось только мечтами, вопреки ожиданиям Ленина, иностранные рабочие не поддержали русскую революцию, а советская власть в Венгрии и Баварии просуществовала очень недолго. Несмотря на немедленно вышедшие декреты о мире, о «передаче земли крестьянам и фабрик — рабочим», советская власть не получила одобрения народа.

Тяжелый удар нанесли выборы в Учредительное собрание, осудившее большевиков и советскую власть. Чтобы сохранить завоевания Октябрьской революции, Ленин решается на разгон этого избранного народом законодательного органа и расстрел демонстрации в его защиту.

Результат — буря негодования и гражданская война, продолжавшаяся 4 года, национализация фабрик и заводов, бешеный террор против не только помещиков и капиталистов, офицерства и чиновничества, но и членов всех партий, кроме большевиков и левых эсеров. Повальные аресты и расстрелы, высылка интеллигенции привели к полной разрухе промышленности и сельского хозяйства, жестокому голоду и одиночии народа.

Попирая интересы страны ради сохранения своей власти, Ленин заключил позорный Брестский мир с немцами и пошел на разрыв с государствами Антанты.

6 июля против советской власти восстали левые эсеры, состоявшие в блоке с большевиками; только благодаря латышским стрелкам удалось подавить восстание.

В ночь на 17 июля в доме купца Ипатьева в Екатеринбурге, опасаясь приближающейся армии Колчака, были зверски расстреляны без суда Николай Второй и вся императорская семья: императрица, наследник Алексей, великие княжны и оставшиеся с ними врач и прислуга.

30 августа, после выступления Ленина на заводе Михельсона в Москве, в него стреляла эсерка Фанни Каплан, тяжело ранив его двумя пулями, смазанными ядом кураре. Так как помимо пистолета «браунинг», отобранного у Каплан при ее аресте на трамвайной остановке, на месте преступления был найден еще один браунинг, предполагается, что стреляла не

она или не только она. Каплан была расстреляна комендантом Кремля без суда, последовали массовые репрессии, главным образом против бывших эсеров.

Ленин был тяжело ранен. Одна пуля раздробила левую плечевую кость и рикошетом застряла в левой дельтовидной мышце, яд не подействовал, возможно, его не было. Другая пуля оказалась более опасной, она отколола часть левой лопатки, поранила верхушку левого легкого и остановилась вблизи правого грудинно-ключичного сочленения, пройдя в непосредственной близости от жизненно важных артерий. Врачи полагают, что костные мозоли, обнаруженные при аутопсии, развились под ее влиянием и вызвали преждевременный склероз сонной артерии, проявившийся через три года.

В феврале 1921 года большевики потопили в крови бунт моряков, выступивших в Кронштадте под лозунгом «Советская власть без коммунистов». Насильная экспроприация хлеба вызывала повсеместные крестьянские волнения; подавление восстания крестьян в Тамбовской губернии стоило сотни тысяч жертв, голод, разруха, обнищание и недовольство народа угрожали крахом революции и советской власти.

Появ безнадёжность «военного коммунизма», 15 марта 1921 года на X съезде партии Ленин провозглашает новую экономическую политику (НЭП), заменив продразверстку (экспроприацию хлеба у крестьян) продналогом и разрешив частную собственность.

Именно в этот период у Ленина появляются первые симптомы болезни — головные боли, бессонница, онемение конечностей. Несомненно, выше описанные события требовали сверхчеловеческого напряжения и подорвали здоровье вождя революции.

С 16 декабря припадки происходят ежедневно, и 24 декабря врачи Кожевников, Крамер и Осипов на приеме у Сталина, Каменева и Бухарина рекомендуют полное запрещение посещения Ленина и каких-либо сообщений ему о политической жизни; ему оставляют право лишь диктовать стенографистке не более 5–10 минут в день.

Это решение было на руку Сталину, стремившемуся изолировать Ленина, с которым у него отношения складывались не лучшим образом, тем более, что Ленин предостерегал партию от чрезмерной власти, сосредоточенной в руках резкого и капризного Сталина на посту генерального секретаря ЦК.

В это время Сталин грубейшим образом оскорбил по телефону Крупскую, пригрозив ей разбирательством в ЦКК ее разговоров с Лениным, которому она якобы сообщала то, что

было запрещено врачами. В ответ на ее замечание, что она жена Владимира Ильича и лучше знает, что и когда можно ему говорить, он позволил себе заявить, что партии известна другая его жена, имея в виду Инессу Арманд. Когда Ленину стало лучше, он, узнав об этом разговоре от Крупской, возмутился и прервал всякие отношения со Сталиным.

Находясь в отрыве от руководства государством, Ленин беспокоится о развитии событий и прежде всего о единстве партии и ее руководстве. В декабре 1922 года в письме к съезду партии, более известном, как завещание Ленина, он отдает себе отчет в противостоянии Сталина и Троцкого в борьбе за руководство партией и государством. Характеризуя каждого из них, он пишет, что Сталин, сосредоточив огромную власть как секретарь ЦК партии, вряд ли сможет разумно пользоваться этой властью.

Троцкого он характеризует как человека выдающихся способностей, но с большим сомнением, бывшего меньшевика, мечущегося в разные стороны и стремящегося к чрезмерному администрированию.

Через несколько дней, 4 января 1923 года, Ленин добавляет, что Сталин слишком груб и этот недостаток, терпимый в общении коммунистов, невыносим на посту генерального секретаря, вследствие чего необходимо подумать о замене его на этом посту.

Однако эти предложения опоздали. Опираясь на решение врачей, Сталин сделал все, чтобы изолировать Ленина. 10 марта новый приступ болезни почти лишает Ленина дара речи. Он раздражается по всякому поводу. Лишь благодаря заботам и терпеливым занятиям с ним его жены, Надежды Константиновны Крупской, которую он терпит, состояние больного к лету 1923 года несколько улучшается. В августе он способен повторять около 350 слов. Временами его возят на прогулки и даже на охоту. В последний раз, 18 октября 1923 года, он совершает поездку в Москву. Урывками пишет или диктует статьи и заметки.

Врачи ломают голову над диагнозом В. И. Ленина. Отравление свинцом вследствие покушения 30 августа 1918 года — маловероятно. Переутомление и атеросклероз — не очень похоже. Более всего это напоминает прогрессивный паралич вследствие сифилиса. Действительно, проводимое лечение — препараты мышьяка, ртути, неосальварсан, рекомендованный знаменитым Бехтеревым, направлены на лечение этой болезни по методам того времени.

Однако во всех протоколах истории болезни диагноз неясен, всякие намеки на сифилис отвергаются. Как можно

потворствовать гнусным измышлениям эмигрантских писателей Бунина и Шульгина и порочить имя великого вождя мирового пролетариата?

На фоне некоторого облегчения 21 января 1924 года Ленин чувствует общее недомогание, вялость. Он показывает на свои глаза, но известный офтальмолог, профессор Авербах, не находит каких-либо отклонений от нормы. Осмотревшие его после обеда профессора Фёрстер и Осипов не обнаруживают никаких тревожных симптомов. Однако около 6 часов вечера состояние больного резко ухудшается, появляются судороги, учащенное дыхание достигает 36 ударов в минуту, пульс 120–130. Около половины седьмого температура поднимается до 42, 5°С.

В 18 часов 50 минут лицо становится багровым, затем дыхание прекращается, голова откидывается назад и лицо становится мертвенно-бледным; присутствующие врачи констатируют смерть. Заключение о летальном исходе подписано Фёрстером, Осиповым, Елистратовым, Крамером, Кожевниковым и Гетье. Клинический диагноз: смерть наступила от паралича дыхания и сердца в результате кровоизлияния в мозг на фоне общего атеросклероза.

Утром 22-го известный патологоанатом профессор Абрикосов производит вскрытие тела в присутствии Фёрстера, Осипова, Гетье, Елистратова и приехавших Дешина, Вейсброта, Бунака, Розанова, Обуха и наркома здравоохранения Н. А. Семашко. Следует детальное описание состояния тела и внутренних органов. Патолого-анатомический диагноз: распространенный атеросклероз с резко выраженным поражением артерий головного мозга, атеросклероз нисходящей части аорты, гипертрофия левого желудочка сердца, множественные очаги размягчения в левом полушарии мозга, свежее кровоизлияние в сосудистое сплетение мозга над четверохолмием. К диагнозу приложено и специальное заключение, подписанное русскими врачами Осиповым, Фельдбергом, Крамером, Кожевниковым и Гетье и немецким профессором Фёрстером, все они или почти все крупнейшие специалисты по сифилису, согласно которому: «Ввиду циркулирования слухов в России и за границей о специфическом характере заболевания покойного В. И. Ульянова (Ленина) врачи, пользовавшие покойного, заявляют, что никаких указаний на люэс (сифилис) нет ни в его анамнезе, ни в результатах исследования крови и черепно-мозговой жидкости, ни в данных произведенного вскрытия тела».

После смерти Ленина обостряется борьба за власть, особенно между Сталиным и Троцким. Введение НЭПа вызывает

отрицательную реакцию ортодоксальных коммунистов, выявляется также несоответствие сравнительно быстро развивающегося сельского хозяйства и бездействия заводов и фабрик. Так, в 1923 году, по сравнению с довоенными, цены на промышленные товары выросли на 190–200%, тогда как продукты подорожали лишь на 50%. Эта диспропорция цен, или «ножницы», растущая безработица, появление нового класса богатых предпринимателей — «нэпманов» вызвали новые трудности, которые подверглись жестокой критике со стороны Троцкого и «левых коммунистов». С наступлением НЭПа жить стало легче, довольно скоро появились продукты, а затем и товары, но «диктатура пролетариата» сохранялась и «строительство социализма» продолжалось.

Голода уже не было, ели досыта, на столе лежал белый и черный хлеб, к обеду давали мясо, картошку и даже кисель или компот на третье блюдо. Появились яблоки, пирожные и мороженое, которые смутно сохранились в моих детских воспоминаниях. Помню даже, как в школе мы соревновались в том, кто сможет съесть больше пирожных.

Совсем иными стали и жилищные условия. Хотя я жил то с отцом, то с матерью, то у тетки, зимой мы не мерзли и не мокли в воде, протекавшей с потолка. Отец жил в трех комнатах бывшего особняка Марка, теперь здания Биохимического института. У матери и у тетки было по одной комнате в коммунальных квартирах.

Летом меня вывозили в деревню Лианозово (теперь это уже часть Москвы) к богатому крестьянину Барабанову. У него был большой дом в 5–6 комнат с пианино и напольными часами, которые громко отбивали каждый час и каждые 15 минут, будя меня по ночам. Барабанов разводил клубнику, в хозяйстве ему помогали жена и дети, и только для сбора урожая он нанимал на месяц-полтора двух девушек-работниц. По вечерам вся семья собиралась в большой гостиной, где он вслух читал Библию.

Помню, как-то Барабанов рассказывал, что вечером, когда он возвращался домой со станции, его ограбили. Так как в деревне все знают друг друга, он подал в суд на двух пьяниц и бездельников, которые украли у него вещи и деньги. Суд вынес заключение, что это не грабеж, а «классовая борьба в деревне»; в этом, по-видимому, заключалась мудрая политика партии.

После первых классов в обыкновенной школе, которая еще не успела перестроиться на социалистический лад, меня отдали в привилегированную школу, где учились дети вождей партии и правительства. Несколькоими классами моложе меня

учился сын Сталина — Василий. Это был противный рыжий мальчишка, злой, своенравный и не желавший учиться. На любые замечания учителей он нагло отвечал: «Я — Сталин», и все вопросы отпадали.

Школа находилась во 2-м Ильинском (теперь Обыденском) переулке напротив действующей церкви Ильи Обыденного. Называлась она «Московская опытно-показательная школка-коммуна имени Лепешинского», сокращенно МОПШК, вследствие чего всех нас называли «Мопсами». Коммуной она была когда-то давно, при военном коммунизме; теперь же ученики жили дома.

Несмотря на НЭП, нас постоянно начинали политикой, твердили о том, что мы живем в самой счастливой стране, об ужасах, нищете и эксплуатации в царской России и в иностранных государствах. По церковным праздникам заставляли демонстрировать с антирелигиозными плакатами перед еще не взорванным храмом Христа Спасителя.

Учебный план был коренным образом перекроен; русский язык и грамматику упразднили, вместо истории преподавали «обществоведение», согласно которому все начиналось с Карла Маркса и 1-го Интернационала; о том, что было до этого, не сообщалось ни слова. На уроках литературы давали лишь краткие сведения о классиках, основное внимание уделялось «пролетарским писателям», ныне забытым, упоминались лишь некоторые «революционные» стихи Брюсова и Блока, а о Есенине, Гумилеве, Ахматовой, Соллогубе и большинстве произведений Достоевского даже упоминать было опасно.

Экзаменов не было, успеваемость учитывалась на основании опросов на уроках, и вообще учебные занятия были на втором плане, престижна была общественная работа, в особенности в учкоме, который обладал большей властью, чем преподаватели. Страна оставалась государством рабочих и крестьян, слово «интеллигент» было ругательством, вследствие чего я старался всячески подражать рабочим и страдал из-за своего интеллигентского происхождения.

В 1928–29 годах два последних года сделали специализированными, и я окончил школу-девятилетку с «химическим уклоном». Несмотря на все эти перемены, у нас были хорошие учителя, которые давали нам серьезные знания, в частности по естественным дисциплинам, так, например, по химии мы работали в лаборатории и были знакомы с основами качественного и количественного анализа.

Между восьмым и девятым классами нас возили на экскурсию по Украине, где мы познакомились с заводами и фабриками. Эта экскурсия — самое яркое воспоминание из моей

школьной жизни; мы видели стекольные заводы в Константиновке, металлургические — в Запорожье и в Кривом Роге, химические производства, стеклодувные и другие мастерские — это было настоящим введением в жизнь, несравнимым со стажировкой или работой в школьных мастерских. В памяти остались огромные домны, горячие цеха, в которых трудно было выстоять, жидкий металл, вытекающий из мартеновских печей, черные, со спертым воздухом угольные шахты, где в неудобных позах грязные полуголые рабочие долбили уголь, просторные соляные шахты, большие стеклянные сосуды, выдуваемые вручную. Приехав в Москву, каждый из нас должен был описать какое-нибудь производство. На мою долю выпала «химия металлургического процесса».

Несмотря на то, что мы были неустроены, голодны и часто лишены элементарных удобств, молодость брала свое, о тех днях остались самые лучшие и веселые воспоминания. Помню, как мы купались на строительстве Днепрогэса — Днепрострое, и я, из удалства, переплыл Днепр. Выйдя на противоположном берегу, почувствовал, что обратно плыть не могу. Обессиленный, я увидел рыбака на лодке и попросил его перезвезти меня. По моемуговору он определил, что я не местный, был очень удивлен, что я переплыл такую широкую реку, а когда я сказал ему, что я из Москвы, заметил: «Ну да, у вас же там Волга».

В школе я не искал истины, как молодые герои романов, — «истину» нам внушали в готовом и неоспоримом виде, однако в это время, в 1928–29 годах, у меня впервые появились сомнения в правильности генеральной линии партии. Как ни странно, это было связано не только и не столько с приходом к неограниченной власти Сталина, коллективизацией и индустриализацией, лишениями и всеобщим, приглушенным из-за страха ропотом, как с постоянными размышлениями о философских и экономических основах социализма. Уже тогда я понял, что социализм — это прежде всего угнетение личности, стрижка всех под одну гребенку, ограничение свободы.

Эти мысли таились где-то глубоко, почти в подсознании. Стало опасным не только сказать что-нибудь лишнее, но даже подумать об этом. Все славословили «мудрую генеральную линию партии» и «гений великого Сталина» — малейшая неосторожность приводила к аресту, а нередко и к расстрелу.

Таков был конец НЭПа. Уже на исходе 1928-го, но особенно в 1929 году ситуация в стране менялась стремительно, все средства массовой информации, газеты, радио, плакаты, партийные пропагандисты твердили об огромных успехах в строительстве социализма, индустриализации и коллективи-

зации, небывалом подъеме и энтузиазме народа. Под напором пропаганды большинство населения не могло позволить себе задумываться и сомневаться в происходящем прогрессе.

В 1929 году официальный орган партии — «Правда» опубликовала передовую, подписанную Сталиным, под названием «Год великого перелома», согласно которой происходящие события и особенно сплошная коллективизация крестьянства являются великим прогрессом на пути к социализму и «светлому будущему — коммунизму».

Тем временем условия жизни становились все хуже и хуже, постепенно исчезали продукты питания и самые необходимые товары. В деревне крестьяне роптали и возмущались конфискацией их собственности, сопровождавшей «добровольную», а по существу насильственную коллективизацию сельского хозяйства. Режим же становился все более жестоким, даже тираническим, вновь возродились массовые аресты и идеологическое давление.

Во времена НЭПа поведение людей было относительно свободным, можно было говорить то, что думаешь, и даже неофициально критиковать советскую власть и коммунистическую партию, рассказывать антисоветские анекдоты, которых было множество.

Некоторые из них запомнились до сих пор. Например, по улицам Москвы сопровождают иностранца. Ему рассказывают всякие небылицы о великих достижениях народного хозяйства и счастливой жизни советского народа, о всеобщем одобрении политики партии и советского правительства. Сомневающийся иностранец спрашивает: «Точно ли все без исключения верят в правоту политики Сталина?» «Да, — отвечают ему, — каждый готов пожертвовать всем, даже своей жизнью за партию, за Сталина». «Возможно ли это? Даже своей жизнью?» «Конечно, вы можете остановить любого и спросить об этом». Иностранец останавливает молодого человека и спрашивает его, готов ли он отдать свою жизнь за Сталина. «Конечно», — отвечает молодой человек. «Не может быть! Вы должны доказать это. Если мы поднимемся на седьмой этаж, вы готовы броситься вниз?» «Да, конечно». Они поднимаются наверх, и молодой человек подходит к барьеру. В последний момент иностранец останавливает его: «Что вы делаете, пожалуйста свою молодую жизнь!» Молодой человек, однако, бросается вниз со словами: «Ах, что это за жизнь!»

Но с 1929 года анекдоты рассказывали все реже, и вскоре они исчезли совсем. Сеть «сексотов» была уже достаточно густой, рассказчиков арестовывали и жестоко наказывали, анекдоты перестали рассказывать, опасаясь за свою жизнь.

В 1925-м, а затем и в 1930 году мы с отцом жили около месяца на даче Алексея Ивановича Рыкова, который был в эти годы, после смерти Ленина, председателем Совнаркома. Однако значение этой должности уже далеко не соответствовало тому, каким оно было при Ленине, поскольку всю власть сосредоточил в своих руках Сталин, являясь Генеральным секретарем Центрального комитета партии. Отец, по-видимому, познакомился с Рыковым через его жену, Нину Семеновну, стоматолога, когда-то лечившую отца.

Дача Рыкова находилась в Валуеве, приблизительно в 20 километрах от Москвы, и занимала огороженный участок бывшего поместья Мусина-Пушкина. Участок этот примыкал к прекрасному парку с особняком графа, превращенным в дом отдыха. Дача представляла собой двухэтажный деревянный дом в 8–10 комнат. Неподалеку, на том же участке, был расположен одноэтажный дом, где в то время отдыхал Николай Иванович Бухарин. Охрана состояла из латыша-командира и русского солдата. Конечно, это была удобная и достаточно просторная дача, но она никак не могла сравниться с роскошными виллами членов Политбюро и номенклатуры сталинского периода.

Алексей Иванович прекрасно знал всю промышленность страны и, насколько я могу судить, рационально управлял народным хозяйством. Он был живым, остроумным человеком, любил всякие шутки и розыгрыши, охотно играл в городки или в крокет, нередко я видел, как он вполне профессионально косил траву. Он был прост и доступен в обращении, смело критиковал политику Сталина, которая, как он говорил, ведет к вырождению нации.

К тридцатому году резко обострились разногласия в руководстве партией и уже сформировался «правый уклон» в составе трех членов Политбюро: Рыкова, Бухарина и Томского.

Бухарин поражал своими энциклопедическими знаниями, он прекрасно знал литературу, свободно разбирался в названиях растений и животных. Оба они были мне симпатичны и, несмотря на свою молодость, я разделял их недовольство политикой Сталина, которая по существу была ничем иным, как воспроизведением на практике установок Троцкого. Отец же, в отличие от меня и несмотря на дружбу с Рыковым, высоко ценил Троцкого и считал правильными мероприятия Сталина.

В последний раз я видел их обоих, Рыкова и Бухарина, на процессе «правотроцкистского блока», когда они были приговорены к расстрелу. Должен отметить, что только эти двое из 21 осужденных вели себя достойно и не просили о пощаде.

Глава 3

ПРЕДЫСТОРИЯ МАВЗОЛЕЯ

Смерть Ленина обнажила в верхушке правления партии и государства разногласия, подоплекой которых, как уже говорилось, была борьба за руководство и взаимная неприязнь. С одной стороны, это был Троцкий, считавшийся ближайшим сподвижником Ленина, с другой — Сталин, занимавший пост Генерального секретаря Центрального комитета РКП(б). При Ленине партия еще не заняла главенствующего положения в государстве, лишь впоследствии Сталин сумел устранить и физически уничтожить всех своих конкурентов и захватить неограниченную власть.

Начавшееся обожествление, или культ, личности Ленина вызывалось не столько искренним почитанием его, сколько (особенно у Сталина) укреплением фундамента собственной власти, ведь поклонение Богу распространяется и на священнослужителей.

Во время болезни Ленина Сталин, больше всех проявляя заботу о его здоровье, с сатанинской хитростью прилагал все усилия для изоляции Ленина от государственных дел, выводил у врачей мрачный прогноз его болезни. В своей книге «Моя жизнь» Троцкий пишет, что недаром именно Сталина Ленин просил дать ему яд, отлично понимая, что только Сталин и никто другой из его сподвижников не способен выполнить такую просьбу.

Н. В. Валентинов-Вольский, некогда очень близкий к Ленину социал-демократ, затем меньшевик, но при советской власти один из руководителей ВСНХ, эмигрировавший впоследствии в США, пишет в своей книге «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина», что Сталин первый понял, что «Ленину капут», и в соответствии с этим планировал свои действия.

По свидетельству этого автора во время последней поездки в Москву 18–19 октября 1923 года Ленин долго искал в своем кабинете какую-то бумагу, порочившую Сталина. Не найдя этой бумаги, которая, по-видимому, была выкрадена Сталиным или по его поручению, Ленин, не допуская, чтобы в его записях рылся кто бы то ни было, даже Крупская, возмутился и перерывался. После этого его болезнь резко обострилась.

Далее Валентинов-Вольский пишет, что вскоре в связи с ухудшением здоровья вождя состоялось совещание шести членов Политбюро: Сталина, Троцкого, Каменева, Рыкова, Бухарина и Калинина. Совещание не протоколировалось и, скорее, было неофициальной беседой.

Сталин сообщил, что им получены сведения о резком ухудшении состояния Владимира Ильича и нужно быть готовыми к самому печальному исходу. Калинин сказал, что нужно обдумать все, относящееся к похоронам Ленина; похороны должны быть такими величественными, каких мир еще никогда не видывал.

Сталин, поддержав Калинина, отметил, что необходимо все обдумать заранее, чтобы в часы великой скорби не было никакой растерянности. Он продолжил, что этот вопрос очень волнует некоторых товарищей в провинции, которые считают, что Ленин — русский человек и поэтому должен быть похоронен, а не кремирован, что оскорбит его память. По их мнению, современная наука может с помощью бальзамирования надолго сохранить тело усопшего, во всяком случае достаточно долго, чтобы позволить нашему сознанию привыкнуть к мысли, что Ленина среди нас уже нет.

Троцкий резко заявил, что хотел бы знать, кто эти товарищи из провинции, которые, по словам Сталина, предлагают бальзамировать останки Ленина и сделать из них мощи, заменив ими мощи Сергия Радонежского или Серафима Саровского. Все это не имеет ничего общего с марксизмом. В том же духе высказался и Бухарин, отметив, что превращение в бальзамированную мумию останков Ленина было бы оскорбительно для его памяти, потому что никак не вяжется с материалистическим, диалектическим мировоззрением.

Каменев также высказался против бальзамирования, сказав, что видит в этом отголосок того «поповства», которое бичевал Ленин в своих философских произведениях. Позиция Рыкова была не совсем ясной, он, однако, подчеркнул, что хоронить Ленина следует как-то по-особому и во всяком случае вне братского кладбища.

Тем не менее руководство партии приняло решение сохранить тело Ленина, и в «Правде» от 26 января 1924 года появилось постановление Центрального Исполнительного Комитета СССР:

«Идя навстречу желанию, заявленному многочисленными делегациями и обращениями в ЦИК СССР, и в целях предоставления всем желающим, которые не успели прибыть в Москву ко дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, Президиум ЦИК Союза постановляет:

1. Гроб с телом Владимира Ильича сохранить в склепе, сделав последний доступным для посещения.

2. Склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братской могилы борцов Октябрьской революции.

*Председатель ЦИК Союза ССР, М. Калинин
Москва, Кремль, 25 января 1924 года.*

В действительности никаких «многочисленных обращений» не было. Согласно документам Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), решение о длительном сохранении тела Ленина было принято сразу после его смерти, когда тело, привезенное из Горок, было помещено в Колонный зал Дома Союзов. Соорудить склеп было решено на заседании Политбюро ЦК партии 23 января 1924 года. В тот же день на заседании Комиссии по организации похорон (впоследствии — По увековечению памяти) Ленина ее председатель Ф. Э. Дзержинский сообщил об этом решении и добавил: «Если наука может действительно сохранить его тело на долгие годы, то почему бы это не сделать. Царей бальзамировали просто потому, что они цари. Мы это сделаем потому, что это был великий человек, подобного которому нет. Для меня основной вопрос — можно ли действительно сохранить тело».

Уже в то время фактически решение принимало Политбюро, но для видимости было опубликовано постановление ЦИК. Для оправдания во второстепенной газете «Рабочая Москва» печатали: «Что говорят рабочие (из разговоров в Доме Союзов): “Надо сохранить тело Ильича. Ударисься в оппозицию, пойдешь к телу Ильича и станешь опять на правильный путь”», или: «Тело Ленина надо сохранить. Рабочие этого хотят. Как это сделать?»

Против этого намерения резко выступила вдова Ленина Н. К. Крупская. Ее обращение к рабочим опубликовала «Правда»:

«Товарищи, рабочие и работницы, крестьяне и крестьянки! Большая у меня просьба к вам, не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т. д. — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим. Помните, как много еще нищеты, неустройства в нашей стране. Хотите почтить имя Владимира Ильича — устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д., и самое главное — давайте во всем проводить в жизнь его заветы.

Н. Крупская».

С мнением Крупской руководство партии нисколько не посчиталось. После патолого-анатомического вскрытия и временного бальзамирования, проведенного А. И. Абрикосовым 22 января, 23 января тело Ленина в сопровождении вождей партии и «трудящихся масс» было привезено специальным составом на Павелецкий вокзал и в 28-градусный мороз перенесено в Колонный зал Дома Союзов.

По сценарию Политбюро в воскресенье 27 января состоялись торжественные похороны на Красной площади. Первоначально похороны были назначены на субботу 26-го, о чем, не без злого умысла Сталина, поскольку приехать к субботе Троцкий не успевал, сообщили Троцкому, находившемуся на лечении в Синопе близ Сухума.

Согласно решению Политбюро, наскоро строится временный мавзолей по проекту архитектора А. В. Щусева, в 30-градусный мороз промерзшую землю у кремлевской стены взрывают динамитом.

В 9 ч. 20 мин. под звуки похоронного марша Сталин, Зиновьев и шестеро рабочих выносят гроб с телом Ленина из Колонного зала Дома Союзов. На Красной площади Каменев, Аванесов, Рудзутак и Томский устанавливают гроб на деревянном помосте. После траурного парада и речей партийных вождей и представителей народа в 16 часов Сталин, Зиновьев, Каменев, Молотов, Бухарин, Рудзутак, Томский и Дзержинский переносят гроб во временный мавзолей. В вырытом трехметровом углублении устанавливают гроб, покрытый стеклянной крышкой; над ним стоит темно-серый деревянный куб, во всю длину которого из черных брусков выложено слово «Ленин». По бокам — две будки для входа и выхода посетителей.

В 16 часов московского времени на всей территории СССР производится артиллерийский салют, в течение 3 минут раздаются гудки фабрик и заводов, на 5 минут останавливают транспорт и работу на всех предприятиях.

Вокруг имени Ленина создается культ. Петроград переименовывают в Ленинград, именем Ленина называют города, заводы, колхозы, пароходы, больницы и т. п., почти в каждом населенном пункте воздвигают памятники Ленину. Объявляется ленинский призыв в партию, повсеместно пропагандируется огромная историческая роль, гениальность, доброта, скромность Ленина.

В Колонном зале и в Мавзолее Ленин лежит в защитного цвета френче, какой он носил во время болезни в Горках. На левой стороне груди у него орден Красного Знамени. В отличие от последующих вождей, например Брежнева,

Ленин при жизни не награждался и, по легенде, в Колонном зале эту награду снял с себя и положил ему на грудь некий участник гражданской войны. Однако, как мне говорили, при сверке номера ордена выяснилось, что он принадлежал немецкой коммунистке Кларе Цеткин.

Комиссия по организации похорон (впоследствии — По увековечению памяти) Ленина под председательством Дзержинского и непосредственно тройка в составе Молотова, Енукидзе и Красина занималась вопросом о дальнейшем сохранении тела. По этому поводу она неоднократно заседала, нередко с участием специалистов-ученых. Никто из них, однако, не предложил какого-либо надежного способа сохранения тела.

В беседе с корреспондентом газеты «Вечерняя Москва» профессор А. И. Абрикосов сообщил о произведенном им временном бальзамировании тела путем вливания через аорту 6 литров формалина с добавлением спирта и глицерина. На вопрос о возможности длительного сохранения тела в неизменном виде он ответил: «Вы хотите знать, обладает ли наука средством сохранить тело Владимира Ильича на очень продолжительное время. Пожалуй, таких средств нет...» Это интервью 26 января появилось в харьковской газете «Коммунист». Его прочитал профессор анатомии Харьковского университета Владимир Петрович Воробьев.

Имея большой опыт многолетнего хранения анатомических препаратов в растворе уксусно-кислого калия и глицерина, предложенном в конце прошлого века русским патологоанатомом Н. Ф. Мельниковым-Разведенковым, и применяя собственные усовершенствования, позволяющие сохранять цвет препаратов и устранять появляющиеся изменения, он полагает, что этот способ можно было бы применить и к целому телу. Эти соображения он высказывает своим ассистентам и заведующему отделом медицинского образования Главпрофобра Украины А. П. Жуку. Последний сообщил это наркому просвещения В. П. Затонскому и тот, в свою очередь, дал соответствующую телеграмму в Москву Дзержинскому.

Тем временем на лице и руках тела Ленина появились изменения: темные пергаментные пятна, небольшое расхождение губ и век, местами землисто-серый цвет кожи. Старый большевик Л. Б. Красин предложил охладить тело и сохранить его в замороженном виде. Соображения Воробьева, вызванного в Москву, и других ученых не остановили его, и он настоял на своем. Мало того, на одном из заседаний комиссии, после ухода профессоров, он заявил, что они ничего не понимают, и вопрос решать нужно самим.

Это был тот самый авантюрист Красин, который тянул деньги у Саввы Морозова, будучи главным инженером его предприятий, и не исключено, что прикончил его, дабы получить большие средства, завещанные артистке Марии Федоровне Андреевой, состоявшей в партии большевиков.

Воробьев резко возражал против замораживания. Оно уже имело место, когда тело Ленина везли из Горок в 30-градусный мороз и во время церемонии похорон на Красной площади. Это привело к повреждению тканей, которое, несомненно, усилится при новом охлаждении и особенно замораживании и оттаивании, чего избежать вряд ли возможно. Он говорил о том, что приступать к бальзамированию нужно немедленно, учитывая начинающееся разложение и усыхание тела. Вместе с тем Воробьев, опасаясь огромной ответственности, все же колеблется и не решается браться за работу по бальзамированию тела Ленина. Тут, по-видимому, немалую роль сыграл мой отец, Борис Ильич Збарский. Он сумел убедить Воробьева более решительно заявить о возможности длительного сохранения тела и опасности промедления в этом деле.

Несмотря на явно противоречивые суждения ученых и отрицательные результаты опытов по замораживанию трупов, поставленных по решению комиссии, инженер Красин, не будучи компетентным в медицине, упорно настаивает на своем проекте, который находит поддержку Молотова и Дзержинского. Комиссия приняла решение заморозить тело. Для этого за границей, за большие деньги, заказали холодильные установки.

Состояние тела Ленина становилось угрожающим, ученые, осмотревшие его 10 марта 1924 года, отметили, что ушные раковины сморщены, имеют землистый оттенок, веки запали, губы ссохлись и разошлись на 2–3 мм, на темени и лобном бугре выступили пергаментные и буроватые пятна, багровая и зеленовато-серая окраска наблюдается на туловище и руках повсеместно. Эти изменения имеют двоякий характер: посмертное разложение и высыхание выступающих частей тела.

Комиссия решила закрыть доступ в Мавзолей и провести консультацию с известным специалистом по посмертным изменениям (танатологом) профессором Г. В. Шором. Домой к Шору в Ленинграде неожиданно явились несколько человек в кожаных куртках и сообщив, что они из ГПУ, приказали профессору немедленно ехать с ними в Москву. Перепуганный Шор, в полной уверенности, что его арестовывают, попрощался с женой и наскоро собрал необходимые вещи.

В Москве его привезли на Лубянку в здание ГПУ. Каково же было его удивление, когда неожиданно он попал в каби-

нет самого Дзержинского, который попросил извинения за беспокойство и предложил ему принять участие в заседании медицинской комиссии по сохранению тела Ленина. Надежды на Шора не оправдались. Он сам сказал, что его метод сохранения герметически изолированных анатомических препаратов в глицерине не применим для тела Ленина — неизбежны изменение цвета кожи и окраска трупа от одежды.

Предложения Шора уменьшить объем саркофага, покрыть кожу лаком и т. п. никак не гарантировали длительного сохранения. Один Воробьев предложил резонную программу: вынуть тело, тщательно промыть его, удалив кровь и хлористый цинк, обработать спиртами, поместить в бальзамирующую жидкость на основе глицерина. Тем не менее Красин утверждал, что такого способа, который обеспечил бы длительное сохранение тела Ленина, не имеется и продолжал упорно настаивать на замораживании.

Комиссия ЦК и исполнительная тройка поддержали противоречащее мнению ученых предложение Красина. Воробьев уехал в Харьков и оставил письмо Красину, в котором еще раз указал на тревожное состояние тела, которое ухудшается буквально на глазах. Он писал, что вернуть прошлое нельзя, но можно еще сохранить прижизненное сходство, цвет кожи и предохранить тело на долгие годы. Единственный метод, который может еще остановить процесс разложения и спасти дело — это погружение в бальзамирующую жидкость.

В соответствии с решением комиссии спешно устанавливали охлаждающую аппаратуру в Сенатской башне Кремля и в Мавзолее. Однако природа брала свое: уже стояла середина марта, пригревало солнце, таял снег, и при этом резко ускорились разложение тела. Работу по монтажу сложных установок, только появившихся в то время, не успевали закончить вовремя, и кремлевское начальство начинало мириться с мыслью, что тело Ленина придется захоронить.

Это обстоятельство и, в некоторой степени, активность моего отца, которому удалось встретиться с Дзержинским и с Красиным и решительно пообещать, что Воробьев и он смогут сохранить тело, привели к тому, что, наконец, только теперь, восприняли предложение Воробьева всерьез.

Красин поехал в Харьков, там познакомился с анатомическим музеем, впервые в жизни увидел хорошо сохранившиеся в банках части тела и внутренние органы. Все это произвело на него сильное впечатление, он понял, что с учеными все-таки надо считаться, и предложил Воробьеву приступить к бальзамированию тела. Это предложение подтверждается

письмом за подписью Дзержинского, согласно которому были приняты условия, поставленные Воробьевым, а именно, ему предоставляется право подбирать помощников, делать необходимые манипуляции (разрезы, инъекции и т. п.), его обеспечивают материалами и реактивами. На требуемый для работы срок (4 месяца) прекращается допуск посетителей в мавзолей. Перед началом работы специальная медицинская комиссия составляет акт о состоянии тела.

Комиссия, осмотревшая тело в отсутствие Воробьева 20 марта и совместно с ним 26 марта, перед началом работы по бальзамированию, констатировала землистый оттенок кожи, особенно в области глазницы, носа, ушных раковин, буроватый оттенок лобных и теменных бугров, расхождение губ на 3 мм, множественные пергаментные пятна, особенно на бедрах, серо-зеленую окраску левой руки, западение век, не полностью закрывающих глаза.

В тот же день, 26 марта 1924 года, Воробьев приступил к работе совместно со своими помощниками: профессором анатомии Московского университета П. И. Карузиным, моим отцом, профессором биохимии Б. И. Збарским, и своими ассистентами: А. Л. Шабашем, А. Н. Журавлевым и Я. Г. Замковским, о чем соответствующее сообщение появляется в печати.

Глава 4 УНИВЕРСИТЕТ

Большинство студентов университета жили в общежитии по 5–6 человек в комнате, а москвичи, которых было значительно меньше, ютились в наименьшей тесноте в коммунальных квартирах, занимаемых несколькими семьями. У нас с матерью была одна комната в коммунальной квартире на Арбате, а всего в шести комнатах было 22 человека; на всех имелась одна общая кухня, ванная и уборная, вокруг которых постоянно образовывались очереди.

Хорошо помню, как однажды ночью в 1937 году в квартиру пришли несколько агентов НКВД в штатском в сопровождении управдома и арестовали нашего соседа Максима Гуговича Марка, выдающегося физика, и его жену. Лишь после войны я узнал, что он погиб в заключении, а его жена получила «минус шесть», т. е. запрет жить в шести крупнейших городах СССР. Она устроилась в Завидове, так как жить ближе 100 километров от Москвы также было запрещено. Максим Гугович был сыном немецкого капиталиста, компаньона Воггау, Гуго Марка, пожертвовавшего свой дом для научного

института, в котором тогда помещался Биохимический институт Наркомздрава, а теперь находится Посольство Индии.

В отличие от своего брата, эмигрировавшего после революции за границу, Максим Гугович остался в России, отказался от наследства и вступил в партию. Он был убежденным коммунистом и вел скромный образ жизни. По слухам, его арестовали в 1937 году не из-за его происхождения, а потому, что на каком-то собрании он голосовал за Троцкого.

В школе, естественно, я был пионером и, как все, мечтал вступить в комсомол, тем более, что знал — без этого в университет не попасть. Когда я подал заявление о приеме в комсомольскую организацию, со мной долго беседовали и, не смотря на то, что я добросовестно выучил программу и устав, сочли, что у меня не хватает «комсомольского духа», и приняли только в «кандидаты». Что собой представляет «комсомольский дух», я до сих пор не знаю; вероятно, манеры мои были слишком «интеллигентскими».

Окончив школу в 1930 году, я не мог поступить в университет. Поскольку мне еще не было 17 лет, это казалось мне огромным упущением в жизни. Отец неоднократно внушал мне, что учиться в школе легко и просто, даже слишком легко, поэтому он и предпочитал домашнее воспитание, но чтобы получить высшее образование, считал он, требуются знания, и способности, и напряженный труд. Запуганный отцом, я не был уверен, что смогу справиться с этими трудностями.

Прошел еще год после «великого перелома» 1929 года, но проводившаяся и продолжавшаяся «сплошная коллективизация» и «ликвидация кулачества как класса» уже дала свои плоды. За относительным благополучием НЭПа наступила нужда, а затем и голод.

Коллективизация ломала весь уклад российской жизни. Началось преследование интеллигенции и новая волна репрессий. Внедрялось насильственное изучение истории партии и марксизма-ленинизма. Во имя «светлого будущего — коммунизма» решили покончить с буржуазной интеллигенцией и создавать рабоче-крестьянские кадры.

Большинство попадало в университет, в специальные институты и даже в консерваторию по разверстке, не имея ни общей элементарной подготовки, ни интереса к высшему образованию.

Знаменательным событием была «чистка кафедр», проводившаяся для изгнания наиболее знающих старых профессоров, которых заменяли профессионально негодными, но «политически надежными» кадрами. На одной из таких чисток в I-м Медицинском институте мне довелось присутствовать:

студенты и технические работники допрашивали профессоров, выясняя их социальное происхождение, преданность идеалам коммунизма. Профессоров обвиняли в отступлении от линии партии главным образом из-за того, что они были требовательны на занятиях и ставили низкие отметки малограмотным студентам.

Прошел год, несколько месяцев я проработал лаборантом в химической лаборатории Института курортологии, затем «болтался» без дела, много читая и немного занимаясь науками. Временами мне хотелось описать свои мысли и чувства, но любое их искреннее выражение рассматривалось как «вылазка классового врага», за что следовали аресты, ссылки и даже расстрелы. Хваления советская литература, которой пичкали нас в школе, вызывала у меня отвращение, и советских писателей я воспринимал как приспособленцев.

Малейшее сомнение в правильности «генеральной линии партии» приводило к арестам, всех заставляли лгать и скрывать свои чувства и мысли. Под этим гнетом пришлось прожить почти всю жизнь, и только постоянная осторожность и скрытность, а может быть, и случайность уберегли меня от жестоких репрессий.

Смыслом жизни оставалась наука, свою роль я видел в познании неизвестного, в проникновении в тайны природы. В силу традиции и интереса я хотел стать химиком и учиться в Московском университете, который был для меня храмом науки.

В высшие учебные заведения принимали только рабочих или крестьян, в крайнем случае детей рабочих и крестьян, для детей ученых, специалистов и служащих путь в науку был закрыт. Следовательно, я, как сын профессора, не должен был учиться. Спасло то, что отец был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Тогда это было редкостью и приравнивалось к рабочему происхождению.

Летом 1931 года я пришел на химический факультет Московского государственного университета имени М. Н. Покровского (так он тогда назывался). Специализация начиналась с первого курса, и я хотел подать документы на кафедру «Органическая химия». Оказалось, что эта область химии из программы факультета исключена. Ну, тогда — «Физическая химия»; такой специальности тоже не оказалось! Что же тогда есть? Есть «инженер по производству серной кислоты», «по производству анилоокрасителей», «по производству пластмасс». «Инженер...».

Мне объяснили: «Нам нужны специалисты для социалистического строительства, а не кабинетные ученые!». Здесь я

вспомнил: когда Лавуазье приговорили к смертной казни как королевского сборщика налогов, кто-то заметил, что он великий ученый. На это судья возразил: «Республике не нужны ученые» — «La République n'a pas besoin des savants».

Огорченный и разочарованный, я пошел на биологический факультет. Оказалось, что этого факультета уже нет, а есть два отделения — зоологическое и ботаническое. На зоологическом отделении интересовавшей меня «биологической химии» не было, зато были «охотоведение» (бывшая зоология позвоночных), «рыбное хозяйство» (бывшая ихтиология), «физиология труда» (бывшая физиология животных) и т. п. Была, правда, еще «физико-химическая биология» (по-видимому, не смогли придумать, во что переделать эту специальность). Так как мне показалось, что это единственная кафедра, где сохранилась наука, я подал на нее документы и был принят.

1 сентября 1931 года должны были начаться занятия. Нас собрали, и весь первый курс (около 300 парней) направили в военные лагеря под Москвой. Мы жили в палатках. Подъем был в 5 утра, и все время до позднего вечера мы занимались муштрой: строевая подготовка, марш, стрельба, разбор и чистка оружия, вахта на часах и т. п.

подавляющее большинство парней было значительно старше меня, в возрасте от 20 до 30 лет. Многие были мобилизованы на учебу в вуз с заводов, но из-за слабых знаний не были приняты на физико-математический факультет и их зачислили на зоологическое отделение как наименее престижное. Подготовка вообще была очень низкой, лишь единицы имели законченное среднее образование, немало встречалось и таких, кто буквально не мог написать собственную фамилию.

Среди этой серой массы были лишь 3–4 «интеллигента», каким-то чудом, как и я, попавшие в университет. Эти образованные молодые люди питали глубокий интерес к биологии. С двумя из них я сблизился. Один, Коля Виолович, работал лаборантом на кафедре энтомологии (кафедру называли — «борьбы с вредителями») и поэтому хорошо знал обстановку в университете. Он уговаривал меня последовать его примеру и сразу поступить на третий курс, так как на первых двух уровень преподавания очень низок из-за малограмотности студентов. Другой, Алеша Сергеев, напротив, считал, что нужно пройти все курсы. Я колебался.

Когда мы вернулись из военного лагеря, оказалось, что «физико-химическую биологию» попросту упразднили. Все остальные кафедры не только переименовали, но в корне перелопатили учебный план, сократив теоретические дисциплины.

лины и приблизив их к практическим задачам «социалистического строительства». На всех кафедрах львиную долю, около 40% учебного плана, занимали политпредметы — история партии, политэкономия, экономика социализма, исторический материализм, диалектический материализм, диалектика природы.

Из оставшихся кафедр я выбрал «физиологию труда», на ней по крайней мере остались курсы математики, физики и химии, которые были исключены из программ, например, кафедры «борьбы с вредителями» или «охотоведения». Начались занятия, но вместо учебы нас послали на завод записывать, сколько времени тратит рабочий на каждую операцию и на отдых, это называлось «хронометражем». Это и оказалось одним из главных предметов «физиологии труда». Началась мучительно-скучная долбежка по самым главным курсам — политпредметам. В остальном преподавали начальные основы, которые ничего не добавляли к моим знаниям, полученным в школе.

С первых же дней я решил попытаться перескочить сразу на второй курс. Пришлось пройти собеседование по каждому предмету. Оказалось, что моих школьных знаний более чем достаточно для того, чтобы преподаватели физики, химии, биологии и истории партии сочли, что материал первого курса я знаю. Однако одноглазый преподаватель аналитической химии, Пржевальский, отказался беседовать со мной, пока я не «отработаю» качественный и количественный анализ. Допустив одну ошибку в третьем знаке, я, единственный во всей группе, получил отметку «хорошо»; все остальные еле сдали на «удовлетворительно», «отлично» он вообще никому не ставил.

На втором курсе «физиологии труда» нас было около 30, только двое с законченным средним образованием — одна сельская учительница и я, трое закончили курсы по подготовке в вуз, образование остальных было ограничено несколькими классами средней школы или и того меньше.

Нас всех разбили на «бригады» по 3–5 студентов в каждой. Лекции, как буржуазный способ преподавания, были отменены; однако посещаемость занятий учитывалась строжайшим образом и служила главным критерием успеваемости. С 8 утра до 2-х состоялись бригадные занятия, с 2 до 4 — перерыв на обед, с 4 до 10 вечера — семинары, по существу, не отличавшиеся от школьных уроков. Все это было обязательно, после 10 — не менее обязательная общественная работа. Так каждый день, от понедельника до субботы включительно, по воскресеньям — субботник на строительстве метро или на овощной базе.

Экзамены были отменены по той же причине, что и лекции; успеваемость учитывалась по ходу собеседований, но,

главным образом, по посещаемости. Не всегда в состоянии выдерживать такую нагрузку, я иногда опаздывал на бригадные занятия и, как неуспевающий, висел на «черной доске».

Бригадные занятия заключались в совместном чтении учебников и «проработке материала». В действительности мне приходилось втолковывать учебный материал в головы совершенно неподготовленных членов бригады. Все они были значительно старше меня — почти на 10 лет.

Через некоторое время начальство поняло, что бригадные занятия в таком виде неэффективны, но так как эта форма обучения была декретирована, организовали «бригады равных темпов». Я попал в первую, т. е. самую сильную бригаду. Уровень преподавания ориентировался на среднего студента и был очень низок, на занятиях нам делать было нечего, и мы рассказывали друг другу анекдоты.

На бригадном собрании я, по молодости и легкомыслию, как-то сказал, что привык заниматься один и, думаю, что это будет полезнее, чем без толку проводить время в бригаде. Это замечание вызвало резкую отповедь моего старшего приятеля — Сергея Бычкова, который обвинил меня в приверженности буржуазным методам учения, и я понял, что такое выступление грозит мне по меньшей мере исключением из университета.

Непрестижность биологов выражалась не только в том, что на зоологическое и ботаническое отделения направляли самых слабых абитуриентов, но и в том, что студенты других отделений получали по карточкам 400 граммов хлеба в день, а мы — только 200 граммов. Обед в студенческой столовой состоял из несъедобных суррогатов, стыдливо именовавшихся «заменителями», которые приходилось есть за неимением другой пищи и постоянно страдать тяжелыми расстройствами желудка и кишечника. В столовой, тем не менее, толпились еще более голодные люди, которые жадно набрасывались на недоеденные порции.

Чай, если можно назвать этим благородным именем то пойло, которое нам давали, каждый наливал себе из большого котла-«титана», к которому на цепочке была привязана единственная на всю столовую алюминиевая ложка. К этому следует добавить, что я, как «сын обеспеченных родителей», стипендии не получал, а дома, по «щедрости» моей махехи, денег мне почти не давали. Праздником для меня всегда были приезды Воробьева, который меня подкармливал.

Каждую осень нас отправляли на 1–2 месяца в колхозы или совхозы для уборки урожая. Условия жизни там были далеки от комфорта, и работа выпадала тяжелая, но на обед нам обыч-

но давали не «заменители», а стакан настоящего молока и большой кусок черного хлеба.

Однажды созвали общее собрание студентов зоологического отделения, на котором декан Анна Марковна Быховская объявила, что на старших курсах, начиная с третьего, стипендий платить не будут, поскольку там учатся классово неценные студенты; стипендии сохраняются только для первого и второго курсов.

Все знали, что малейшее возражение чревато немедленным исключением из университета, и молчали. Однако нашелся студент третьего курса, Гололобов, который выступил и сказал, что он рабочий от станка и сын рабочего, следовательно, классово ценный, учится на третьем курсе, работать, при имеющейся нагрузке на студентов, не может и считает, что имеет право на стипендию, без которой лишается средств к существованию.

Разразились гром и молнии. Гололобова обвинили в том, что он агент классового врага, выступает против мудрых решений партии о необходимости создавать свою рабочую интеллигенцию, чтобы заменить ею буржуазных специалистов, и т. д. и т. п. Он был немедленно исключен из комсомола и из университета, в стенгазете появились разгромные статьи против Гололобова, и проработка «гололобовщины» продолжалась еще несколько месяцев после исключения и предания анафеме самого Гололобова. Малейшее несогласие или даже подозрение на несогласие не только с политикой партии, но и с условиями существования приводило к исключению из университета и комсомола, а нередко и к аресту.

Окончив второй курс, я, как и многие другие студенты, получил путевку в дом отдыха МГУ в Геленджике на Черном море. В течение 3–4 дней я наслаждался морем и относительно доброкачественным питанием. Но не долго длилось наслаждение, скоро нас созвали на общее собрание, на котором директор объявил, что профбюро университета выдало больше путевок, чем имеется мест; новую партию отдыхающих разместить негде. Поэтому в доме отдыха остаются только классово ценные студенты. Все классово неценные, согласно зачитанному списку, немедленно снимаются с довольствия и в 24 часа должны покинуть дом отдыха. В списке классово неценных (человек 20–30) числился и я.

Денег у всех нас было очень мало или не было вовсе. Купить что-нибудь без карточек было невозможно, а по свободным ценам наших средств хватило бы разве на один завтрак или ужин. Все мы, «классово неполноценные» оказались в тягчайшем положении. Некоторые устраивались на работу в со-

вхозы, другие отправляли телеграммы родителям с просьбой выслать денег на проезд.

Мне несколько помогло то, что один студент с физического отделения, с которым я подружился, оказавшийся в том же списке, был более приспособленным к советским условиям. Снятые с довольствия, в течение 2–3 дней мы пользовались щедростью повара и продолжали питаться в столовой. Тут нас застукал директор дома отдыха и категорически потребовал, чтобы мы немедленно убирались. Мы продолжали молча есть, директор свирепел все больше и больше; тогда Степан Михайлов, так звали моего приятеля, показал ему пальцем на плакат, висевший над головой: «КОГДА Я ЕМ, Я ГЛУХ И НЕМ». Это позволило нам докончить обед, но после этого пришлось сейчас же уехать.

Степан сообщил мне, что в Севастополе живет его дядя — директор банка и что он сможет отправить нас в Москву. На небольшую сумму денег, которая у нас была, он предложил мне совершить путешествие по Кавказскому побережью и затем, на обратном пути, доехать до Севастополя, благо, проезд мы оплачивали по студенческому литеру с большой скидкой.

На палубе парохода мы доплыли до Сухума, нашли школу, показали наши студенческие билеты учителю и попросили пустить нас, бедных студентов, переночевать. Хлеб, украденный из столовой, кончился, и наутро нас терзали муки голода. В поисках пищи набрали на заросли лесных орехов, «паслись» там все утро, потом набрали орехов с собой, что помогло нам продержаться целый день.

Мы гуляли по городу и наблюдали сценки местной жизни. В порту зашли в таверну. Взяв кружку пива на двоих, мы прислушивались к разговорам матросов. Впервые я видел, как договаривались с девицами легкого поведения. Нам все было интересно. Мы были молоды и любознательны, лишения и неудобства переносили легко и с юмором.

Вечером сели на пароход, взяв билеты в третий класс до Севастополя. На палубе над нами мерцали звезды, шумело море. В Севастополе дядя встретил нас с умеренным радушием. Степана он устроил в дом отдыха в Крыму, а меня отправил на поезде в Москву.

В университете обстановка была гнетущей. Знаний от нас никто не требовал, мало того, хорошо учиться, интересоваться наукой было подозрительно и небезопасно, требовали в первую очередь общественную работу, дисциплину и зубрежку политпредметов, занимавших львиную долю учебного времени, не считая политкружков, проработок и комсомольских собраний.

Беседа вдвоем еще допускалась, но разговор нескольких человек, даже втроем, был опасен, его засекали, писали доносы. В университете, как и во всех заводах, учреждениях, колхозах и предприятиях, мы были обязаны участвовать в «социалистическом соревновании» — ежемесячно каждый студент должен был писать «социалистические обязательства», главным образом по общественной работе и морально-политическим аспектам. Нелепость этой системы была ясна каждому, но сказать об этом было невозможно. Как-то раз я высказал эту мысль Сергею Бычкову, с которым у меня установились дружеские и конфиденциальные отношения. Он остроумно ответил мне, что диалектика в том и заключается, что каждый в отдельности понимает нелепость социалистического соревнования, но все вместе не только не понимают, но даже поддерживают его.

Так прошел год. Повеяли новые ветры, дали директиву прекратить бригадные занятия и разрешить лекции, посещение которых, конечно, было обязательным. Теперь, с таким же рвением и пафосом, декан, а за ней и профессора, поносили бригады и восхваляли необходимость лекций и экзаменов.

Курс эмбриологии, а также общей биологии и методики преподавания читал у нас Григорий Григорьевич Щеголев. У него был божий дар преподавателя. Лекции его доходили до каждого и запоминались надолго. Студенты называли их «позмой о сперматозоиде».

Высокий, худощавый, очень живой, с тонкими чертами лица, он был усыновлен бездетными богачами Щеголевыми, которые подобрали в Париже «гамена» и воспитали его в России. Помимо физико-математического факультета он окончил также юридический, что, вероятно, в особенности развило у него дар речи.

Я до сих пор хорошо помню его лекции и приемы. Так, рассказывая однажды о морских млекопитающих, он вдруг заметил, что аудитория устала. Тогда он, понижая голос, проговорил (вначале шепотом), как на корабле, на неаполитанской морской станции (потом громче), матрос вдруг закричал: «Кит!» Затем он бросился к «борту»... и тут, вдруг высоко подпрыгнув, громко воскликнул: «Дышит!» Каждый жест его был продуман, пояснял мысль. Вся эта риторика, жесты, модуляция голоса достигали цели — увлечь студента.

Физическую химию читал Хомяков. Лекции его не были столь живы и увлекательны, как, например, лекции Щеголева, но он систематически излагал предмет и заинтересовал нас настолько, что мы с Сергеем стали слушать лекции Раковского по этому предмету дополнительно еще и на химическом

отделении. Это был глубокий курс, который доставлял нам истинное наслаждение.

Раковский раньше работал на Украине, и я как-то спросил о нем Воробьева. Владимир Петрович помолчал с минуту, затем оживился и сказал: «Как же, я помню Раковского, мы пили с ним, и он дошел до того, что закусывал коньяк сигарой».

Нашей кафедрой заведовал профессор Иосиф Львович Кан. В благословенные годы НЭПа он долго работал в Англии, у Старлинга, и в нем сохранилась какая-то английская чопорность. Читал он лекции на избранные темы по сравнительной физиологии, не имевшие ничего общего ни с учебной программой, ни с практическими занятиями. Студенты, даже самые сильные, пялили глаза на изображение какого-нибудь королевского краба и вряд ли что-нибудь усваивали.

Как-то на экзамене по биохимии присутствовал ректор университета Касаткин. Я ответил на все вопросы преподавателя, получив «отлично», и даже заметил ошибку в написанной им формуле. Касаткин не забыл этой возмутительной с моей стороны выходки. Вскоре на экзамене по историческому материализму (предмету, конечно, более важному для биохимика), после того как я правильно ответил на все заданные мне по программе вопросы, он спросил меня о роли немецких социал-демократов в приходе фашизма к власти в Германии. Я ответил, что они вели себя пассивно и не оказали должного сопротивления Гитлеру. «Нет, — отпарировал он, — они активно подготовили приход Гитлера к власти». В результате я получил единственную за весь курс университета отметку «удовлетворительно», которую пересдать мне запретили.

Гистологию читал у нас профессор Г. И. Роскин, тот самый, который получил впоследствии скандальную известность в связи с препаратом «КР». Его ассистент Л. Б. Левинсон принимал у меня экзамен, показывая микрофотографии тканей из французского атласа, и был поражен моими точными ответами. Очевидно, ему никак не могло прийти в голову, что студент того времени знает французский язык и просто читает подписи к рисункам и переводит их.

Успеваемость по биологическим дисциплинам не ценилась и даже рассматривалась как признак чуждой пролетариату буржуазной идеологии. Особое внимание уделялось политпредметам и политкружкам. Пропуск хоть одного такого занятия приводил к исключению из комсомола и из университета.

Преподаватели политпредметов были бесцветны и малообразованны. Запомнился лишь Макс Левин, который с сильным немецким акцентом громил «меньшевиствующих идеа-

листов» и «механистических материалистов». Другим исключением был преподаватель «диалектики природы» Закгейм. Он сумел сделать предмет интересным, допуская значительные отступления от программы, увлекательно рассказывал нам не только о марксистских философах, но и об искусстве и литературе, водил в Щукинскую и Морозовскую галереи, когда прекрасные коллекции импрессионистов еще не были распроданы и разграблены.

Все время было занято лекциями, семинарами и, особенно, общественной работой и собраниями. Подумать, читать и углублять свои знания было некогда. Не менее половины времени уходило на то, чтобы сделать из нас «политически грамотных» и «сознательных» «строителей коммунизма», а по существу «промывать мозги» и превращать в не смеющих думать рабов.

Целыми днями мы долбили «предательство Троцкого» и «ошибки Бухарина». Не только выразить сомнение в правильности политических установок, посетовать на голодное и отвратительное питание или недостатки учебной программы, но даже подумать об этом было опасно. Надо было заставлять себя не видеть действительности и восхвалять «великого Сталина».

Всячески поощрялось доноительство. Скрыть социальное происхождение было величайшим преступлением. Опасно было рассказать антисемитский анекдот; еще хуже выразить сомнение в знаниях какого-нибудь «нацмена». Так, если преподаватель поставил плохую отметку узбеку, не сумевшему ответить на простой вопрос и особенно ссылающемуся при этом на плохое знание русского языка, это рассматривалось как проявление «великодержавного шовинизма» и приводило к самым печальным результатам.

Все русское, не говоря уже о религии, преследовалось, опасно было говорить о русской науке, русских традициях, русских обычаях. Это подавление национальных чувств и традиций глубоко оскорбляло, тем более, что выразить этого возмущения мы не могли.

На наших глазах, под предлогом «гениального плана реконструкции Москвы», уничтожили большинство церквей, взорвали храм Христа Спасителя, снесли Сухареву башню, Красные ворота, Триумфальную арку. Все, что создавало уникальный облик и своеобразие Москвы, было уничтожено, и дорогию мне русскую столицу превратили в безликий серый «образцовый, социалистический город».

Питаться приходилось все теми же всевозможными «заменителями». Они представляли собой нечто несъедобное и опасное для здоровья. На втором курсе я болел дизентерией, на

третьем — тяжелым вирусным гепатитом, который тогда называли «паренхиматозной желтухой». В 1931–1933 годах голод принял чудовищные размеры — люди пухли от недоедания и, даже в Москве, по ночам на улицах и вокзалах грузовики подбирали трупы. До нас доходили слухи о том, что на Украине умирают от голода тысячи, а хлеб у крестьян отнимают и экспортируют за границу.

В январе–феврале студентам полагались двухнедельные каникулы. На третьем курсе перед каникулами меня и Сашу Мельникова вызвали в МК комсомола и поручили поехать в Сонковский район Московской области, чтобы организовывать там агротехнические кружки. Есть было нечего, и нам выдали сухой паек, состоявший из консервов и сухарей.

Саша был очень ортодоксальным и «преданным партии» студентом, однако временами он впадал в состояние, похожее на депрессию или ступор, которое он называл «самоубиением». Как-то, уже после нашей поездки, он находился в таком состоянии, и когда товарищ по общежитию спросил Сашу, куда, по его мнению, повесить *это*, он не глядя ответил: «Отстань, брось куда придется». *Этим* оказался портрет Сталина, и бедного Мельникова просто затаскали по партийным и комсомольским комитетам.

Секретарь райкома партии в Сонкове принял нас и кроме организации агротехкружков поручил проводить в районе мясозаготовки. На наши попытки отказаться от этого задания он пригрозил исключением из комсомола и, конечно, из университета.

В Сонковском районе живут карелы, переселенные сюда еще при Екатерине Второй, когда местное население вымерло от чумы. Ни продуктов, ни хлеба, ни керосина в районе не было; освещались лучиной. Организовать агротехкружки было нелегко, но нехотя председатели колхозов и совхозов соглашались на это. Мясозаготовки оказались адской работой. Судя по плохо составленным, помятым спискам жителей, с каждого из них причитался налог в виде определенного количества мяса, и почти у всех были недоимки.

Какая-нибудь одинокая несчастная старуха, не имевшая скота, должна была сдать мясо, нищие крестьяне складывались, покупали свинью или корову и сдавали ее государству. Денег у них, конечно, не хватало, и разверстка мясозаготовок не выполнялась. Местное население видело в нас представителей власти и обращалось с множеством просьб и жалоб на несправедливости, в чем помочь мы, конечно, не могли.

Однажды в сильный ветер и снегопад мы шли в одну из деревень. Ноги утопали в снегу, мокрый снег хлестал в лицо,

и мы, выбившись из сил, мысленно и вслух бранились, и это отчасти помогало забывать о невзгодах. Придя в деревню, мы нашли местное начальство в одной избе. В избе было натоплено, пахло водкой и жареной свининой. Председатель сельсовета, председатель колхоза и несколько членов правления были пьяны, и никакого разговора о кружках и мясозаготовках вести было невозможно. Саша проявил комсомольскую стойкость, твердо отказавшись от угощения. Я не смог сопротивляться, когда мне влили в рот стакан самогона и дали закусить мясом. Мне стало легче, и мы легко дошли до следующей деревни, всю дорогу Саша отчитывал меня за мягкотелость.

Прошло две недели, нам пора была уезжать в Москву и приступать к занятиям. Заготовки мяса, конечно, не были выполнены и выполнить их вряд ли вообще было возможно, к тому же кончились наши продовольственные запасы, и мы были рады, что скоро будем дома. Однако не тут-то было, секретарь райкома объявил нам, что не отпустит нас, пока мы не выполним мясозаготовок. Никакие ссылки на то, что МК комсомола этого нам не поручал, что мы студенты, что нам пора приступать к занятиям, на него не действовали, он заявил, что если мы нарушим его указание, то вылетим из комсомола и, конечно, из университета. Тогда это было страшной угрозой, казалось, что выхода нет.

В то время в сельской местности функционировали политотделы. Один доброжелатель подсказал нам, что секретарь райкома и начальник политотдела находятся во враждебных отношениях, каждый из них считает себя главным, и посоветовал обратиться к последнему.

Придя к начальнику политотдела, мы прежде всего пожаловались на несправедливость секретаря райкома. Это нас спасло; начальник политотдела, вероятно, в пику секретарю райкома отпустил нас.

Глава 5

«СПЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК»

В январе 1934 года правительственная комиссия, инспектировавшая Мавзолей в связи с десятилетием смерти Ленина, решила ввести в состав группы специалистов, сохраняющих великую реликвию, более молодых работников. Воробьев и мой отец предложили мне принять участие в сохранении тела Ленина в Мавзолее, когда я был еще студентом последнего курса.

Я не могу сказать, что это предложение меня обрадовало. Несмотря на тяжелейшие бытовые условия, все мои устремления были направлены на фундаментальную науку, в голове рождались планы экспериментальных исследований. В Науке с большой буквы я видел смысл жизни и ради нее готов был отдать все свои силы и терпеть лишения.

Однако настойчивость моего отца, нищенские условия существования заставили меня согласиться на эту работу.

В Мавзолее мне назначили зарплату в 300 рублей — сумма по тем временам маленькая, поскольку все, что было не по карточкам, стоило очень дорого. Тем не менее у меня впервые появились свои деньги и уже не приходилось выпрашивать у отца по 3–5 рублей на мелкие расходы, с чем он обычно направлял меня к мачехе, но к ней я не обращался из-за ее непомерной жадности.

Я не имел никакого опыта по части бальзамирования, но в связи с работой в Мавзолее моего отца и Воробьева проявлял некоторый интерес к истории этого дела. Я знал, что тела умерших сохраняли в виде мумий в Южной Америке, у гуанчей на Канарских островах, в Японии, Австралии, Китае и что наибольшего совершенства это дело достигло в Древнем Египте.

Бальзамированием занимались особые касты жрецов, которые жили изолированно от общества. Из тел покойных удаляли внутренности, затем вымачивали в течение 70 дней в крепких растворах солей, высушивали на солнце, пропитывали растительными маслами, смолами и бальзамами и завертывали в полотняные бинты, пропитанные клеем, камедью и маслами. Мумии, высушенные и уменьшенные в объеме, в значительной мере теряли прижизненное сходство уже при их изготовлении.

Египтяне верили, что после смерти душа переселяется в тела животных, однако, если тело забальзамировано, что было доступно лишь знатым и богатым, душа витает над телом в образе птицы.

У бальзамировщиков было своего рода разделение труда. «Парасхиты» делали разрез эфиопским ножом на левой стороне живота, но, так как тело умершего священно, им приходилось бежать от разъяренной толпы, гнавшей за ними и забрасывавшей их камнями.

Другие жрецы — «тарихеуты» извлекали внутренности, помещали их в специальный сосуд и, читая молитву и перечисляя достоинства покойного, бросали его в воды священной реки Нила.

Слово «парасхит» меня особенно завораживало, в нем было что-то мистическое и колдовское. На первых порах я мнил

себя парасхитом и сравнивал нашу небольшую группу со святотатствующими египетскими жрецами и даже помышлял написать своего рода роман под названием «Парасхиты», где главными действующими лицами под вымышленными именами должны были быть Воробьев и мой отец.

Хотя в университете на занятиях в анатомическом театре я привык видеть трупы и манипулировать с ними, имя Ленина и торжественность обстановки в Мавзолее ошарашили меня. Однако вскоре я привык к работе, и она стала для меня обычной.

В полумраке в центре зала на гранитной площадке с красным парпетом стоит внушительных размеров саркофаг конической формы в бронзовой оправе. Отполированные стенки из ценных камней — внизу из черного лабрадора, выше из серого лабрадорита — инкрустированы красными знаменами из смальты-пурпурина. Внутри саркофага в гробу, покрытом красной тканью, лежит Ленин, одетый во френч защитного цвета. Он как будто спит, лицо и руки его освещены розоватыми лучами, падающими из ламп, вмонтированных вверху конической призмы.

Саркофаг открывают, слышен шум механизма, поднимающего тяжелое сооружение. Гроб с телом Ленина находится теперь прямо перед нами. Мы снимаем покрывало и, взяв за плечи и за ноги, осторожно переносим тело на хирургический стол на колесах. Открыв тяжелые двери, перекачиваем его в соседнюю просторную комнату. Белые, выложенные плитками стены этой комнаты-лаборатории предварительно протирались спиртом для дезинфекции. В ней стоят две стеклянные ванны, большие бутылки с глицерином и с дистиллированной водой, банки с уксусно-кислым калием, в шкафчиках находятся и другие реактивы.

Мы развязываем тесемки, закрепляющие разрезанный на спине френч, осторожно снимаем одежду, разматываем резиновые бинты, тщательно осматриваем со всех сторон скрытые под одеждой поверхности тела, обрабатываем его и затем осторожно переносим в заранее приготовленную ванну.

Кожа гладкая и эластичная, суставы прекрасно сохранили подвижность, однако необходимо тщательно пропитать все тело бальзамирующим раствором. Во время этой работы осматриваем тело ежедневно, по возможности соблюдая стерильность, исправляем ранее незамеченные недостатки. Описанная процедура продолжается около месяца и повторяется каждый год-полтора. На это время Мавзолей закрыт для посещения.

Еще с 1924 года Воробьев и мой отец, а с 1934 года также молодые помощники — Р. Д. Синельников и я, приходили в

Мавзолей два-три раза в неделю, пристально осматривая открытые части тела — лицо и руки, смачивали их бальзамирующим раствором для предотвращения высыхания и пергаментации. Попутно устраняли мелкие дефекты — потемнение отдельных участков, небольшие пигментные пятна, или изменение окраски. Время от времени возникала также необходимость исправлять дефекты объема; в таких случаях мы прибегали к инъекциям сплава парафина и вазелина, однако самым тревожным было появление пятен плесени, их приходилось осторожно отмывать и дезинфицировать.

Для бальзамирования тела Ленина Воробьев использовал метод, разработанный в конце прошлого века русским патологоанатомом Н. Ф. Мельниковым-Разведенковым. Смесь глицерина с раствором уксусно-кислого калия соединяла эластичность тканей благодаря пропитке глицерином с сохранением влажности, обеспечиваемой гигроскопичностью ацетата калия. Особенно важным было сохранение натуральной окраски и предохранение от бурого оттенка, вызываемого фиксацией формалином. Воробьев существенно усовершенствовал этот метод, устраняя пергаментные и пигментные пятна обработкой разведенной уксусной кислотой и перекисью водорода.

Мавзолей находился в ведении комендатуры Кремля, она в свою очередь была подчинена Дзержинскому, который возглавлял не только Комиссию по увековечению памяти Ленина, но и ГПУ. Благодаря этому всеильному ведомству все необходимые реактивы выписывались из-за границы, главным образом от фирмы Шеринг-Кальбаум в Берлине. Поскольку другие научные учреждения не имели возможности приобретать подобные реактивы, мы нередко пользовались этим преимуществом и для нашей исследовательской работы, не связанной с сохранением тела Ленина.

В соответствии с пожеланиями Воробьева на время бальзамирования, с 26 марта 1924 года, Мавзолей был закрыт для посещения и патологоанатомам обеспечивались условия, необходимые для работы. По рассказам отца, отношение медицинской комиссии, наблюдавшей за бальзамированием, в составе наркома здравоохранения Н. А. Семашко и профессоров В. Н. Розанова и Б. С. Вейсброда и особенно Правительственной комиссии во главе с Ф. Э. Дзержинским было очень внимательным и предупредительным. С первых дней работа была крайне напряженной и нервной. Работали в склепе под временным Мавзолеем днем и ночью, сознавая крайнюю ответственность поручения и неимоверными усилиями стараясь приостановить начавшееся разложение и высыхание.

Дзержинский, узнав о такой напряженной работе, вызвал моего отца и посоветовал больше отдыхать и сохранять спокойствие. Когда отец заметил, что работа требует непрерывного наблюдения, Дзержинский потребовал, чтобы они с Воробьевым чередовались и имели время для сна. На следующий день к Мавзолею были проложены рельсы и пригнан трамвайный вагон, оборудованный постелями, умывальниками, электрическими плитками, посудой и т. п.

В первые дни работы, когда потребовался сосуд для погружения тела, Воробьев решил отказаться от обычной ванны, так как металл мог вступить в реакцию с бальзамом. Стеклованная ванна была бы безопаснее. Руководителю участковой мастерской, изготавливавшей стеклянные изделия, Н. И. Курочкину дали поручение срочно, в течение 1–2 дней, изготовить ванну. Курочкин приступил к работе, но предупредил, что в такой короткий срок выполнить это поручение не сможет.

Тогда было решено на первых порах использовать резиновую ванну. Была суббота, Дзержинский вместе с учеными отправился на завод «Каучук» на окраине Москвы, нашел директора и сказал, что изделие требуется срочно для дела правительственной важности. Включили гудок, рабочие прибежали на сигнал тревоги, Дзержинский обратился к ним с призывом, и ванна была готова в один день.

Пока в подземелье шла работа, на поверхности возводили новый мавзолей по проекту выдающегося архитектора, академика А. В. Щусева. Этот второй деревянный мавзолей был построен уже летом 1924 года. Он был прототипом современного, гранитного; значительно крупнее предыдущего, тоже временный, он просуществовал 5 лет, до 1929 года. Его венчала пирамида из шести ступеней. На первой из них, самой большой, черными брусками было инкрустировано: «ЛЕНИН». Маленький портик на 15 четырехугольных колоннах завершал вершину пирамиды, к двум трибунам, расположенным по бокам здания, вели лестницы.

В октябре 1930 года новый гранитный Мавзолей заменил временный деревянный. Он построен по сходному плану, но почти в 4 раза крупнее предыдущего, внутри и снаружи многие части изготовлены из ценных пород камней, привезенных со всех концов Советского Союза.

Мавзолей изменил привычный вид Красной площади, памятник Милину и Пожарскому перенесли от ГУМа к Лобному месту. Снесли древние Воскресенские ворота и Казанский собор, со шпилей кремлевских башен сняли двуглавых орлов и установили красные звезды из хрустального стекла, площадь замостили торцами из гранита.

В последующие годы Воробьев и его помощники продолжали тщательно следить за телом Ленина и устранять различные изменения и дефекты. Отличное состояние тела отмечено в актах правительственных комиссий, инспектировавших Мавзолей каждые 5 лет, и в многочисленных отзывах советских и иностранных посетителей.

Так, в 1930 году американский ученый Фертридж писал: «Я стою перед Лениным. Ленин, разве он не умер уже шесть лет тому назад? Действительно, это изумительный случай. Удивительный факт, что его тело лежит так, как будто он умер только вчера. Россия, забальзамировав своего вождя Владимира Ильича Ленина, выполнила то, что до сих пор считалось невозможным. Бальзамирование Ленина является самым совершенным из известных в мире. Оно значительно более совершенно, чем то, что знали египтяне, и знаменитые ученые говорят, что благодаря этому способу бальзамирования тело Ленина может быть сохранено бесконечно долго».

Глава 6

УЖАСНЫЕ ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ

Первого декабря 1934 года я сидел у радиоприемника. Иностранное радио в те времена еще не научились глушить, это позволяло получать информацию, отсутствовавшую в газетах, превозносивших успехи социализма и искажавших мировые события. Неожиданно немецкое радио сообщило, что в Ленинграде, в Смольном, убит член Политбюро, секретарь ленинградского горкома Сергей Миронович Киров. Я не верил своим ушам — неоднократно говорили о готовившихся покушениях и заговорах, но ни разу не сообщали об убийстве столь крупного партийного или государственного деятеля.

Странные обстоятельства сопровождали это убийство: покушавшийся, некто Николаев, был казнен без суда, комиссия по расследованию преступления во главе с заместителем наркома внутренних дел, выехавшая в Ленинград из Москвы на машине, непонятным образом вся погибла в автомобильной аварии.

Позже выяснилось, что Киров был убит по приказу Сталина. Дело в том, что Киров пользовался большой популярностью и многими рассматривался как вероятный преемник вождя. Избавившись от Кирова, Сталин свалил всю вину на «врагов народа», прежде всего троцкистов, и использовал это обстоятельство для разжигания массового террора. Последовали повальные аресты, из Ленинграда выслали большинство коренных жителей.

Все эти годы, особенно с приходом Сталина к власти, под победные фанфары об успехах коллективизации, индустриализации и строительства социализма на фоне всеобщего террора, нищенского существования и беспощадного подавления всякой свободной мысли и милосердия происходили массовые аресты, особенно среди интеллигенции, включая государственных и партийных работников, военных, аппарата насилия и слежки.

Продолжалась «ликвидация кулачества как класса», а по существу истребление трудолюбивого крестьянства. Для того чтобы быть арестованным, достаточно было случайно на улице встретить иностранца, рассказать анекдот, выразить малейшее недовольство существующими порядками, плохим питанием, отсутствием самого необходимого. Особенно страшно было высказать малейшее сомнение в гениальности Сталина и правильности его политики; даже завернуть покупку в газету с портретом Сталина, который появлялся в печати почти ежедневно.

Все общество, не говоря уже об учреждениях, заводах, фабриках, учебных и научных институтах, было пронизано бесчисленными осведомителями НКВД, которые сами тряслись за свою шкуру. В этой жуткой и гнетущей атмосфере пресса, радио и все голоса дружно восхваляли «генеральную линию партии» и «мудрую политику великого Сталина». Не смолкали благодарности за «счастливую жизнь», рапортовали об огромных успехах в промышленности и сельском хозяйстве, о преимуществах социализма, загнивании и ужасах капитализма.

Начав работу по сохранению тела Ленина, мы получили пропуск, по которым каждый из нас мог приходить в Мавзолей в любое время суток и производить там необходимые манипуляции. Штат Мавзолея состоял из коменданта, старшего электрика и трех его дежурных помощников. Теперь же значительно усилили охрану, ввели должности заместителя коменданта, специалистов по освещению, отоплению и охлаждению, и в Мавзолею работало уже 30–40 человек. Перед проведением «мероприятий» (парады, посещение Мавзолея начальством и т. п.) специальная охрана тщательно обыскивала каждый закуток здания, о любом нашем посещении мы должны были предупреждать коменданта, приходить не менее чем вдвоем и только в его присутствии.

В ноябре 1932 года мы узнали о смерти жены Сталина, Надежды Аллилуевой. Газеты и радио сообщали о том, что она умерла естественной смертью, однако ходили слухи о самоубийстве и даже о том, что она была убита Сталиным. На торжественном банкете в канун годовщины Октябрьской ре-

волюции Сталин грубо оскорбил ее, и она, покинув празднество, ночью застрелилась из пистолета, подаренного ей братом.

Через несколько дней, возвратившись домой, в Дом Правительства, где мы жили с отцом, я узнал от встревоженного вахтера, что застрелился Серго Орджоникидзе, один из ближайших соратников Сталина. Наутро в газетах было сообщение, что он умер от инфаркта, однако через несколько лет патологоанатом, вскрывавший его, сказал мне, что в голове его было пулевое отверстие. Весьма вероятно также версия его вдовы, что он был убит по приказу Сталина.

Подобные обстоятельства до сих пор дискутируются в отношении смерти поэтов Сергея Есенина и Владимира Маяковского, по официальной версии — покончивших с собой. Сталин не терпел малейших отступлений от «социалистического реализма» в литературе, не соответствовавших его директивам.

Ближе к 1937 году повальные аресты стали повседневым явлением. Арестовывали старых большевиков, членов Центрального Комитета и Политбюро партии, никто во всей стране, от самых низов до самых верхов, не был уверен в завтрашнем дне; страх и бесправие охватили каждого.

В нашем подъезде Дома правительства было 32 квартиры, и на дверях 30-ти из них красовались печати НКВД, их жители, в том числе брат и семья Аллилуевых, родственников Сталина по жене, были арестованы, неопечатанными остались только наша и еще одна квартира — недаром сокращение «ДОПР» (Дом правительства) стали расшифровывать как «Дом предварительного заключения».

Работая в Мавзолее, мы пользовались некоторыми привилегиями, которых удаивалось лишь небольшое число деятелей культуры и науки: нас приглашали на парады на Красной площади, на некоторые приемы, давали билеты на всякие «мероприятия», в том числе на знаменитый процесс «правотроцкистского блока» в марте 1938 года.

Однажды нам с отцом прислали билеты на Красную площадь на торжественный парад и демонстрацию по поводу 20-й годовщины «Великой Октябрьской революции», но накануне парада, поздно вечером, к нам явился посыльный, отобрал наши билеты и выдал новые, другого образца. Наутро мы узнали, что в ночь было арестовано все кремлевское начальство, включая коменданта Кремля, Петерсона, и коменданта Мавзолея, Тренина. На нашей памяти несколько раз арестовывали комендантов Кремля и Мавзолея и меняли состав охраны. Как-то раз нам потребовались протоколы нашей работы, которые хранились у коменданта Мавзолея. Оказалось,

что арестованный комендант расстрелян, а конфискованные у него бумаги бесследно исчезли.

31 октября 1937 года после операции в Харькове умер Владимир Петрович Воробьев. Как я писал выше, не исключено, что врачи, по указанию свыше, способствовали его смерти.

Мы с отцом немедленно выехали в Харьков. По дороге я сказал отцу, что слышал об аресте ведущего авиаконструктора Андрея Николаевича Туполева. Отец, зная о незаменимой роли Туполева в создании лучших советских военных и гражданских самолетов, резко возразил, что это невозможно. Тем не менее по возвращении в Москву мы получили несомненные подтверждения его ареста.

После смерти Воробьева ответственность за сохранение тела Ленина легла целиком на моего отца. Вскоре у него обнаружили опухоль левой почки. Его оперировали в Кремлевской больнице, диагностировав кисту, и почку удалили. Повидимому, во время операции попала инфекция, и болезнь осложнилась гнойным перитонитом. Жизнь его была в опасности, и только через несколько недель здоровье его восстановилось.

Во время болезни отца у меня дома раздался телефонный звонок, сам нарком НКВД, товарищ Ежов, срочно вызывал меня. Вместе с Синельниковым мы пришли на площадь Дзержинского. Получив пропуска и пройдя несколько постов охраны, мы попали в кабинет наркома. В огромной комнате за большим столом сидел маленький тщедушный человечек с острыми глазами. За его спиной на стене висел внушительных размеров портрет Сталина. На столе стоял бюст Сталина и еще один портрет Сталина в рамке. Все это, по-видимому, выражало беспредельную преданность хозяина кабинета вождю.

Предложив нам сесть, Ежов встал, при этом он показался еще меньше, и торжественно провозгласил, что Политбюро ЦК партии поручило ему переговорить с нами в связи с тем, что жизнь профессора Б. И. Збарского находится в опасности, и партия глубоко озабочена дальнейшим сохранением тела В. И. Ленина; сумеем ли мы в крайнем случае справиться с этим делом?

На это я ответил, что знания и опыт моего отца, Б. И. Збарского, имеют для нас огромное значение, но в крайнем случае мы сами сможем продолжить сохранение тела Ленина. Не успел я договорить, как Синельников вскочил и, перебив меня, отрапортовал: «Товарищ Ежов, заверяю Вас, что дело сохранения тела Ленина находится в надежных руках и мы можем нести за него полную ответственность!»

Через несколько лет в Тюмени, куда во время войны было эвакуировано тело Ленина, отец спросил, что мы сказали Ежову, когда он вызывал нас во время его болезни. Синельников не поморщась ответил: «Как же, Борис Ильич, мы, конечно, доложили, что без вас мы абсолютно бессильны и не сможем продолжить дело». Эта беспардонная лож потрясла меня, и я восстановил истину, отметив категоричное заявление Синельникова; при этом я добавил, что, по-моему, так и надо было ответить. Отец согласился со мной в том, что ответить следовало именно так, но, по-видимому, понял, каким лживым человеком был Синельников, и, воспользовавшись какой-то небольшой его оплошностью, поспешил избавиться от него.

В марте 1938 года мы с отцом присутствовали на знаменитом процессе «правотроцкистского блока», проходившем в Октябрьском зале Дома Союзов. И хотя с тех пор прошло почти 60 лет, я помню многое, в том числе из того, что нигде не опубликовано. Судили Рыкова и Бухарина, Радека, наркома НКВД, Ягodu и еще ряд наркомов и руководящих работников: Крестинского, Раковского, Чернова, Розенгольца, Гринько и других, а также врачей: главного врача Кремлевской больницы Левина, профессора Плетнева и доктора Казакова.

Генеральный прокурор А. Я. Вышинский произнес гневную обвинительную речь в классических тонах. Из обвинительного заключения следовало, что существовал «правотроцкистский блок», руководимый Троцким, Бухариным и Рыковым, что целый ряд бывших партийных работников, занимавших высокие посты, объединились с целью свержения Советского правительства. Они были шпионами иностранных разведок — фашистской Германии, Англии, Франции и др. и давно вели антисоветскую и антипартийную деятельность, включавшую подготовку покушений на жизнь Ленина, Сталина, Молотова и других руководителей партии и правительства.

Аудитория в сравнительно небольшом Октябрьском зале Дома Союзов состояла на 70–80 процентов из переодетых сотрудников НКВД, но перед нами сидели английский и французский послы. Трудно представить себе все лицемерие этого инспирированного судилища, публика то и дело вмешивалась в ход процесса, возмущаясь «мерзкими предателями, грязными свиньями и врагами народа».

Речь Вышинского продолжалась более двух часов, каждый пункт ее был построен на обличительных материалах, и казалось, что опровергнуть их вряд ли возможно. Показания подсудимых полностью подтверждали обвинение, они каялись в совершенных ими ужасных преступлениях.

Очень убедительно звучали заявления врачей, признававших, что по указанию Ягоды они намеренно вели лечение Горького, его сына М. А. Пешкова, Куйбышева, Менжинского и других таким образом, чтобы ускорить их гибель. Меня тут же осенила мысль, что эти указания исходили не от Ягоды, а от самого Сталина, об этом было страшно подумать; этой мыслью я не мог поделиться ни с кем, даже с отцом. Позднее то же мнение, даже утверждение, я нашел в книге Троцкого «Моя жизнь».

В заключительных словах, после оглашения приговора, все обвиняемые каялись и униженно просили сохранить им жизнь: Ягода плакал, говорил, что чуть ли не каждый день виделся с величайшим гением человечества, признавался в своих грехах, стал на колени и, рыдая, прерывающимся голосом произнес: «Товарищ Сталин, если можете, пощадите меня».

Достоинство вели себя только Рыков и Бухарин. Рыков не просил о пощаде; он только сказал, что его точка зрения потерпела поражение и дальнейшее сопротивление бесполезно, что он призывает своих единомышленников сложить оружие, прекратить всякую антипартийную деятельность и проводить в жизнь генеральную линию партии.

Несмотря на гнетущую обстановку на процессе и ту жестокую и возмутительную обработку, которую он испытал, речь Бухарина была логична, систематична и убедительна. Чувствовалось его огромное интеллектуальное и моральное превосходство над обвинителем — Вышинским.

Свою речь Бухарин начал с того, что никакого «правотроцкистского блока не существовало. «Что у меня общего с палачом Ягодой, чинушей Черновым или шарлатаном Казаковым? Не было никакого центра или блока, просто «Mit gefangen. mit gehangen» (Вместе пойманы, вместе повешены)... Не удержался он и от того, чтобы съязвить, что «меньшевик Вышинский судит большевика Бухарина»! Он признал себя виновным лишь в том, что взгляды его не совпадали со взглядами Сталина, представленными как «генеральная линия партии». Он не просил о помиловании и, по существу, разгромил весь обвинительный акт, и все это под непрерывное улюлюканье аудитории.

В современных материалах я часто встречал указания на то, что жестокая обработка обвиняемых, в частности на этом процессе, приводила к тому, что все они безоговорочно признавали свою вину и просили о помиловании. Это не соответствует действительности, по крайней мере в отношении Бухарина и Рыкова. Теперь, через десятилетия после октябрьской революции и этого омерзительного процесса, совершенно

очевидно, насколько эти люди, при всех своих ошибках, были честнее, благороднее и дальновиднее, чем судившая и расстрелявшая их сталинская клика.

Работая по сохранению тела Ленина, я постоянно контактировал с руководством комендатуры Кремля, охраной Мавзолея и другими работниками НКВД. Это были обыкновенные люди, хорошие и плохие, злые и добрые, честные и лгуны. Однако, как и все мы, и даже в еще большей степени, были они запуганы и выдрессированы так, что представляли собой винтики и рычаги тотальной системы полицейской тирании.

Под страхом расстрела они исправно выполняли приказы и указания начальства, вербовали осведомителей, охраняли вождей, арестовывали, допрашивали и пытали заключенных.

Тем не менее у «чекистов» иногда просыпались человеческие чувства. Так, во время войны и после войны два занимавших довольно высокое положение работника этого учреждения независимо друг от друга старались помочь мне в трудные минуты, предостеречь от неосторожных шагов и от общения с некоторыми секретными агентами НКВД. Я знаю случай, когда один высокопоставленный сотрудник НКВД помог человеку, которому грозил неминуемый арест. Он спас того от задержания, подбросив ему спичечную коробку, в которой лежала записка, сообщавшая секретные сведения, и совет, как уберечь себя.

Большевистский террор уничтожил миллионы лучших людей. «Индустриализация», «сплошная коллективизация» и «ликвидация кулачества как класса» унесли трудовое, работающее и непьющее крестьянство. Репрессиям в первую очередь подвергались наиболее образованные, мыслящие, инициативные и отважные люди. Сначала экспроприировали «эксплуататоров», дворян, промышленников, купцов, затем стали истреблять интеллигенцию — ученых, инженеров, агрономов, врачей и др., на которых, как на «вредителей» и носителей буржуазной идеологии, сваливали все неудачи — развал народного хозяйства, голод, нищенские условия жизни. За ними настала очередь неугодных членов партии, прежде всего старых большевиков, которые знали, что представляет собой Сталин.

Пожалуй, самым демократичным периодом владычества Сталина была вторая мировая война. Немного разрешили религию, а иногда даже осмеливались говорить то, что они думают. Но и в это время в армии процветали смерш, мордобой и полное пренебрежение к человеческой жизни. Молодых людей, увезенных в Германию из оккупированных областей и попавших в плен, по возвращении на родину на-

правляли в концентрационные лагеря и тюрьмы, а нередко и расстреливали.

Вскоре после войны все послабления были забыты, появилась «железный занавес», началась борьба с «низкопоклонством», прекратилась всякая связь с границей, прокатилась новая волна репрессий. На этот раз она касалась прежде всего лиц еврейского, немецкого и вообще иностранного происхождения. Целые народы Советского Союза, немцы Поволжья, крымские татары, калмыки, чеченцы, кабардинцы были насильно в 24 часа выслены с мест постоянного проживания и сосланы в новые, непривычные и не приспособленные для жизни районы Сибири и Средней Азии. Лишь после смерти Сталина, и то постепенно и неуверенно, стали выпускать уцелевших арестованных, террор стал уже не массовым, а избирательным. Еще много лет в биографиях реабилитированных деятелей партии не упоминали о репрессиях, а писали «умер в 1937 году» или «в 1952 году» и т. п. Имена Троцкого, Рыкова, Бухарина, Каменева, Зиновьева и других старых большевиков, делавших революцию, исключались и даже вымарывались из словарей и энциклопедий.

7 сентября 1938 года мой отец обратился с письмом к Молотову. Он считал необходимым создать при Мавзолее небольшую лабораторию, произвести некоторые переделки внутри Мавзолея и подчинить все дело сохранения тела Ленина определенному ответственному лицу, например Ежову.

В связи с 15-летней годовщиной смерти Ленина 19 января 1939 года тело Ленина осмотрела правительственная комиссия под председательством тогдашнего наркома здравоохранения Н. И. Гращенкова. Отметив некоторые мелкие дефекты, комиссия высоко оценила состояние тела, причем профессор Абрикосов отметил, что бальзамирование не только хорошо сохранило тело, но и устранило ряд намечавшихся изъянов.

Комендант Кремля Н. К. Спиридонов объявил, что правительство согласилось с предложениями Б. И. Збарского: принято решение об организации лаборатории при Мавзолее и об изготовлении нового саркофага, устраняющего отражение тела в боковых стеклах и излишнее нагревание от осветительных приборов.

Незадолго перед этим Мавзолеей посетила Н. К. Крупская. Она нашла, что тело находится в хорошем состоянии и сохраняет сходство с прижизненным обликом Владимира Ильича. При этом она заметила, что она вот стареет, а Владимир Ильич сохраняет молодость.

Лаборатория помещалась в здании Московского университета на Моховой улице. Помимо группы, которая непос-

редственно наблюдала за телом Ленина и состояла из моего отца, Р. Д. Синельникова, вновь вошедших в нее доцента С. Р. Мардашева и меня, в лаборатории был небольшой штат вспомогательного персонала, участвовавшего в исследовательской работе.

По окончании университета я собирался заниматься фундаментальной наукой, у меня зрели планы научных исследований, мне казалось, что я смогу проникнуть в тайны жизнедеятельности клетки и живых организмов. Выдающиеся биохимики С. Е. Северин, преподававший биохимию в университете, и А. Е. Браунштейн предлагали мне идти работать к ним, и я был склонен принять одно из этих предложений, однако мой отец настаивал, чтобы я занимался наукой под его руководством. Мне пришлось уступить, о чем я сожалею до сих пор. Опыт работы с ним выработал у меня крайне отрицательное отношение к работе с родственниками вообще. Научное исследование — это не рутинные операции, которые мне пришлось выполнять в Мавзолее, а творческая, изобретательская деятельность, в которой он подавлял мою инициативу.

Таким образом я попал в аспирантуру лаборатории биохимии опухолей при Всесоюзном институте экспериментальной медицины (ВИЭМ), которой заведовал мой отец. Сразу по окончании университета, в октябре 1935 года, мои документы были переданы в Наркомздрав для утверждения. Однако прошел месяц, другой, а меня все не утверждали. Наконец я отважился пойти в наркомат. В коридорах особняка в Рахмановском переулке не без труда нашел отдел аспирантуры. Начальник отдела и его заместитель суетились и лихорадочно рылись в каких-то бумагах, брякнули мне что-то неопределенное — им было явно не до меня. Через несколько дней ситуация объяснилась очень просто: начальник и его заместитель были арестованы, их постигла участь многих в то время, и отдел длительно не работал. Меня утвердили в должности лишь в феврале 1936 года, т. е. через 4 месяца после того, как я начал фактически работать. Соответственно, все это время я числился неработающим и не получал аспирантской стипендии.

Вскоре лабораторию при ВИЭМе ликвидировали, по-видимому, отец не поладил с кем-то из начальства института, и меня перевели в аспирантуру кафедры биологической и аналитической химии 1-го Московского медицинского института. Этот странный гибрид биологической и аналитической химии кафедра получила в наследство от бывшего ее руководителя, академика В. С. Гулевича, автора монографии об анализе мочи, который соединял в себе обе далеко не родствен-

ные дисциплины. Уже через год, сначала в качестве аспиранта, затем ассистента, я стал вести практические занятия со студентами, начав их с качественного и количественного анализа.

В одной из моих групп выделялся своими знаниями и уровнем образованности студент моего возраста, Б. В. Кулебакин. Как-то я спросил его, почему он так поздно поступил в институт и еще только на втором курсе? Оказалось, что в старших классах средней школы он был арестован за чтение стихов Есенина в компании и отсидел 7 лет.

Общее положение в науке оставалось тяжелым. Научные работники получали мизерную зарплату и были лишены самых необходимых реактивов и оборудования. Мы находились в лучших условиях благодаря запасам, собранным прижимистым Гулевиным и, главным образом, возможностям привилегированной Лаборатории при Мавзолее.

Мои надежды пополнить свое образование не оправдались. Согласно аспирантскому плану, я дополнительно занимался высшей математикой, физической химией, английским языком и физиологической хирургией, но времени для самостоятельных занятий (а это самое главное) не оставалось вовсе. Каждую неделю проводилось скучнейшее комсомольское собрание, занятие политсеминара по изучению марксизма-ленинизма, занятие политкружка по изучению истории партии, которым я должен был руководить, и еще одно-два собрания; все это находилось в разных местах, географически удаленных друг от друга, и было строго обязательно.

Любой, даже самый незначительный намек на необходимость больше заниматься наукой приводил к тому, что меня обвиняли в тяжком грехе — «академизме» и напоминали, что нельзя уделять внимание ни науке, ни искусству, ни личной жизни, а надо все время быть в «боевой готовности», ибо столкновение с капитализмом неизбежно.

Как-то раз, измученный до последней степени, я пропустил одно комсомольское собрание на другом конце Москвы, в здании ВИЭМ в Соколе. Реакция была немедленной и убийственной — меня «прорабатывали на следующем собрании и обвиняли не только в академизме, но и в еще больших грехах. Я был счастлив, что дело ограничилось только этим. Однако один сотрудник ВИЭМ, окончивший со мной университет, член партии, тот самый, которому я когда-то никак не мог втолковать формулу разведения Оствальда, рассказал мне, что проработке на комсомольском собрании предшествовало обсуждение на партийном собрании и меня хотели исключить из аспирантуры и комсомола, но ему удалось спасти меня от более крутых мер.

Отбор не только студентов, но, в особенности, научных кадров производился на основании, прежде всего, пролетарского или, в крайнем случае, крестьянского происхождения и, лишь во вторую очередь, партийности или членства в комсомоле; научная квалификация не имела никакого значения, а с мнением профессора, руководителя кафедры, никто не считался. Этот принцип стал чуть менее жестким лишь после 1934–1935 годов. Набранные таким образом при Гулевиче ассистенты кафедры были безграмотны в науке и преподавании, результатам их исследовательской работы нельзя было верить, почти всегда они были ошибочны, а зачастую и высосаны из пальца.

Лишь несколько молодых сотрудников нашей кафедры и соседних кафедр физиологии, органической, неорганической и физической химии, в большинстве набранных в последние годы, были грамотными и вообще образованными людьми; они и составляли нашу компанию, в которой мы нередко собирались и беседовали не только на научные темы.

Кафедрой органической химии заведовал профессор Александр Васильевич Степанов. У него была колоритная внешность, он напоминал старого kota с большими усами, смешно картавил на «р» и «л», вместо «фурфурол» произносил «фуффулой». Про него рассказывали множество анекдотов. Например, приходит на экзамен студент и говорит: «Здьяствуйте, пьюфессой!» — и продолжает отвечать на вопросы в том же духе. Александр Васильевич наконец не выдерживает и говорит: «Пеестаньте меня пеедъязнить!» — на что студент отвечает: «Пьюстите, пьюфессой, я тоже кайтавый».

Иным, мрачным и немногословным, был заведующий кафедрой неорганической и физической химии — профессор Ярослав Степанович Пржеборовский. Тем не менее студенты последними словами ругали Степанова за то, что он гоняет и нередко проваливает на экзаменах, и хвалили Пржеборовского, который спрашивает не строго и ставит хорошие отметки.

Во время чистки теоретических кафедр Мединститута после отчета профессоров им задавали всевозможные вопросы, затем следовали высказывания. На самый важный вопрос Степанов ответил, что он «пьюисходит из кьесьян Смоленской губейнии». Пржеборовский же признал, что родители его были дворянами. Председательствующий, нарушив обычные критерии, заключил: «Вы видите, что можно происходить из дворян и работать хорошо и происходить из крестьян и работать плохо».

В августе 1939 года разразился гром среди ясного неба: был подписан пакт Молотова-Риббентропа. Внезапно вместо про-

клятвий немецкого фашизма все газеты стали говорить о нерушимой дружбе с Германией, восхвалять успехи германского оружия в начавшейся мировой войне и громить «гнилой англо-французский империализм». Уже 1 сентября немцы напали на Польшу, а наши войска, по договоренности с Гитлером, оккупировали и аннексировали восточную часть этой страны. Про себя я называл это событие присоединением Советского Союза к «Антикоминтерновскому пакту».

В 1940 году «Известия» опубликовали статью академика А. И. Абрикосова под названием «16 лет сохранения тела В. И. Ленина». Он пишет в характерном для того времени стиле: «Этот первый и единственный в мире случай, когда тело сохраняется после смерти в прижизненном виде на воздухе, осуществлен у нас в Союзе нашими советскими учеными, которые с величайшим энтузиазмом выполнили задание товарища Сталина. Приятно сознавать, что это огромное научное достижение связано с именем величайшего человека в мировой истории, с именем Ленина». Автор отмечает, что с 1924 по 1940 год Мавзолей посетило 16 миллионов человек.

Так продолжалось до лета 1941 года, когда наша страна была втянута во Вторую мировую войну, получившую впоследствии название Великой Отечественной, коренным образом изменившую всю нашу жизнь.

Глава 7

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. ЭВАКУАЦИЯ ТЕЛА ЛЕНИНА В ТЮМЕНЬ

Раннее утро 22 июня 1941 года, дребезжит телефон. Я продираю глаза, отличная погода, яркий солнечный летний день, сегодня день рождения моей матери. В трубке отрывистый голос Сергея Руфовича Мардашева: «Ты радио слушал»? Гудки, положил трубку. Включаю свой шестилампный «Супергетеродин», тогда еще редкость, доставшийся мне благодаря нашему привилегированному положению.

Как обычно, бравурная музыка, затем последние известия — началась уборка урожая, досрочно построена электростанция, стахановец такой-то вырабатывает пять норм по добыче угля; ураган и безработица в Америке, забастовка в Англии, успехи германского оружия, варварский налет английской авиации на Берлин отражен и т. п.

Перезваниваю Мардашеву — «не то радио слушал!» Рыскаю по коротким волнам: четкий голос немецкого диктора — «наши доблестные войска в 4 часа утра пересекли границу и

успешно продвигаются вперед; да поможет им Бог!» Затем полтора часовой меморандум Гитлера: Советский Союз не страна, а географическое понятие... Смещение рас и народов... Он населен варварами и управляется сталинской кликой, целью которой является разрушение европейской цивилизации...

В доказательство приводилась запись переговоров Молотова с Гитлером, согласно которой «географическое понятие» требовало присоединения к себе не только Прибалтийских государств, Бессарабии и части Польши, но также Финляндии и Босфора с Константинополем. Для спасения европейской цивилизации доблестные германские войска перешли границу в 4 часа утра и успешно продвигаются вперед, да поможет им Бог!.. Опять и опять.

Какой контраст, лишь на днях тот же Гитлер хриплым истерическим голосом вещал о загнивании капитализма, падении производства в Англии и Америке, порабощенных евреями и плутократами. Противопоставлял им Советский Союз, где благодаря социалистической системе за 4 года производство выросло на 40%, а в Германии — на 120%! Медовым голосом вторил ему Геббельс, расхваливая успехи социализма и национал-социализма.

Тем временем уже не менее двух недель английское радио сообщает о концентрации германских войск на советской границе, каждый день называет все возрастающее число дивизий, предсказывает их нападение в ближайшее время и даже указывает на воскресенье 22 июня. Военные и другие люди, приезжающие из пограничных районов, рассказывают о нарушениях границы немецкими самолетами и молчании наших пограничников. А у нас... все это рассматривается как провокации капиталистов с целью подорвать нерушимую советско-германскую дружбу.

Все утро я не отрывался от радио. И что же наши передачи? Все то же: как у нас хорошо и прекрасно, трудящиеся наслаждаются воскресным отдыхом. Почти полдень, война идет восьмой час, и лишь за 15–20 минут до двенадцати передача прерывается, и диктор объявляет, что в 12 часов по радио выступит председатель Совнаркома товарищ Молотов. «Ттгаварищи», заикаясь больше обычного, прерывающимся голосом Молотов наконец сообщает, что сегодня, без объявления войны, фашистская Германия вероломно нарушила договор о ненападении, неожиданно, предательски напала на Советский Союз, наши войска оказывают героическое сопротивление и отражают атаки врага.

В чем же дело, почему Молотов, а не Сталин? О Сталине никаких сведений в течение нескольких дней. Позднее, из ме-

муаров нашего посла в Англии, И. М. Майского, я узнал, что Сталин, получив сообщение о нападении Гитлера, заперся в своем кабинете и не выходил оттуда в течение двух дней, пока его не привели в чувство. Известно из рассказов Хрущева, когда он с другими членами Политбюро пробился к Сталину, первым порывом вождя было бежать, он боялся, что пришли его арестовать.

Вечером я снова прильнул к радио. Около 7 вечера выступил Черчилль. В своей блестящей речи он сказал, что, не изменив отношения к коммунизму, он неоднократно предупреждал Сталина о готовящемся нападении немецких фашистов на СССР, но что теперь у нас общий враг и Англия окажет СССР полную поддержку в борьбе против общего врага — германского фашизма.

Известно, какие ужасные потери понесла наша страна в первые дни войны. В воскресенье 22 июня весь командный состав был отлучен домой, на аэродромах, на земле были уничтожены сотни советских самолетов, немцы стремительно продвигались в глубь страны и уже в первые дни оккупировали Прибалтику, почти всю Белоруссию и дошли до Смоленска. Политическая недалекость Сталина стоила нашему народу сотен тысяч жизней, невосполнимых потерь солдат и военной техники. Казалось, что мы терпим сокрушительное поражение, немцы неуклонно приближались к Москве и Ленинграду, захватили значительную часть Украины, а о Сталине не было никаких известий.

С каждым днем все больше нарастала опасность бомбардировок Москвы, особенно ее центральной части. Предложение о переносе гроба с телом Ленина в бомбоубежище не нашло поддержки, но специальная комиссия пришла к выводу, что в случае прямого попадания Мавзолей будет разрушен.

Вопрос об эвакуации в Тюмень поднял комендант Кремля, генерал-лейтенант Н. К. Спиридонов, поскольку он нес персональную ответственность за сохранение тела Ленина. Его предложение было принято Политбюро ЦК ВКП(б) 26 июня 1941 года и сохранялось в тайне.

Нам, сотрудникам Мавзолея, С. Р. Мардашеву и мне, только 3 июля утром сообщили, чтобы к 16 часам мы были готовы к отъезду на Восток с семьями и самыми необходимыми вещами. По-видимому, мой отец был предупрежден об этом заранее, так как в этот день была произведена необходимая подготовка — гроб с телом Ленина в большом деревянном ящике, две стеклянные ванны, необходимые реактивы и оборудование были погружены в специальный состав на Ярославской железной дороге. Одновременно секретарь Ста-

лина А. Н. Поскребышев сообщил первому секретарю Тюменского горкома, что вскоре в город прибудет особо важный объект, пребывание которого следует держать в строжайшем секрете.

К вечеру пришли автомашины и отвезли нас на какую-то неприметную платформу за Ярославским вокзалом, где мы погрузились в специально подготовленный, тщательно охраняемый состав. По дороге установленные по всей Москве громкоговорители вещали первое после начала войны выступление Сталина. Я прежде не слышал голоса Сталина, и меня поразил его сильный грузинский акцент и неумение правильно говорить по-русски. Он вообще выступал редко и только теперь, очнувшись от шока, обратился к народу со словами: «Товарищи, мужчины и женщины, братья и сестры, друзья мои...!» Сталин призывал уничтожать, разрушать и сжигать все, что остается на захваченной врагом территории. Он всячески подчеркивал силу, мощь, терпение и упорство великого русского народа, чего он раньше никогда не делал.

Поезд тронулся в 9 часов вечера. Лишь в дороге мы узнали, что едем в Тюмень; ранее это было известно только начальнику поезда, полковнику К. П. Лукину и Б. И. Збарскому. Была жаркая июльская погода. Гроб из чинары, изнутри покрытый парафином и закрытый крышкой, входящей в пазы, смазанные вазелином, в котором находилось тело Ленина, помещался в отдельном охлаждаемом вагоне с занавешенными окнами, и кто-нибудь из нас круглосуточно дежурил при нем.

С нами ехал комендант Мавзолея майор И. И. Кирюшин с семьей и соединение кремлевских солдат и офицеров, человек 30–40, которые в поезде несли вахту у вагона, а впоследствии и у комнаты, где хранилось тело Ленина, как у «поста № 1». Путь следования охранялся красноармейцами, и на станциях военные отбивались от осаждавшей поезд толпы, цеплявшейся за поручни вагонов и стремившейся эвакуироваться на Восток.

Мавзолей в Москве тем временем был замаскирован под двухэтажный жилой дом: покрыт разрисованным полотняным чехлом на каркасе из металлических труб. Эта маскировка была убрана лишь 7 ноября, в ночь перед историческим парадом защитников Москвы.

В Тюмене мы прибыли 7 июля. Нас встречало местное начальство — секретарь горкома ВКП(б) Д. С. Купцов, председатель горсовета С. Ф. Загриняев и начальник городского управления НКВД С. И. Козов. Только теперь они узнали, что за «секретный объект» прибыл к ним.

На следующий день для размещения нам было предоставлено массивное двухэтажное здание сельскохозяйственного техникума. Этот дом был построен в 1878 году для реального училища, в котором, кстати, в свое время учился Л. Б. Красин, а затем и известный советский разведчик Н. И. Кузнецов, и находился дом на углу улиц Республики и Красина. (Таким образом, Красин в какой-то мере и здесь принял участие в сохранении тела Ленина.) Чугунно-кирпичная решетка ограждала здание и изолировала его от окружающих домов.

Помещение пришлось приводить в порядок и частично ремонтировать. В городе здание числилось как «городок НКВД», а население называло его «Белым домом», так как оно было выкрашено в белый цвет.

В левом крыле на втором этаже выбрали комнату для гроба с телом Ленина. Чтобы комната не нагревалась лучами солнца, окно заложили кирпичом. Рядом поместили вспомогательную лабораторию, а впоследствии и охлаждающие установки, которые прибыли со вторым эшелонем, привезшим оборудование и сотрудников лаборатории. Этот организационный период занял около месяца.

В остальных помещениях разместились мой отец, Мардашев, Синельников и я с семьями, а также охрана и обслуживающий персонал. Траурная комната постоянно охранялась часовым. Другие посты находились у входа в дом и входа во двор. Кроме кремлевских солдат «спецобъект» охраняли два милицейских поста — у входа в здание с улицы Республики и у входа во двор с улицы Красина.

В первые дни работы мы столкнулись с немалыми трудностями. Прежде всего понадобилась дистиллированная вода для приготовления ванны. Оказалось, что в Тюмени ее получить было невозможно, и пришлось доставить воду самолетом из Омска; впоследствии мы готовили ее сами, получив со вторым эшелонем аппараты для дистилляции.

Необходимо было также держать гроб с телом Ленина закрытым, но при этом иметь возможность видеть лицо и руки. Для этого столяр В. А. Тарбеев, прикрепленный к «объекту», соорудил застекленную раму, служившую крышкой гроба и чем-то напоминавшую саркофаг.

Наряду с неудобствами были и положительные стороны: при отсутствии доступа посетителей к телу мы могли постоянно работать над ним, устраняя мелкие недостатки и применяя некоторые усовершенствования, что привело к лучшему состоянию тела и являлось своего рода перебалзамированием.

В Тюмени мы числились в правительственной командировке, которая длилась с 3 июля 1941 года до 23 марта 1945 года.

Тюмень в то время насчитывала около 80000 жителей; это был первый русский город в Сибири, до этого представлявший собой центр татарского ханства, о чем говорит и само название, означавшее «десять тысяч» — нечто вроде дивизии или корпуса. Хотя Тюмень расположена совсем близко от Урала и Европейской России, жители ее считают себя сибиряками и, соответственно, говорят: «Вы приехали из России» или «еду в Россию».

Поначалу мы жили довольно изолированно и, помимо узкого круга, участвовавшего в основной работе, общались лишь с охраной и обслуживающим персоналом, а также с представителями местных властей, особенно с городским и районным отделами НКВД. Я никогда не симпатизировал «органам» как учреждению, но отношение их к нам было вполне корректным и даже дружеским, и с некоторыми у меня установились приятельские отношения.

Войска НКВД, в особенности комендатуры Кремля, представляли собой отборные части и находились в привилегированном положении. По некоторым устным сведениям, таких внутренних войск, даже во время войны, у нас было около двух миллионов. Их не посылали на фронт, а держали на случай внутренних беспорядков, чем начальство и особенно Сталин были весьма озабочены.

В эти тяжелые годы войны город испытывал лишения и трудности: не хватало продуктов, топлива, электроэнергии, воды. Но о нас городские власти внимательно заботились: дом отапливался и освещался; работали наши приборы; нас вполне удовлетворительно кормили. Я считал, что по военному времени мы благоденствуем; грызло только сознание того, что мы лишены возможности защищать Родину с оружием в руках и что раненые, прибывавшие в город с фронта, находятся в худших условиях, чем мы.

Иначе смотрели на это солдаты и офицеры кремлевского гарнизона. Было странно, что они роптали на недостаточно качественное питание. Я нашел объяснение этому, когда в 1942 году съездил в Москву. Нас прикрепили к столовой комендатуры Кремля, и в это тяжелое военное время там кормили отлично, даже по меркам мирного времени. Обеды были настолько доброкачественными, вкусными и свежими, что ранее в жизни я так хорошо не питался, кроме того, сухим пайком давали на дом хорошие продукты, белый хлеб, масло и др., что позволяло подкармливать и семью.

В Тюмени мы вели работу по устранению недостатков, отмеченных комиссией 1939 года, исправляли некоторые локальные уменьшения объема, подбирали наиболее подходящие

светофильтры для освещения лица и рук. Дежурили у тела Ленина вначале постоянно, однако постепенно у нас стало оставаться все больше свободного времени, специальная работа не занимала всего рабочего дня.

Это позволило мне преподавать общую, органическую и биологическую химию в Тюменском педагогическом институте, а позднее и общую химию в Кубанском медицинском институте, эвакуированном в Тюмень (биологическую химию читал там Мардашев). Мой отец, который вообще любил преподавание, предпочел учить математике в средней школе; вместе с тем он все же прочел несколько лекций по биохимии в Кубанском медицинском институте.

У нас все больше возникало контактов с местными жителями и с эвакуированными с запада сотрудниками Кубанского медицинского института и других учреждений. Хотя об этом и не говорилось вслух, сведения об «объекте» в «городке НКВД» стали известны в городе. Для этого достаточно было найти в энциклопедии фамилию нового учителя математики, что и сделали шустрые школьники.

За 1500 километров от Москвы мы были в курсе международных событий и положения в стране, кроме официальных сводок Совинформбюро слушали и иностранные, в том числе немецкие, радиопередачи, некоторые сведения получали из разговоров с прибывшими с фронта и из городов европейской части страны.

В памятный день 16 октября 1941 года, когда немецкие войска вплотную подошли к Москве и было не исключено падение столицы, советское радио не сообщало ничего необычного. Наконец объявили, что выступит председатель Моссовета Пронин; по-видимому, более высокого начальства в Москве не оставалось. Все ждали, что он скажет. Речь его, однако, была вялой и не соответствующей обстановке — службы города работают нормально, музеи, магазины, бани, парикмахерские функционируют и т. п.

Позже, при посещении Москвы, я узнал, что именно после его выступления началась паника: грабили магазины, большая часть жителей стремилась уехать, толпы осаждали вокзалы и приступом брали поезда, которые, естественно, не могли увезти всех желающих. На улицах возникали митинги, а иногда даже звучали призывы к свержению советской власти. Паника была вызвана тем, что начальство уже бежало и некому было организовать население.

Во время нашего посещения Москвы, уже в 1942 году, начальник нашего поезда полковник К. П. Лукин провез нас на машине километров за 30 по Минскому шоссе. Это было не-

забываемое зрелище: по обочинам дороги лежали разбитые самолеты, бронетранспортеры и танки, представлявшие собой груды искореженного металла. Все напоминало о недавно прошедших здесь сражениях.

В январе 1942 года на тело Ленина был занесен грибок с плохо простерилизованной марлей. Наш многолетний опыт позволил устранить эту инфекцию, а затем и улучшить состояние тела. Прошел год пребывания тела Ленина в Тюмени, 29 июня 1942 года к нам прибыла правительственная комиссия под председательством академика А. И. Абрикосова. Комиссия отметила, что тело хранится попеременно в специальном растворе в одной из двух стеклянных ванн и состояние его значительно лучше, чем это было даже в Москве. В соответствии с рекомендацией комиссии об увеличении штата сотрудников к работе по сохранению тела Ленина были привлечены гистологи М. А. Барон и Б. И. Лаврентьев, патологоанатом Д. Н. Выропаев и хирург А. Н. Шабанов.

Еще более ответственная комиссия в составе министра здравоохранения СССР Г. А. Митерева (председатель) и трех академиков: А. И. Абрикосова, Н. Н. Бурденко и Л. А. Орбели приехала в Тюмень в конце 1943 года, к двадцатилетию смерти Ленина.

Положительное заключение комиссии и ходатайство ее и местных властей увенчались присуждением Б. И. Збарскому сталинской премии «За выдающуюся научную работу по сохранению тела Ленина», звания «Героя Социалистического Труда» и ордена Ленина. Орден Ленина получил также С. Р. Мардашев, а Р. Д. Синельников и я — ордена Трудового Красного Знамени.

Довольно однообразную нашу жизнь в Тюмени скрашивали нередкие поездки на охоту и рыбную ловлю. Шофер, возивший моего отца еще в Москве, Иван Иванович Иванов, был заядлый охотник. Охота была отличной; охотников было мало, дичь размножилась: осенью в изобилии были утки, тетерева и куропатки, а зимой зайцы и лисы. Английский сеттер Ивана Ивановича со странным именем Фрекулос неизменно доставал подстреленных уток из самых труднодоступных мест.

Однажды мы охотились в окрестностях деревни Покровское, той самой, где когда-то жил Григорий Новых, получивший прозвище Распутин до его чудесного приближения к царскому двору. Многие жители села еще помнили этого «святого» проходимца. О нем вспоминали как о хулигане, развратнике и конокраде. Рассказывали, что когда незадолго до первой мировой войны царица Александра Федоровна

приезжала со старцем в Тюмень и посетила село Покровское, весь путь ее от вокзала до резиденции, где она остановилась, был устлан коврами.

Война уже велась на территории врага и явно подходила к концу, общая обстановка улучшилась. Поочередно мы приезжали в Москву и готовились к возвращению тела Ленина в Московский Мавзолей, что и произошло в марте 1945 года, незадолго до полной победы над фашизмом.

Глава 8

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ. НОВЫЙ САРКОФАГ

Война еще продолжалась, но уже подходила к концу. Советские войска приближались к Берлину. Москва была в безопасности, и наша миссия в Тюмени заканчивалась. 23 марта 1945 года, таким же специальным рейсом, как и из Москвы в Тюмень, мы выехали обратно. Гроб с телом Ленина погрузили в охлаждаемый вагон, в котором было установлено круглосуточное дежурство, регулярно производилось смачивание лица и рук, велось тщательное наблюдение за состоянием объекта.

В остальных вагонах поезда разместили оборудование и реактивы, штат и хозяйство лаборатории, кремлевскую охрану и персонал, обслуживающих мавзолей и лабораторию. Теперь уже не было такой спешки, как при отъезде из Москвы, и подготовка к переезду проводилась в спокойной обстановке.

Через три дня специальный рейс прибыл в Москву, и тело Ленина с необходимым оборудованием и реактивами перевезли в мавзолей. Мавзолей подвергся существенной реконструкции, в нем установили новый саркофаг и кондиционеры, поддерживающие постоянную температуру около 16°C и влажность 72%. Все эти работы заняли несколько месяцев, и допуск посетителей был открыт лишь 16 сентября 1945 года.

И хотя под землей производилось переоборудование, с трибуны мавзолея руководители партии и правительства принимали парады и демонстрации 7 ноября и 1 мая.

После поражения Германии многих штатских специалистов передевали в военную форму и отправляли на оккупированную территорию, для того чтобы они привозили в нашу страну трофейное имущество в качестве репарации. Такие акции проводились с целью вывезти к нам как можно больше ценного оборудования и товаров.

В эту кампанию попали и мы; С. Р. Мардашеву, Н. Н. Демину и мне выдали военную форму и, снабдив соответствующими документами, отправили поездом в Берлин; Мардашев был в звании полковника, мы с Деминым — подполковники.

Берлин поразил меня. Большая часть города, весь его центр, лежали в груде развалин, завалы перегородили проезды и проходы, из-под них исходил смрад разлагающихся тел, летали тучи мух, и лишь на окраинах сохранились дома и улицы.

По городу бродили толпы людей разных национальностей; освобожденные Советской Армией французы, бельгийцы, голландцы, поляки, цыгане и, конечно, наши соотечественники. Вся эта разнородная толпа торговала какими-то пожитками и продуктами, шаталась по городу и ждала отправления на родину.

Нас поместили в пригороде Берлина, Карлсхорсте, недалеко от здания Военной академии, где 8 мая была подписана безоговорочная капитуляция Германии. В наше распоряжение дали машину и снабдили немецкими марками, через месяц дали и пистолеты; до этого мы ходили без оружия.

Я помнил Берлин 1923 и 1928 годов, когда я был там с отцом. То, что мы видели теперь, было полной противоположностью прежнему, чистому и ухоженному Берлину.

Городской транспорт не работал, на улицах зияли дыры от снарядов, пробивших мостовую и туннели подземной дороги — *Untergrund*'а. Лишь перед нашим отъездом, т. е. через 1,5–2 месяца, начали работать небольшие участки метро. Советские солдаты охраняли здания штабов войск и другие значительные уцелевшие дома; по улицам сновали пешие патрули и патрульные машины; немцы, мужчины и женщины, в хорошей одежде были заняты на принудительных работах по очистке улиц и разгребанию завалов и мусора.

Согласно заданию, в первые дни после приезда мы обратились за инструкциями к начальникам, руководившим конфискацией и отправкой имущества в СССР. Нам было велено вывозить научное оборудование в первую очередь из западной части города, поскольку по соглашению через 2–3 недели эти районы должны были быть переданы английским, американским и французским вооруженным силам. Следуя этим их указаниям, мы приходили в фирмы и научные учреждения и приказывали упаковывать то или иное оборудование и реактивы.

Отправившись на известную фирму химических реактивов «Merck» по адресу, найденному нами в справочнике, мы увидели полностью разрушенное бомбежкой здание, но на куске стены нашли новый адрес конторы фирмы. Там мы снова

встретили развалины и ссылку на еще один новый адрес, такая же картина открылась нам в третий и еще не один раз. Наконец, последний адрес привел нас в многоквартирный дом в районе Курфюрстендамм, где в одной из квартир мы нашли представителя фирмы.

Он объяснил нам, что главная контора и заводы фирмы находятся в Дармштадте, в Берлине — только представительство, которое полностью уничтожено бомбардировкой.

Основная и наиболее престижная часть научных институтов находилась тогда в пригороде Берлина — Далеме. Прежде этот комплекс институтов назывался «Kaiser Wilhelm Institut», но при республиканском правительстве был переименован в «Max Planck Institut». Здесь же находился один из лучших биохимических институтов мира, во главе с крупнейшим биохимиком Отто Варбургом.

Естественно, мы направились в Далем. Биохимический институт опустел. Директора там не было, а научные сотрудники, с которыми мы встретились, сказали нам, что у них уже побывал «Herr Oberst Deborin» (господин полковник Деборин) и увез все, что было возможно. На вопрос, где сейчас Варбург, нам ответили, что так как он «Vierteljude», т. е. на четверть еврей, он не мог оставаться в Далеме и работает теперь в Лёвенбурге, в 200 километрах от Берлина.

На улице мы встретили профессора физиологии Гессе в потертом, старом костюме, он нес на спине мешок с картошкой и охотно поговорил с нами, рассказав, что в услужении у них была русская девушка, вывезенная из оккупированных районов СССР, с которой они обращались настолько хорошо, что она стала почти членом их семьи. Эта девушка помогла им, когда пришли советские войска. Она переговорила с офицером, вошедшим в их дом с солдатами, и последний дал Гессе охранительный документ. Этот документ профессор показал нам. На клочке бумаги крупным корявым почерком было написано: «Не трогать! Майор Иванов» (подпись).

В других научных учреждениях мы встречали тот же ответ: «Herr Oberst Deborin уже увез все, что было возможно».

Тем не менее на разных фирмах нам удалось упаковать и подготовить к отправке целый вагон научного оборудования и реактивов. Немцы послушно исполняли наши указания и тщательно упаковывали вывозимое имущество, однако, когда упаковка реактивов была поручена девушкам, вывезенным с Украины, мы встретились с привычным явлением: несмотря на наши предупреждения о том, что реактивы следует упаковывать очень аккуратно и тщательно, из некоторых ящиков

потекли едкие кислоты. Когда мы открыли эти ящики, оказалось, что склянки с реактивами, включая кислоты, были свалены как попало, нередко горлышками вниз, и кое-как пересыпаны соломой. По-видимому, советский стиль работы сохранили они и в Германии.

Послушание немцев поражало. Всякий приказ, указание или даже намек исполнялись немедленно, аккуратно и добросовестно. Никакого сопротивления, недовольства, упреков или несогласия мы не встречали. Напротив, нередко немцы, указывая на разрушения в городе, говорили мне: «Вы, русские, хорошие, а это всё томми», т. е. англичане.

Однажды я был свидетелем характерной сцены в начавшем уже работать на некоторых участках метро. В вагоне сидели 20–30 немцев и несколько советских военных. Пожилая женщина, не интеллигентного вида, начала сетовать на то, что стало плохо с продуктами, трудно достать что-либо и прокормить семью. Наши военные молчали, немцы же с редким единодушием набросились на старуху, говоря: «Как вам не стыдно, фрау, вы подвергаете несчастьям и репрессиям весь немецкий народ, замолчите немедленно!»

Знание немецкого языка давало нам возможность общаться с людьми, благодаря чему мы видели и понимали значительно больше того, что могли заметить наши солдаты и офицеры, как правило, не понимавшие по-немецки. Кроме того, нас не связывала строгая дисциплина, имевшая место в строевых частях, где всячески преследовались любые контакты с населением и сквозь пальцы смотрели лишь на грабежи и насилие.

Были и редкие исключения из всеобщего послушания и смирения. Однажды ко мне обратился один немец и сказал, что русский солдат только что отобрал у него велосипед и теперь ему не на чем ездить на работу. Я попытался помочь ему, но, конечно, безрезультатно. В другой раз женщина спросила меня, правда ли, что скоро в Берлин будут присланы монгольские войска и будет еще ужаснее.

Всего более мне запомнилась тихая сцена в вагоне трамвая, уже пошедшего по улицам Карлсхорста. Напротив меня сидела довольно молодая, интеллигентного, даже, я бы сказал, аристократического вида женщина. По улице, громяхая, ломая мостовую, неслось соединение советских танков, солдаты, в самых произвольных позах, громко и разухабисто пели. Я поднял глаза и увидел, что из прекрасных глаз женщины текли слезы.

Еще Демин рассказывал мне, что он пошел посмотреть старинную церковь в пригороде Берлина, известную ему по опи-

саниям. В церкви он застал пастора, который смело жаловался ему на вандализм советских солдат и разрушение европейской культуры.

Постепенно в городе стали наводить порядок, наши военные комендатуры старались не допускать эксцессов и чрезмерного беззакония. По некоторым линиям пошли трамваи, частично заработало и метро, появились советские магазины, где полки ломались от продуктов, стоимость которых была недоступной для немцев, но вполне приемлемой для нас и строевых офицеров, получавших оккупационные марки; по сравнению с этими ценами то, что продавалось немцами свободно, вне специализированных магазинов, например, пиво, казалось баснословно дешевым.

Наши солдаты повсюду целеустремленно искали вино и особенно спирт или водку. То, что находили, выпивали немедленно и нередко учиняли скандалы и безобразия. Как-то раз незнакомый офицер, увидев Мардашева и меня в столовой, подошел к нам с тремя бутылками отличного французского вина, открыл их, протолкнув грязным пальцем пробки внутрь, и угостил нас, налив вино в большие стаканы.

В другой раз мы посетили медсанчасть по какому-то пустяшному поводу, при нас привезли несколько стонущих солдат, большинство которых говорили, что они ничего не видят. Это характерный признак отравления метиловым спиртом, запах которого легко спутать с парами этилового (винного) спирта. Однажды мы с Мардашевым решили зайти в огромное поврежденное, но не разрушенное здание Военно-медицинской академии в Берлине. Пройдя по длинным коридорам, мы попали в зал, где лежало сваленное в кучу германское военное обмундирование. Можно было заключить, что немецкие военные оставляли здесь форменную одежду и передевались в штатское, чтобы спасти свою шкуру.

Мы не нашли лабораторий, но в конце одного длинного коридора увидели фигуру молодого человека в форме и благоразумно спрятались за дверь; в это время прогремел выстрел, и мы рады были, что пуля пролетела мимо. Кажется, именно после этого случая, когда мы рассказали о нем в нашей комендатуре, нам выдали оружие.

В Берлине у меня было немало интересных встреч. Перед отъездом из Москвы Всеволод Михайлович Каганов, бывший заместитель отца по Институту питания, а тогда то ли директор, то ли зам. директора Медицинского издательства, рассказал мне, что когда Медгиз хотел издать (еще до войны) книгу профессора Войно-Ясенецкого «Гнойная хирургия», тот

потребовал, чтобы автором значился не проф. Войно-Ясенецкий, а архиепископ Лука, и книга в Медгизе не вышла, но была опубликована в Германии под авторством «Erzbischof Lukas». Каганов просил меня по возможности встретиться с военным корреспондентом Ляндресом. Ляндреса я действительно нашел в Берлине, передал ему привет от Каганова, и он рассказал мне много интересного. Может быть, я и забыл бы об этой встрече, но вспомнил о ней, так как впоследствии узнал, что Ляндрес — отец известного сочинителя советских детективов, писавшего под псевдонимом Юлиана Семенова.

Один офицер, участвовавший во взятии Берлина и находившийся там с самых первых дней мая, поведал мне много интересных и примечательных деталей. От него я узнал, что Гитлер покончил с собой в бункере под Фридрихштрассе, а Геббельс совершил самоубийство еще раньше, предварительно застрелив жену и отравив своих многочисленных детей. Этот офицер рассказал мне о том, что японский посол обратился к советским властям с требованием возместить убытки, которые причинили ему советские солдаты, ворвавшиеся в посольство, при этом он перечислил украденное имущество, но умолчал о том, что на его глазах группа солдат изнасиловала его жену. Он рассказал мне и о прекрасной актрисе — Ольге Чеховой, племяннице А. П. Чехова, захваченной в Берлине.

Как-то зайдя в комендатуру одного из районов, в кабинете помощника коменданта я увидел очаровательную девушку, служившую в комендатуре переводчиком. Девушку звали Надя. Она сказала мне, что была захвачена в плен в первые дни войны в госпитале в Риге, где работала медсестрой, и увезена в Германию, сама она из Орехова-Зуева и родители ее не имеют о ней сведений с начала войны. Как только офицер вышел, я сказал ей, что хочу встретиться с ней. Она тут же спросила меня, говорю ли я по-немецки и, после моего положительного ответа, тут же перешла на немецкий язык, говорила по-немецки она отлично.

Она сказала мне, что сама хотела бы встретиться, но ее почти не выпускают из комендатуры. Если ей удастся выйти, она будет ждать меня на углу следующей улицы в таком-то часу, но если ее не будет, значит, ее не отпустили. На мое предложение сообщить о ней ее родителям, поскольку я скоро возвращаюсь в Москву, она сказала, чтобы я этого не делал, так как ей, как и всем, кто был вывезен в Германию, предстоит по меньшей мере ссылка в Сибирь без права общения.

На следующий день я пришел на место встречи, простоял там около часа, но увы, она не пришла. Я долго жалел об этом.

Было у меня и другое романтическое приключение. Как-то в свободное время мы с Деминым прошли по парку Вейсензее. В парке мы встретили двух хорошеньких молодых немок и заговорили с ними. Одну из них, повыше ростом, звали Хельга, другую — Урсула. Мы разговорились, провели с ними около часа и на следующий день вместе съездили на Тегельское озеро, где когда-то, точнее, в 1928 году, отец поместил меня на неделю в пансион.

Хельге было 18 лет, мне уже 31, мы весело болтали, и она рассказала мне много интересного, из чего я получил довольно полное представление о жизни в Германии в последние годы. Поразило меня удивительное сходство с тем, что творилось у нас: в школах прославляли Гитлера, так же как у нас Сталина, вместо «обществоведения» и истории партии изучалась расовая теория и основы национал-социализма. Преследовалась литература, не соответствующая задачам национал-социалистической партии или написанная евреями и нежелательными иностранцами. В доме, где жила Хельга, из тайников при мне извлекли стихотворения Гейне и перевод сочинений Гооголя. Националистическое стихотворение Гейне «Lorelei», вошедшее во все хрестоматии, не было запрещено, но подавалось как произведение «неизвестного автора» — «Unbekannter Verfasser».

Хельга жила с матерью, в отдельном, хорошо обставленном двухэтажном коттедже, далеко от Карлсхорста, в другом конце города в пригороде Nieder Schoenhausen, отец ее, какой-то техник, умер, а мать была онемеченной француженкой. Возвращаться вечером в Карлсхорст было сложно и долго, и я не раз оставался ночевать у Хельги. Она рассказала мне, что у нее был жених из Дрездена, но теперь она не знает, где он.

В начале нашего знакомства мы долго гуляли с ней до поздней ночи в Шлосспарке. Вдруг на аллее нас осветили фары военного «пикапа». Из него молниеносно выскочили несколько солдат, под командой лейтенанта, схватили нас под руки и втащили в машину. Лейтенант сказал мне: «Попался с немкой, товарищ подполковник!» Нас привезли в комендатуру, было допросили и отпустили.

Однажды, когда мы ужинали у нее дома (нередко я приносил с собой хорошие продукты из советских магазинов), вошел младший лейтенант и заявил, что майор такой-то останется в этом доме. Я сказал, что уже занял этот дом, и, учитывая, что я был в звании подполковника, лейтенанту, вместе с майором, которому, вероятно, тоже приглянулась Хельга, пришлось отступить.

Перед отъездом я зашел попрощаться с ней, шел дождь, и она сказала, что Берлин плачет обо мне. На прощание она подарила мне свою фотографию с написанным на обороте стихотворением. Это был немецкий «Шлягер». В разгул террора страшных 50-х годов хранить дорогую мне фотографию было опасно, и я скрепя сердце порвал и выбросил ее. Стихотворение осталось в памяти. Вот оно:

Zum Abschied, reich ich dir die Hände
 Und sag, ganz leis: «Auf Wiedersehn»!
 Ein Schönes Märchen geht zu Ende,
 Doch war so schön.

.....
 Ich will dein Bild im Herzen tragen,
 Du weisst wie gern ich bei dir blieb
 Denn, will ich dir zum Abschied sagen:
 «Ich habe dich so lieb».

Одну строфу в середине я не могу вспомнить. Когда я уже собрался уходить, Хельга ушла в другую комнату, я подождал ее, но вышла ее мать и тихо сказала мне: «Sie weint», она плачет. Я прошел к Хельге; в слезах, она нежно обняла меня и поцеловала на прощание. Дальнейшая судьба Хельги мне неизвестна, она говорила, что хотела бы попасть в Америку, куда уехали их друзья еврейского происхождения, если они пригласят ее, и стать актрисой.

Через много лет, в 1973 году, для части участников проходившего симпозиума профессор Берлинского университета С. Рапопорт устроил прием в том самом Нидершейнхаузене, где жила Хельга, оказавшемся в советской зоне Берлина. Я был на этом приеме и тщетно пытался найти дом Хельги, мне это не удалось: или он был где-то далеко, или я не узнал его.

Перед отъездом мы договаривались об отправке нашего имущества, Мардашев уехал раньше, так как почувствовал себя плохо, Демин должен был сопровождать вагон. На Восточном вокзале командовал отправкой вагонов и грузов какой-то майор или подполковник. В его конторе толпились офицеры, большей частью старше его по званию, и громогласно, употребляя крепкие выражения, требовали срочной отправки тех или иных грузов; казалось, что тот, кто сумеет всех перекричать, крепче ругаться и быть напористой, сможет добиться успеха.

Мы с Деминим, из-за интеллигентской нашей природы, безуспешно пытались отправить груз. На следующий день Демин все же прорвался к майору и, выйдя через полчаса, сооб-

шил, что ему удалось получить вагон. Я спросил его, достаточно ли крепко он ругался. Но он ответил, что добился этого вежливостью. Майор пожаловался ему, как противно, грубо и настырно ведут себя наши командиры. «А вы вот поговорили со мной как с человеком, вежливо и без хамства, а я ведь судья и не терплю сквернословия».

Я уезжал и сел в поезд на Ostbahnhof'e поздно вечером, было уже темно, охранявший пути солдат, которого я не видел, огрел меня многоэтажным матом и, не дождавшись моего ответа, выпустил автоматную очередь. Я нес тяжелый трофейный радиоприемник «Telefunken, Vlaupunkt», того, что я сдал в Москве в начале войны, мне, конечно, несмотря на обещание, не вернули. После выстрелов я напрягся насколько смог и прокричал что-то охраннику на понятном ему лексиконе, после чего, он, по-видимому, убедился, что имеет дело с соотечественником, и пропустил меня.

24 июня 1945 года в Москве состоялся торжественный Парад Победы. Перед мавзолеем выстроились наиболее отличившиеся воины всех десяти фронтов. Маршал Г. К. Жуков, принимавший парад, объехал верхом на белом коне Красную площадь, торжественно приветствуя солдат и командиров.

Под музыку, торжественным маршем к мавзолею двинулись соединения пехоты. Вдруг музыка замолкла, под барабанную дробь колонны солдат несли опущенные трофейные фашистские знамена со свастикой и, подходя ближе, бросали их к подножью мавзолея, перед мавзолеем легли двести знамен покоренных немецких дивизий, включая личный штандарт Гитлера, брошенный первым правофланговым высоким солдатом. Далее в течение двух часов продолжался марш соединений Красной Армии.

Работа над новым саркофагом была начата еще до войны конструкторами Светотехнического института во главе с Н. В. Горбачевым и продолжалась нами во время эвакуации в Тюмени. Главным преимуществом нового надгробия было устранение мешающих обозрению отражений в прежнем коническом катафалке и значительное улучшение освещения лица и рук.

Новый саркофаг имел форму перевернутой трапеции, благодаря чему отражение уходило вверх и стало невидимым. Стекла бронзовой рамы изготовил и установил тот же искусный мастер, Н. И. Курочкин. В верхней плите саркофага были вмонтированы светооптические приборы, позволяющие регулировать интенсивность и окраску каждого светового пучка.

Архитектурный проект нового саркофага был выполнен выдающимся зодчим А. В. Щусевым, спроектировавшим и

само здание мавзолея, а его художественное оформление исполнено скульптором Б. И. Яковлевым. Верхняя ступенчатая плита опиралась на 4 бронзовые колонны, обрамленные красноватой яшмой. По обеим сторонам саркофага установлены были склоненные знамена, в головной части — государственный герб СССР, украшенный лавровыми и дубовыми листьями.

По возвращении из Тюмени Лаборатории при Мавзолее было предоставлено новое здание на Садовой-Кудринской улице, 3. В этом трехэтажном доме, бывшей гимназии и школе, помимо специальной лаборатории разместились также кафедра биологической и аналитической химии 1-го Московского медицинского института и Лаборатория биохимии рака, возглавляемые моим отцом, директором Лаборатории Б. И. Збарским; несколько месяцев мы были заняты приспособлением этого здания под лабораторный корпус.

Штат Лаборатории также значительно вырос, он был укомплектован гистологами, анатомами, биохимиками, физико-химиками, оптиками. Для усовершенствования хранения тела и бальзамирования велись закрытые исследования состава кожи и подкожной клетчатки, аутолитических факторов распада тканей, проникания в них бальзамирующих растворов. Производились опыты на трупах.

Расширились и задачи Лаборатории, нам приходилось обрабатывать на непродолжительный срок тела видных представителей руководства, науки и культуры, для того чтобы они могли лежать в хорошем состоянии при прощании с ними до похорон. Помню, как в 1951 году мы провели такое краткое бальзамирование тела президента Академии наук СССР С. И. Вавилова.

Таким же образом мы предохранили от разложения тело известного драматурга Всеволода Вишневского, а в 1948 году трагически погибшего выдающегося актера и председателя еврейского антифашистского комитета Соломона Михоэлса. Михоэлс был убит в Минске, затем, чтобы скрыть преступление, на него наехал грузовик; тело и лицо его были сильно изуродованы, пришлось долго возиться и применять косметические процедуры, чтобы привести его в более или менее приличный вид.

Убийство Михоэлса было организовано МГБ по приказу Сталина, с легкой руки которого о нем распространяли наветы, что он сионист и американский шпион. Соответственно, весь еврейский антифашистский комитет был разогнан и члены его арестованы.

Наши обязанности расширились и за пределы границ Советского Союза на территории зависимых от него стран, где установлен был коммунистический режим.

Однако главным и самым ответственным объектом нашей деятельности оставался Мавзолей на Красной площади. Мавзолей был политическим центром притяжения столицы. Приблизительный подсчет показывает, что в год его посещало около 2,5 миллиона человек, а за 70 лет (1924–1994) прошло 120 миллионов.

После проведенной реконструкции мавзолея и саркофага условия хранения тела Ленина улучшились, помогли разработки специальной лаборатории. Тем не менее ответственность за сохранение тела и опасность малейшей неудачи ничуть не уменьшились, а, скорее, даже возросли из-за осложнения обстановки внутри страны и усиления всеобщего террора.

Однажды на лице Ленина мы обнаружили небольшое пятнышко, вероятно, представлявшее собой колонию грибка. Попадание плесени или других микроскопических грибков случилось и ранее, но такие пятна были белого или зеленоватого цвета, и мы научились удалять их. На этот раз пятно было черным, и мы не на шутку перепугались, собрав образец этой плесени, мы отправили его на исследование в Институт микробиологии Академии наук СССР с просьбой срочно определить вид плесени и, главное, сообщить нам средства борьбы с ней.

Ответ пришел очень быстро, чуть ли не в тот же день. Оказалось, что это черная плесень, *Aspergillus niger*. Для избавления от нее рекомендовалось сжечь объект или обработать его концентрированной серной кислотой.

Само собой разумеется, что эти методы были неприменимы для нашего «объекта». Мы перепугались еще больше и почти впали в панику. Несмотря на это, попробовали испытанные методы борьбы с грибковой инфекцией, и нам удалось избавиться от черной плесени.

Не прекратились и покушения на тело Ленина. Уже после моего отчисления из Мавзолея в траурный зал пронесли взрывное устройство, которое сработало, ранило стоявшего у саркофага часового и нанесло некоторый ущерб. Тело Ленина при этом не пострадало и повреждения быстро ликвидировали.

Этот случай послужил поводом для еще большего усиления бдительности. В саркофаге поставили пуленепробиваемые стекла, охрану внутри Мавзолея увеличили, стали более тщательно следить за посетителями, установили электронные устройства, сигнализирующие о проносе оружия или взрывных

приспособлений. Тем не менее в апреле 1987 года один из посетителей бросил в основание саркофага бутылку с бензином и поджег ее, но опытные охранники быстро ликвидировали пожар. Такой же случай произошел и в ноябре, но охрана сумела предотвратить загорание и схватить покушавшегося, оказавшегося психически ненормальным.

В 1970-х годах в мавзолее проводились большие работы по переоборудованию; под землей, на месте бывшего рва, засыпанного после Отечественной войны 1812 года, сооружена была длинная, в 200 метров, галерея, по бокам которой находятся служебные помещения мавзолея: зал кондиционеров, диспетчерская, вентиляционная, мастерская, пульт дежурного, на котором светятся мониторы, сообщающие о температуре и влажности и о состоянии всех технологических систем. Далее расположена комната отдыха, спортзал и даже музей предметов, отобранных у неосторожных посетителей. Отсюда же имеется прямой проход как в траурный зал, так и в Кремль.

После ареста моего отца в 1952 году директором Лаборатории при Мавзолее стал С. Р. Мардашев, затем, с 1962 года, еще при жизни Мардашева, Б. Н. Усков, а с 1967 года — С. С. Дебов. В 1976 году Лаборатория переехала из ветхого, требующего капитального ремонта дома на Садовой-Кудринской в новое, специально построенное и прекрасно оборудованное здание на улице Красина. В нем есть помещение, полностью имитирующее траурный зал мавзолея, с таким же саркофагом, гробом и освещением, специальные комнаты для трупов и все условия для проведения работ по бальзамированию и хранению тел умерших, не говоря уже об оснащенных современным оборудованием и реактивами лабораторных комнатах, позволяющих проводить морфологические и биохимические исследования на современном уровне. В 80-х годах Лабораторию стали именовать Лабораторией биологических структур. С 1991 года это название стало официальным и появилось на ее новом здании.

С 1991 года после падения коммунистического режима положение Лаборатории биологических структур резко ухудшилось, Министерство здравоохранения отказалось от нее, ей угрожало прекращение государственного финансирования и закрытие. Лабораторию материально поддерживал лишь благотворительный фонд «Мавзолей В. И. Ленина», созданный коммунистическими организациями. В этих условиях с 1991 до 1995 года тело Ленина даже не клали в ванну для профилактики и произвели такие работы лишь в 1995 и в 1997 годах.

С прекращением финансирования Лаборатория влачила жалкое существование, небольшое облегчение пришло с ее переходом под эгиду ВИЛАРа, некоторые средства она получала из Вьетнама, где хранится тело Хо Ши Мина. Пришлось искать новые источники финансирования, уже на коммерческой основе, акцентируя научное значение разработанных методов бальзамирования; небольшая помощь пришла при реставрации сохранившейся во льду мумии скифской принцессы. Наконец, более существенную поддержку, в сумме около миллиона долларов, Лаборатория получила благодаря бальзамированию тела диктатора Северной Кореи Ким Ир Сена, умершего в 1994 году.

С 1992–1993 годов в Лабораторию стали обращаться богатые предприниматели и банкиры мафиозного типа, платя крупные суммы за временное бальзамирование и приведение в надлежащий вид обычно убитых и изуродованных трупов их родственников и сослуживцев. Благодаря этому Лаборатория находится в значительно лучших условиях, чем другие научные учреждения, и бюджетные ассигнования составляют лишь малую долю ее материальных средств.

После смерти Дебова в июне 1995 года директор ВИЛАРа В. А. Быков принял заведование Лабораторией, сам назначив себя на эту должность.

Глава 9

СОБЫТИЯ В СССР И НАУКА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

9 мая 1945 года. Война окончилась. Я вспоминаю необычайное всенародное ликование по этому поводу. Улицы, площади, переулки, мосты Москвы были полны народа. Они выглядели необычно и поражающе: мужчины и женщины, дети и солдаты целовались и обнимались, танцевали и плакали от счастья. Утром 10 мая к нам пришли друзья, мы выпили чудом сохранившуюся на торжественный случай бутылку шампанского и целый день провели на улицах, смешиваясь с толпой. Вечером мы наблюдали рассыпающиеся огни фейерверков торжественного салюта. Вспоминаю также, как с балкона посольства, находившегося тогда на Манежной площади, приветствовал москвичей американский посол.

Переговоры с демократическими странами Запада о послевоенном устройстве мира подогревали надежду на либерализацию режима и прекращение изоляции от остального мира. Уже во время войны гнетущие нас условия были ослаблены.

Многие стали говорить то, что они думают, не боясь репрессий. Как-то я ехал в поезде в одном купе с полковником, который откровенно рассказывал мне, что в армии начальство позволяет себе бить подчиненных офицеров, чего никогда не допускалось в царской армии; в редких случаях могли ударить только солдата.

В годы войны до некоторой степени возродилась религия. Власти как будто ослабили жестокие преследования верующих, репрессии против священников. Сталин, бывший семинарист, понимал значение церкви в единении народа и даже разрешил восстановление некоторых чудом сохранившихся храмов, превращенных в склады и гаражи.

Но увы! После войны режим становился все жестче и жестче, возможность общения с представителями других народов почти полностью исключалась, случайная встреча с иностранцем, включая «демократических», просоветских, угрожала тюремным заключением и даже расстрелом. «Железный занавес», по известному выражению Черчилля в его знаменитой фултонской речи, отрезал нас от всего мира, вслед за боями на фронтах началась «холодная война».

Насильственное «промывание мозгов» внедряло в нас превосходство всего советского, стратегический гений Сталина, неумемное возвеличивание отечественной истории и культуры, неприятие иностранного, буржуазного образа жизни.

Мы были изолированы от зарубежных коллег. Борьба с «космополитизмом» и «низкопоклонством» выразилась в том, что резко сократили цитирование иностранных авторов и выискивали советских и русских первооткрывателей во всех областях науки. Чтение иностранной научной литературы в библиотеках стали допускать только по специальным разрешениям, выдаваемым директорами научных институтов. Это игнорирование всего иностранного доходило до того, что в некоторых провинциальных институтах и университетах удаляли портреты таких общепризнанных корифеев науки, как Пастер, Ньютон, Гельмгольц и др. Не разрешалось направлять научные труды в международные журналы, запретили даже обмен оттисками работ, опубликованных в открытой печати.

В связи с этим я вспоминаю немало курьезных случаев. В конце 40-х годов я получал из-за границы множество запросов на отскики моих работ, напечатанных в советских журналах, неизменно приходилось рвать их и бросать в корзину для мусора. Однажды, получив запрос известного японского ученого Сибатани, мой сотрудник, С. С. Дебов, настаивал на посылке ему оттистка. После того как я сказал ему, что это

невозможно, он отправился за разрешением в Министерство здравоохранения.

Через несколько часов, к концу рабочего дня, Дебов вернулся крайне расстроенным, он рассказал, что, придя в иностранный отдел министерства, он ни с кем не смог говорить на эту тему и каждый направлял его к другому чиновнику, пока он, наконец, не дошел до начальника отдела. Тот, повертев в руках запрос на оттиск, долго расспрашивал о том, кто такой Сибатани, какие у него политические взгляды, как он относится к Советскому Союзу и т. п. Не получив ответа на эти вопросы, кроме того, что он крупный ученый, начальник, с пронизательным, просверливающим взглядом, сказал моему сотруднику: «Ну, если Вы *очень* хотите послать оттиск, напишите подробное обоснование со всеми сведениями, касающимися вашего адресата, тогда мы рассмотрим ваше заявление».

Еще более памятно заседание Ученого совета Центрального онкологического института, в котором я работал. В Институт гематологии и переливания крови пришел сотрудник иностранного посольства и попросил пропустить его к заместителю директора, профессору Н. А. Федорову. Вахтер такая-то позвонила Федорову и, несмотря на его указание пропустить, задержала посетителя в вестибюле.

Тогда Федоров вышел к нему и передал два оттиска своих работ, опубликованных в открытой печати. На заседании был зачитан приказ министра здравоохранения Е. И. Смирнова, согласно которому за отсутствие бдительности Федоров был снят с занимаемой должности и направлен с понижением на периферию; а вахтеру объявлялась благодарность. Подоплека этого инцидента вскоре выяснилась. Оказалось, что один датский ученый, послав несколько запросов на оттиски и не получив на них ответа, уполномочил своего знакомого из посольства зайти к Федорову и попросить у него интересовавшие его научные сообщения.

В том же институте среди нас было распространено секретное предписание об обращении с иностранцами, состоящее из 11 пунктов. Помню, что запрещалось вступать в какие-либо разговоры с иностранцами, писать им письма, отвечать на их коммерческие предложения, оказывать им медицинскую помощь и т. п. Их следовало направлять в соответствующую министерства — Иностранных дел, Внешней торговли, Здравоохранения... Самым примечательным был последний пункт, согласно которому допускалось оказание только срочной медицинской помощи при несчастных случаях. Вероятно, иностранные посольства направляли ноты, когда

врачи разбежались во все стороны, видя, что иностранца сбита машина и он нуждается в экстренной помощи.

До войны положение ученых в СССР было сложным, а отсутствие современного оборудования и реактивов не позволяло вести исследования на достаточно высоком уровне. Научные учреждения, за исключением небольшого числа находившихся на особом положении, как, например, Лаборатория при Мавзолее Ленина, были лишены возможности получать реактивы и оборудование из-за границы, а те исследования, которые все-таки проводились, обеспечивались материалами, сохранившимися еще с дореволюционных времен.

Преимуществом пользовались прикладные работы, направленные на повышение продуктивности промышленности и сельского хозяйства и, в особенности, связанные с обороной. Эти принципы не только остались надолго, но, мало того, от ученых все больше требовали, чтобы они сами внедряли результаты своих работ в народное хозяйство, представители которого, обремененные плановыми заданиями, как правило, нисколько не были заинтересованы в этом.

После войны политика в отношении ученых не исчерпывалась национализмом и изоляцией от внешнего мира. Сталин осознал отставание нашей науки, толчком к этому послужили, по-видимому, взрывы атомных бомб в Хиросиме и Нагасаки; при этом он, вероятно, не винил себя в том, что незадолго до войны раскритиковал план работы Академии наук и заставил изъять из него исследования по изучению атомного ядра как бесполезные для практических задач социалистического строительства.

Сталин вызвал президента Академии С. И. Вавилова и спросил его, что нужно сделать для развития советской науки. Вавилов на первое место поставил улучшение материального обеспечения научных работников. В связи с этим в 1946 году дотоле нищенское положение ученых резко изменилось, и наука заняла одно из самых престижных мест, так, доктор наук стал получать 6000 рублей в месяц, что превышало среднюю зарплату в стране в несколько раз, помимо того, стали выделять некоторый лимит валюты научным институтам для приобретения оборудования и реактивов, а также ведущим ученым для выписки научной литературы из-за границы. Так, наш Институт стал получать 50000 долларов США в год.

Несмотря на значительное улучшение быта и условий работы ученых, их положение оставалось менее обеспеченным, чем за границей. Развитию советской науки в особенности

мешали бюрократизм и нелепости советской системы: научная литература проходила цензуру и получали ее с опозданием, выписка оборудования производилась через специальное управление Академии — Академснаб, за полтора года составлялась заявка на оборудование и реактивы, которые из-за этого доставлялись лишь через 2–2,5 года; за этот долгий срок потребность в них нередко уже отпадала и, с другой стороны, возникала необходимость в других химикалиях.

Академснаб из экономии, как правило, закупал реактивы оптом, фасовал их у себя и хранил в ненадлежащих условиях, из-за чего они нередко портились, да и доходили до заказчика не всегда. Для получения реактивов, в особенности когда они были нужны срочно для проведения опытов, мы бегали в Академснаб с подарками для служащих, проявляли внимание к дамам, распределяющим реактивы, дарили им конфеты и т. п.

Профессорам и заведующим лабораториями, в отличие от их иностранных коллег, не полагалось иметь секретарей или референтов и приходилось самим вести всю работу, отрывающую от науки и не требующую их квалификации, как-то переписку, печатать на машинке и т. п.

Научные институты отделили от университетов и других высших учебных заведений, что осложнило пополнение институтов молодыми кадрами и ухудшило подготовку студентов. Много времени отнимала бюрократическая система составления планов и отчетов за разные промежутки времени, партийные и профсоюзные собрания и политучеба.

Когда через год-два после смерти Сталина появилась возможность переписки с иностранными коллегами, надлежало сдавать копии писем в так называемый Первый отдел института, давать там расписку о сохранении государственной тайны, к которой относили такие вопросы, как заболеваемость и смертность, география и эпидемии, загрязнение окружающей среды и т. п.

В этот период, в 50–60-е годы, сеть научных учреждений значительно расширяли, создавали много новых институтов, в нашей стране были миллионы научных сотрудников, что превышало их численность в США и других странах. Хотя наша наука продолжала существенно отставать от достижений передовых развитых стран, лучшие научные исследования стали выходить на мировой уровень.

К сожалению, в связи с событиями последнего десятилетия науке стали уделять все меньше и меньше внимания, ассигнования сократились к настоящему времени в 15–20 раз, прекратилось поступление необходимых для работы оборудования

и реактивов, зарплата научных работников упала ниже среднего уровня в стране, выплачивают ее нерегулярно, и вести исследования стало практически невозможно.

Большинство активных молодых исследователей уехало за границу, а те, кто остался, лишены возможности работать. Сохранившаяся небольшая научная активность почти полностью финансируется зарубежными национальными и международными фондами, совместными исследованиями и благотворительностью меценатов и коллег из-за границы.

Глава 10

ЛЫСЕНКО И ДРУГИЕ «НОВАТОРЫ»

Проводя кампанию ложного патриотизма, Сталин пытался доказать превосходство советской науки, но способ этого доказательства заключался главным образом во всемерной поддержке всяких «новаторов», выдвигавших новые идеи и достижения. Нечего и говорить, что почти все они были шарлатанами или психически ненормальными фанатиками. Однако объективная научная критика новаторов приводила к репрессиям и единственным критерием их бредовых идей являлась директивная политика партии.

Самым известным и принесшим наибольший вред отечественной науке «новатором», несомненно, был Трофим Лысенко, полуграмотный селекционер, окончивший лишь сельскохозяйственный техникум в Одессе. Благодаря, к несчастью, заметившему его президенту Академии сельскохозяйственных наук Николаю Ивановичу Вавилову, выдающемуся биологу (старшему брату будущего президента Академии наук Сергея Ивановича Вавилова), он принял участие в сессии Сельскохозяйственной академии в 1938 году.

На сессии Лысенко выступил с бредовыми идеями, согласно которым отрицалось существование законов наследственности и даже хромосом, носителей факторов передачи признаков потомству — генов. Он утверждал, что вся природа растений и вообще живых существ зависит только от окружающей среды. При этом он обещал, оказывая влияние на растения, значительно увеличить урожайность, предлагал всевозможные нововведения, к примеру, яровизацию семян, квадратно-кустовой посев, лесозащитные полосы и т. п. По существу эти предложения или не содержали ничего нового, или были бесполезны.

Современной науке он противопоставлял «мичуринскую биологию», якобы основанную далеким от теории и фунда-

ментальной науки селекционером И. В. Мичуриным, работавшим в городе Козлове и презиравшим официальную науку, скорее всего, из-за непонимания ее. Эти противоречащие современной науке претензии Лысенко еще до войны были горячо поддержаны Сталиным и партийными инстанциями и выданы за достижения и превосходство советской науки. Повидимому, в обнищавшей стране с разрушенным принудительной коллективизацией сельским хозяйством обещания Лысенко значительно повысить урожай импонировали Сталину.

В соответствии с этим так называемая «формальная генетика» в СССР была разгромлена, президента Академии сельскохозяйственных наук Николая Вавилова, талантливейшего и благороднейшего ученого, освободили от должности, арестовали и замучили до смерти в саратовской тюрьме в 1943 году. Лысенко, напротив, сделали действительным членом Сельскохозяйственной академии, ее президентом и академиком Академии наук СССР.

Тем не менее одними обещаниями повысить урожайность и уверениями, что он кормит страну, вряд ли можно объяснить чудесное превращение малограмотного мужика в академика. Истинную причину я вижу в присущей Лысенко, подобно Григорию Распутину, гипнотической силе и имманентной способности действовать на подсознание. Послевоенное развитие «мичуринской биологии» и еще большее усиление его деспотизма подтверждает именно эту причину безоговорочной поддержки его правящими кругами и обладания им огромной властью над всей советской научной общественностью. Поистине это был Распутин в науке.

Во время войны Лысенко как бы сошел со сцены; видимо, было не до него, но в 1948 году он снова всплыл на поверхность. Началось с того, что он опубликовал в «Литературной газете» статью о борьбе за существование, в которой он утверждал, что внутривидовой борьбы не существует — главным аргументом было то, что «заяц зайца не ест, а волк зайца ест».

Эта статья, не имеющая ничего общего с установленными закономерностями, вызвала возмущение научной общественности. «Литературная газета», не компетентная в вопросах естествознания и, как всегда, влезающая не в свои сани, открыла дискуссию по этому поводу. Подавляющее большинство статей ученых аргументированно опровергли точку зрения Лысенко, и было совершенно очевидно, что его претензии не имеют никаких научных оснований. Несмотря на это, малопочтенный печатный орган, подводя итоги дискуссии, заключил, что мнение Лысенко одержало победу!

Это еще больше возмутило специалистов, и биологи Московского университета настояли на открытой дискуссии по вопросу о внутривидовой борьбе за существование. Декан факультета Юдинцев, получив разрешение начальника отдела науки ЦК КПСС, зятя Сталина Юрия Жданова, открыл эту дискуссию (отец Юрия Жданова, Андрей Жданов, член Политбюро, ведал вопросами идеологии).

Ни Лысенко, ни кто-либо из его сторонников не удостоили заседание своим присутствием, и дискуссия превратилась в единодушное осуждение бредовых идей новоявленного «корифея науки». Вслед за этим собранием декан был освобожден от своей должности, а его участники подверглись суровому осуждению. В официальном органе партии, «Правде», появилось покаянное письмо Юрия Жданова, а Жданов-старший странным образом в эти дни умер от инфаркта — вряд ли Юрий не посоветовался с отцом, прежде чем санкционировать дискуссию.

Летом 1948 года партийно-правительственным решением в состав Академии сельскохозяйственных наук ввели ряд сторонников Лысенко, таким образом, они составили в Академии большинство, а 30 июля–7 августа того же года прошла сессия этой Академии, которая произвела своего рода переворот в науке. Сессия открылась докладом президента Академии, Т. Д. Лысенко на тему «О положении в биологической науке» и была посвящена только этому вопросу.

Лысенко разнес реакционный «менделизм-вейссманизм-морганизм» и превознес «единственно правильное мичуринское учение». Вся речь его была пропитана идеологией; на малейшие возражения он отвечал, что доклад его одобрен товарищем Сталиным и ЦК партии. В этих условиях «мичуринская биология» не подлежала критике и рассматривалась как политика партии в области биологии.

Видные ученые, стоявшие на позициях «формальной генетики», были сняты со своих постов и оставлены без работы, а многие из них арестованы и сосланы. Мичуринская биология как политика партии изучалась во всех первичных организациях не только Советского Союза, но и зарубежных коммунистических партий, презренный «менделизм-вейссманизм-морганизм» подвергся уничтожающей критике и стал служить нецензурным трехэтажным ругательством. Великие ученые — основатели современной генетики чех Грегор Мендель (1822–1884), немец Август Вейсманн (1834–1914) и американец Томас Морган (1866–1945), вероятно, содрогнулись бы, узнав, что их имена используются как брань.

Вся эта вакханалия вызвала протесты мировой общественности, и многие представители интеллигенции зарубежных стран вышли из коммунистических партий, в которых они состояли.

По этому поводу я вспоминаю курьезный эпизод во время нашего пребывания в Болгарии, где мы бальзамировали тело Георгия Димитрова. После торжественных похорон вождя на центральной площади Софии и перенесения его останков в мавзолей, спешно выстроенный еще до нашего прибытия, в правительственном здании состоялся грандиозный банкет, на который были приглашены и мы.

Я сидел рядом с брюнетом средних лет. Оказалось, что он генеральный секретарь бельгийской коммунистической партии. Незадолго перед этим в Москву приезжал известный бельгийский биолог Жан Браше, с которым я виделся и о котором мне рассказывали, что он бельгийский коммунист, и я спросил о нем моего соседа. Ответ был классическим: «Он член партии, но не марксист. Когда я говорил с ним о директивах партии в области биологии, он ответил мне, что еще должен подумать об этом».

«Мичуринская биология», возведенная в политику партии, принесла непоправимый вред всей русской науке, отбросив ее далеко назад и лишив доступа к современным успехам. Прислуживающие партии философы и научные работники распространяли «превосходство советской науки» и на другие отрасли. Так, специальной сессией Академии медицинских наук единственно правильной была провозглашена «павловская физиология», заблокировавшая все другие течения в этой дисциплине. Новейшие достижения мировой науки подверглись уничтожающей критике, главным образом с идеологических позиций, это привело к запрещению в нашей стране теории резонанса в химии, кибернетики и других «извращений».

После смерти Сталина, с приходом к власти Хрущева, Лысенко, по традиции, пригласили на пленум Центрального Комитета партии. Хрущев был ошарашен его выступлением; передавали, он сказал, что его радует, когда колхозник говорит языком ученого, но он не может понять, почему академик говорит подобно малограмотному мужику.

Казалось, что эра Лысенко кончилась. В «Правде» появились статьи, разоблачающие «мичуринскую биологию», аргументированно было показано, что «экспериментальные доказательства» превращения одного биологического вида в другой, например, сосны в ель, являлось элементарным жульничеством — ветка ели была аккуратно приделана к сосне. Высказывания и работы Лысенко и его сотрудников

повсюду свободно критиковались, и всем стала ясна их несостоятельность.

Это просветление, однако, продолжалось недолго. Лысенко каким-то таинственным образом удалось воздействовать и на Хрущева, мичуринская биология снова оказалась вне критики. До самой смерти Лысенко она продолжала подавлять разумные идеи и исследования.

В 1961–1962 годах мировую сенсацию произвело открытие американцами генетического кода. И тогда заявление президента Кеннеди о том, что «русские догнали нас в области физики, но безнадежно отстали в биологии», произвело ошеломляющее впечатление на партийное руководство, и оно приняло, наконец, меры к развитию в нашей стране молекулярной биологии, никак не согласующейся с мичуринским учением.

Я пытался понять тайну могущества Лысенко. Мне пришлось видеть его дважды. Первый раз меня вытащил из-за стола мой 12-летний сын с криком: «Папа, посмотри, что это за сумасшедший говорит по телевизору!» Выступал Лысенко, его бессвязная, хрипкая речь напоминала мне голос Гитлера, который я слышал по радио перед войной.

Второй раз это было, когда при Академии наук был создан Научный совет по молекулярной биологии, в который включили и меня. На заседании президиума Академии, посвященном этому вопросу, председатель совета академик В. А. Энгельгардт в корректных тонах, стараясь не задевать заинтересованных лиц, рассказал о сенсационных открытиях в современной биологии и, в частности, генетике и подчеркнул необходимость изучать нуклеиновые кислоты и вообще молекулярную биологию.

Президент Академии М. В. Келдыш открыл дискуссию. Выступавшие открыто поддержали Энгельгардта, критиковали состояние биологии в нашей стране и подавление современных исследований; отсутствие сведений о современной биологии и генетике в программах высшей и средней школ и т. п. Особенно резко выступил академик И. Т. Кнуньянц, химик: эмоционально, с жаром, он сказал: «Я беру Большую советскую энциклопедию и нахожу слово “ген”. Что же я читаю? Оказывается это мифическое понятие, противоречащее науке. Вы понимаете, “мифическое”! Чему учат в школе — дарвинизму и всякой чепухе, а не современной биологии!»

Тут поднял руку Лысенко и своим хриплым голосом, сверля глазами зал, заявил, что это заседание настолько важное, что необходимо поместить стенографический отчет о нем в центральных газетах, именно стенографический. По своей naивности я не понял смысла этого выступления. Однако, выхо-

дя из зала, я столкнулся со знакомой корреспонденткой «Вестника Академии наук СССР». Когда на ее вопрос я ответил, что не понял Лысенко, она сказала: «Как же вы не поняли — напечатают в “Правде”, что дарвинизм — это чепуха, и он всю Академию наук разгонит».

Такова была природная хитрость и сила этого малограмотного академика. Полнейшая неосведомленность его в основах науки иллюстрируется следующим эпизодом, рассказанным мне нашим авторитетом в области молекулярной биологии, академиком А. Н. Белозерским.

Слыша о новейших открытиях важнейшей роли нуклеиновых кислот в жизнедеятельности, Лысенко понял, что полностью отрицать их существование уже невозможно. Он попросил Белозерского рассказать о них в возглавляемом им Институте общей генетики. После двухчасового элементарного сообщения Белозерского все молчали, ожидая, что скажет *сам*. «Сам» поднялся и сказал: «Ну что ж, если химики считают, что нуклеиновые кислоты существуют, пусть они их и изучают. Кстати, Андрей Николаевич, покажите мне эту, как ее, дезоксирибонуклеиновую кислоту». Последние слова, хорошо знакомые каждому научному работнику, он произнес с трудом и прерываясь. На предложение Белозерского прийти к нему в лабораторию, где он ему все покажет и расскажет, Лысенко ответил: «Нет, вы ее мне *в банке* пришлите».

Когда в Институт генетики пришла сотрудница Белозерского с пробиркой, содержащей ДНК, Лысенко взял ее, повертел пробирку в руках и, не скрывая своего удивления, спросил: «Так это она и есть, эта самая дез...окси...рибо...нуклеиновая кислота?» «Ну да, это она и есть». «Так почему же она не жидкая?»

Небывалое возвеличение Лысенко породило у нас немало всевозможных «новаторов», как правило, поддержанных большевистскими властями. Вскоре после войны, когда отношения с союзниками еще не охладились, большой шум произвел, к примеру, противораковый препарат «КР», предложенный гистологом Григорием Роскиным и микробиологом Ниной Клюевой.

Профессор Г. И. Роскин недавно женился на Н. Г. Клюевой. Он еще до войны обнаружил, что в экспериментальных опухолях мышей накапливаются южно-американские простейшие вида *Trypanosoma cruzi*. В связи с появившимися в то время антибиотиками предприимчивой Клюевой пришла идея выделить из этих трипаносом противораковый антибиотик.

Испытав приготовленный препарат на мышах, авторы получили обнадеживающие результаты, указывающие на рас-

сасывание экспериментальных опухолей. Их доклад на президиуме Академии медицинских наук был широко разрекламирован прессой.

К этому известию живой интерес проявили американцы и посол США Уоллтер Беддел Смит. Бывший начальник штаба союзных войск во второй мировой войне явился к Ключевой с предложением о совместной разработке этой проблемы, поскольку в борьбе против рака заинтересовано все человечество. Ошеломленная Ключева, зная наши порядки, сейчас же обратилась к ректору Института усовершенствования врачей, где она работала, и в Министерство здравоохранения и с их разрешения, скрывая убожество своей кафедры, приняла посла в кабинете ректора.

Далее события развивались следующим образом. Министр здравоохранения Г. А. Митерев с разрешения ЦК, которое, как всегда, давалось только устно, стал готовить соглашение о совместных исследованиях с США. Однако, когда дело дошло до Сталина, вождь возмутился, как это наши достижения отдают американцам, вследствие чего министра освободили от должности, а начальника противоракового отдела министерства и его сотрудников, занятых подготовкой соглашения, арестовали. Ученого секретаря Академии медицинских наук В. В. Парина, отвезшего в США книгу Роскина и Ключевой «Биотерапия опухолей», репрессировали и приговорили как американского шпиона к 15-летнему тюремному заключению.

За сим последовал «Суд чести». В отсутствии бдительности и патриотизма обвиняли Митерева и Роскина. Ключева почему-то, вероятно, как более «патриотичная», не присутствовала на этой инсценировке... Характерно, что одним из обвинений Роскину было то, что он принял в подарок от иностранца самопишущую ручку.

Далее Ключева, в отсутствие кого-либо из ученых, сделала доклад на заседании Политбюро, вследствие чего был создан для нее специальный засекреченный и тщательно охраняемый институт, и целому ряду министерств дали задание обеспечить его современным оборудованием. (Со временем из-за отсутствия результатов этот институт был закрыт и на его базе организован академический институт онкологии.)

Все работы по раку были засекречены и находились на особом учете. Был издан указ, согласно которому нельзя было публиковать или докладывать исследования, которые *не полностью завершены*. Так как было не ясно, что значит «не полностью завершены», это вызвало панику, и многие уже назначенные научные заседания и совещания были сорваны.

Ажиотаж вокруг проблемы рака и трудность этой проблемы стимулировали «приток» других «новаторов». Работая в Государственном онкологическом институте им. П. А. Герцена, мне приходилось получать на отзыв многочисленные предложения по терапии и диагностике рака. Предлагали лечить рак клюквой, березовыми грибами, почками растений — всего не упомнишь.

Однажды к директору нашего института профессору А. И. Савицкому явился «новатор» и обратился с просьбой апробировать его метод лечения, заключающийся в одевании больных в радиоактивное белье. Директор, естественно, не согласился с гостем и бесцеремонно выпроводил его из Института. После этого он был вызван в Министерство здравоохранения и, получив там взбучку, разыскал «новатора» и униженно просил его испытать его метод в клинике Института.

Среди большинства необоснованных малограмотных предложений, как правило, засекреченных, некоторые выглядели наукообразно. Вспоминается способ диагностики рака, заявленный кристаллографом, членом-корреспондентом Академии наук СССР Г. Б. Бокием.

Этот ученый, далекий от медицины и биологии, с помощью поляриметра нашел, что у 10 больных раком угол вращения плоскости поляризации сыворотки крови был иным, чем у 10 нормальных доноров. На этом основании он предложил диагностировать рак. Получив под грифом «секретно» это предложение, одобренное Ученым советом Института... кристаллографии (!), я дал отрицательный отзыв, поскольку в крови имеется множество оптически активных компонентов, концентрация которых постоянно меняется от различных причин; позже я узнал, что такой же отзыв написал и мой отец.

Несмотря на это, «метод Бокия» был испытан в клиниках и якобы дал блестящие результаты. Позже, однако, было созвано секретное совещание, которое пришло к заключению, что метод хорош, но имеющиеся поляриметры с точностью до $0,1^\circ$ недостаточны, и необходима более высокая точность, до $0,01^\circ$. Так как такие поляриметры производятся только голландской фирмой «Хенш и Шмидт», нескольким министерствам было дано задание изготовить их в нашей стране. Со временем, наконец, выяснилось, что сам метод не дает никаких результатов.

Можно привести еще немало примеров партийно-государственной поддержки фанатиков-шарлатанов, как, например, старого большевика О. Б. Лепешинской, отрицавшей клеточную теорию, или Бошьяна, наблюдавшего «самопроизвольное зарождение» живых организмов.

Отмечу только «открытие» М. И. Волского. Михаил Иванович Волский, профессор Технологического института в г. Горьком (Нижнем Новгороде), сделал «великое открытие», согласно которому при инкубации куриных яиц содержание азота в них повышалось, т. е. они усваивали азот из воздуха. Грубо проведенные опыты были неубедительны для специалистов, и эти работы отвергались научными журналами.

В 1948 году Волский опубликовал их в виде монографии, выпущенной в Горьком. Продолжая опыты вместе со своим сыном, Евгением Михайловичем, он заявил свои результаты как открытие, существенным аргументом которого было то, что азот воздуха сможет служить источником питания для космонавтов.

В 1970 г. президиумом Академии наук СССР мне было поручено экспериментально проверить данные Волских. Все пробы зашифровывались, и ключ к шифрам печатывался до обработки результатов. По завершении экспериментов оказалось, что никакого усвоения азота не имело места. Несмотря на это, авторы, поддерживаемые Горьковским обкомом, продолжали бомбардировать высокие инстанции, а при Горьковском университете им была создана специальная лаборатория со штатом более 50 сотрудников.

Непродуманные волевые решения партийных руководителей принесли неисчислимый вред не только науке. Даже после смерти Сталина, несмотря на неэффективность колхозов и совхозов, всячески продолжали душить частные приусадебные хозяйства, непомерные налоги привели к почти полному отсутствию в них скота и вырубке фруктовых деревьев.

Во время визита в США на Хрущева произвела сильное впечатление урожайность кукурузных полей, и он потребовал, чтобы у нас повсюду выращивали эту культуру. Все хозяйства обязаны были засеивать маисом не менее трети пахоты и отдавать под нее лучшие земли. Если на юге страны кукуруза более или менее вызревала, то на большей части территории Советского Союза она давала лишь ничтожные побеги, которые полностью подавлялись сорняками.

Так, в течение почти 20 лет мне приходилось наблюдать поля в Калининской (Тверской) области, где находилась наша дача. Лишь в одно, необычно жаркое лето кукуруза выросла там почти до метра, не дав плодов. Все остальные годы на полях, засеянных ею, росли только сорняки, и ростков кукурузы даже не было видно.

Помню, как-то мы с сыном поехали в соседнюю деревню к знакомому крестьянину Петру Гавриловичу. По дороге

на охоту я обратил внимание на пригорок, засеянный овсом, который рос плохо и редко. «Что это овес здесь такой плохой?» — спрашиваю я Петра Гавриловича. «А он завсегда такой, — отвечает он, — его и не убирают, трактор здесь не пройдет, а вручную убирать некому». Удивленный, я спрашиваю: «А зачем же тогда сеют?» Петр Гаврилович смотрит на меня как на идиота: «Как зачем, а план?»

Идем дальше, на обочине дороги лежит почерневшая, обугленная куча. «А это что?» «Это лен жгли, вывезти не успели, приезжал заместитель, приказал сжечь. Ну облили его бензином, подожгли, а он сырой был, не догорел».

Такова была жизнь во время «развитого социализма». Лишь Горбачев открыто заявил о нашей отсталости и застое. Но он же выдвинул и лозунги «ускорения» и «технического прогресса», а затем «демократизации» и «перестройки». Эти взаимоисключающие призывы, при неумелом руководстве, привели и к краху коммунистической советской системы, и неизбежной, при непродуманной смене уклада, деградации хозяйства.

Глава 11

ТРАВЛЯ КОСМОПОЛИТОВ

В послевоенный период «холодной войны» новая волна арестов и репрессий захлестнула страну. Сразу после революции террор был направлен против помещиков и буржуазии, всего того, что было связано со старым режимом. В конце 20-х годов он сменился преследованием интеллигенции, особенно инженеров, которых обвиняли во «вредительстве». Начало 30-х годов ознаменовалось «сплошной коллективизацией» и «ликвидацией кулачества как класса», а на деле уничтожением всего трудового крестьянства. Далее последовало истребление старых партийных и военных кадров, отлично знавших, что собой представляет Сталин, до войны были уничтожены многие миллионы лучших представителей народа.

Теперь, после войны, репрессии были направлены против наших сограждан, вернувшихся из немецкого плена, а затем и против «космополитов», прежде всего еврейского происхождения, которых обвиняли в «еврейском национализме» и «международном сионизме».

Этому предшествовала депортация в конце войны многих народов с мест их постоянного проживания за якобы сотрудничество с немцами. В 24 часа с крайней жестокостью были высланы, включая женщин, детей и стариков, в неудобные и

непривычные для них районы Сибири и Средней Азии ни в чем не повинные калмыки, чеченцы, ингуши, кабардинцы, черкесы — несколько миллионов человек. (Немцы были высланы в начале войны, а крымские татары — в конце).

Таким образом, был нарушен один из основных принципов коммунизма — равенство всех рас и наций. Граждан страны теперь различали не столько по социальному происхождению, сколько по национальности. Репрессии против целых народов привели к роковым последствиям, резко обострив национальные противоречия внутри страны.

Расовая теория фашизма, массовое уничтожение евреев немцами, концентрационные лагеря на пути Красной Армии — все это, как ни странно, способствовало принятию антисемитизма в качестве партийно-государственной доктрины. Она проводилась под флагом «пролетарского интернационализма», печать была полна выпадов против «космополитизма» и «сионизма».

В этих грехах обвинили многих писателей, особенно литературных и театральных критиков и других деятелей искусства, им вменялось в вину, что они якобы избирательно старались опорочить истинно русских литераторов и артистов, их изгоняли из творческих союзов, всячески притесняли и даже арестовывали. Всем известна, например, оголтелая кампания против лауреата Нобелевской премии поэта Бориса Пастернака.

Во всех учреждениях, особенно в министерствах, руководящих организациях, научных институтах и учебных заведениях, специальные комиссии отсеивали неугодных по национальному происхождению сотрудников как «не соответствующих по деловым и политическим качествам» и оставляли их без работы и средств к существованию.

В связи с этим мне вспоминается приказ министра здравоохранения СССР Е. И. Смирнова, зачитанный на Ученом совете Онкологического института, согласно которому с должности директора Института полиомиелита был снят профессор М. П. Чумаков за то, что он принял на работу лиц, уволенных из других учреждений как «не соответствующих по своим деловым и политическим качествам». Следовал список 15 еврейских фамилий и только одной русской, вероятно, для разбавления. Эти сотрудники, согласно приказу, освобожились от работы, а директору, кроме того, был объявлен выговор.

Весьма демонстративен с этой точки зрения и известный «процесс врачей» в конце 1952 года, преимущественно евреев, которых обвиняли в попытках умертвить Сталина.

Теперь для евреев, рассеянных по всему СССР, готовилась такая же высылка, как и постигшая народы, обвинявшиеся в сотрудничестве с немецкими оккупантами, на этот раз в Еврейскую автономную область — Биробиджан, и только смерть Сталина воспрепятствовала этому.

Я узнал о своем еврейском происхождении только в возрасте 15 лет. Родители мои, атеисты, заключившие гражданский брак, соблюдали русские обычаи, и я ничем не отделял себя от русских. Если бы я чувствовал себя евреем, я мог бы солидаризоваться с еврейским народом и мне было бы легче переносить эти незаконные преследования.

В любой момент я мог ожидать всяких неприятностей и даже ареста. Мой отец относился к этой ситуации спокойнее, считая, что он защищен от нее своим положением в обществе.

Начались повальные аресты, главным образом евреев, особенно занимавших видные посты и пользующихся известностью. В их числе был арестован известный биохимик, академик Яков Оскарович (Якуб Оскар) Парнас. Он не смог перенести неожиданного удара и в первый же день ареста умер от сердечного приступа.

Парнас был профессором биохимии во Львове и приобрел мировую известность своими классическими исследованиями по гликолизу. После подписания пакта Молотова-Риббентропа и оккупации Польши его перевезли в Москву и осыпали благами и почестями. Сразу же его сделали академиком и директором Института биологической и медицинской химии. Совершенно не приспособленный к советским условиям, он возомнил себя неприкосновенным авторитетом и свысока относился к советским ученым, в том числе и не уступавшим ему по своим научным заслугам. В своем кабинете он регулярно устраивал семинары, собирая на них московских биохимиков, и дирижировал, смешно коверкая русские слова с польским акцентом.

Через три-четыре года после войны он написал и опубликовал брошюру, в которой прокламировал преимущества черного, ржаного хлеба, как более богатого витаминами и минеральными веществами, над белым, пшеничным. В качестве одного из свидетельств этого преимущества он привел то, что в германо-французской войне 1871 года французы, которые ели пшеничный хлеб, потерпели поражение от немцев, питавшихся ржаным хлебом; это же обстоятельство сыграло важную роль в победе СССР над Германией в 1945 году, так как на этот раз немцы питались белым хлебом, а русские — черным.

Эта брошюра, публикация которой совпала с началом кампании против «космополитизма», подверглась уничтожающей

критике, согласно которой победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов была обусловлена великими преимуществами советского социалистического строя, а отнюдь не составом пищи. После этого Парнаса арестовали, вероятно вспомнив и о его происхождении. Вскоре была арестована и физиолог, академик Лина Штерн, приехавшая из Швейцарии в 1918 году. Не избежал этой участи и прихвостень Лысенко профессор Презент, подводивший философскую базу под труды своего патрона. В связи с этими событиями в Москве говорили, что Парнас уже не гора, Штерн — не звезда, а Презент — не подарок.

В феврале 1952 года, когда я возвращался поездом из Улан-Батора, где мы бальзамировали тело монгольского диктатора Чойбалсана, Дебов, после телефонного разговора с Москвой, сообщил мне, что в Лаборатории при Мавзолее работает специальная комиссия ЦК КПСС, от которой можно ожидать всевозможных неприятностей.

Возвратившись в Москву, мы поняли, что эти опасения были не напрасными. В Лаборатории царило подавленное настроение. Комиссия, по-видимому, получившая определенную установку, нашла грубые нарушения режима, несоблюдение секретности, допуск в Лабораторию посторонних лиц, засоренность кадров сотрудниками, «не соответствующими по деловым и политическим качествам» и т. п.

В марте Мардашев направил меня в Ленинград для закупки резиновых бинтов, применяемых нами для предохранения тела Ленина от вытекания бальзамирующей жидкости. Как я уже писал, в мое отсутствие, 27 марта 1952 года, был арестован мой отец, а на следующий день меня отчислили из Лаборатории и Мавзолея, формально — «как совместителя».

Начался тяжелейший период для нашей семьи. Большинство знакомых избегали меня, многие, случайно встретив, переходили на другую сторону улицы.

Вскоре меня постиг еще один удар. В Онкологический институт имени П. А. Герцена, где я заведовал биохимической лабораторией, пришла комиссия Министерства здравоохранения для проверки соответствия кадров по их «деловым и политическим качествам». После собеседования со мной мне объявили, что я утвержден комиссией и, уходя к себе, я услышал, как председатель ее сказал, что кадры, мол, есть, да не те.

Через несколько дней я был вызван в Министерство здравоохранения РСФСР к начальнику отдела кадров Б. Н. Казакову. Сочувственным тоном он объявил мне, что должен освободить меня от работы в Институте как не утвержденного

комиссией. На мое замечание, что комиссия объявила мне обратное, и на просьбу о предоставлении какой-либо другой работы он ответил, что ценит мою высокую квалификацию, но, к сожалению, ничем помочь мне не может.

Все наше общество теперь состояло из палачей и жертв. Однако первая категория подразделялась на тех, кто делает гадости с удовольствием, и тех, кто выполняет их с отвращением. С этой точки зрения Казакова можно было считать порядочным человеком.

Помимо морального унижения, имея двух маленьких детей, я испытывал серьезные материальные трудности; нищенской зарплаты моей жены, преподававшей биологию в медицинском училище, не хватало даже на самое скромное пропитание. Все попытки найти какую-нибудь работу, хоть в провинции, хоть рабочим, хоть дворником, кончались неудачей.

Я продавал вещи и книги, если автором книги был я или мой отец, букинистические магазины не принимали их. Мои научные работы, сданные в печать, не издавали, а ссылки на мои публикации вычеркивали из статей моих сотрудников и других авторов.

В этой гнетущей обстановке я мог ожидать ареста каждый день. Однажды в 3 часа ночи раздался звонок в дверь. Я приготовился к самому худшему. Ситуация, однако, оказалась трагикомической. За дверью, еле держась на ногах, стоял пьяный сосед Цыганов и заплетающимся языком приглашал меня составить ему компанию.

Поведение моих друзей и знакомых резко изменилось в связи с навалившимися на нас злоключениями. Один из них, услышав по телефону, что у меня неприятности на работе, резко бросил трубку и исчез с горизонта. Большинство прервало всякие отношения со мной, и лишь немногие, как, например, Юра Смирнов, продолжали сочувственно встречаться. Мой школьный товарищ, Богдан Хачатурянц, с которым я виделся сравнительно редко, по своей инициативе помог мне морально и материально. Поистине друзья познаются в несчастье, и их поведение в этих условиях не соответствовало моим прежним представлениям о них.

Отец оставался в заключении почти два года. Его освободили только 30 декабря 1953 г., т. е. почти через 8 месяцев после смерти Сталина. Все это время у нас не было никаких сведений о нем.

Недавно мне удалось познакомиться с его делом. Это 8 томов бесконечных допросов. Одно обвинение следует за другим. Будучи членом Учредительного собрания, он описал в

В.И. Ленин, И.В. Сталин
и М.И. Калинин
на VIII съезде РКП(б).
Март 1919 г.

Такого Ленина скрывали
от всех и только после
бальзамирования
он приобрел хрестоматийный вид

У гроба В.И.Ленина

Прощание с В.И.Лениным

П.И. Карузин, профессор анатомии

Б.И. Збарский в химической лаборатории
во время учебы в Швейцарии

Профессор В.П. Воробьев (в центре) в анатомическом театре

Комиссия по увековечению
памяти В.И. Ленина. 1924 г.
Третий слева в первом ряду
Б.И.Збарский

Бальзамировщики В.И.Ленина.
Слева направо:
Я.Г.Замковский, Б.И.Збарский,
В.П. Воробьев, А.Л.Шабаш,
А.Н. Журавлев. 1924 г.

Торжественные похороны В.И. Ленина на Красной площади. 27 января 1924 г.

Первый временный мавзолей

Тюмень, бывшее реальное училище.
В этом здании находилось тело В.И. Ленина во время войны

←

На трибуне деревянного мавзолея: К.Е. Ворошилов, И.В. Сталин, Н.И. Бухарин
И.В. Сталин перед новым, гранитным мавзолеем.
На снимке замазаны лица «врагов народа»

Слева направо: Р.Д. Синельников, Н.Н.Бурденко, А.И. Абрикосов, Б.И. Збарский,
А.Д.Сперанский, С.Р. Мардашев, И.Б. Збарский. Тюмень, июнь 1942 г.

Правительственная комиссия по наблюдению за телом В.И. Ленина.
Справа от председателя Б.И. Збарский. Тюмень, декабрь 1943 г.

Новый саркофаг

В Лаборатории при Мавзолее. Сидят, слева направо: С.Р. Мардашев,
Б.И. Збарский, Ш. Сент-Дьерди, М.И. Любимова, В.А. Энгельгардт.
Стоят: И.Б. Збарский, Н.Н. Демин, М.А. Барон. Москва, 1945 г.

→
В.И. Ленин и И.В. Сталин
в Мавзолее.
Единственная фотография,
обошедшая впоследствии весь
мир, которую удалось сделать
американскому журналисту
скрытой камерой
(съемка между 1953-м и 1961 гг.)

Похороны И.В. Сталина.
9 марта 1953 г.

Забальзамированное тело вьетнамского лидера Хо Ши Мина — один из источников существования Лаборатории при Мавзолее до 1991 г.

Научно-исследовательский и учебно-методический центр
биомедицинских технологий.
Лабораторный саркофаг — точная копия мавзольного

Специально оборудованное помещение для «дублеров Ильича»

Эксперименты с телами начались вскоре после смерти В.И.Ленина и продолжались до последнего времени

Эти забальзамированные тела находятся в лабораторных условиях почти 60 лет, подтверждая постоянную и успешную работу наших ученых

Опыты с телом, помещенным в бальзамирующий состав, — повседневная работа ученых
Для экспериментов не всегда нужно целиком человеческое тело, достаточно фрагментов
Тело в резервуаре со специальным раствором

Многолетние наработки ученых
нашли свое применение —
бальзамирование тел «новых
русских» и тех, кто пал жертвой
бандитских разборок

Чаще всего потребность в услугах бальзамировщиков Лаборатории
возникает в тех случаях, когда умерший покинул сей мир
с сильными повреждениями лица

В погребальную контору обращаются близкие покойного, как правило, умершего не своей смертью, с просьбой помочь похоронить «по-человечески»

В одном из музеев В.И. Ленина. 90-е годы

газете Елабужского уезда, от которого был избран, как собрание было разогнано большевиками. Его обвиняли в том, что он не изменил своих взглядов со времени пребывания в партии эсеров, что он немецкий шпион и состоит в преступных связях с «врагами народа», в том, что он «еврейский националист».

Находясь в Тюмени, отец написал книжку «Мавзолей Ленина», в которой он, естественно, коснулся вопросов бальзамирования вообще, в частности в древности, а также болезни и смерти Ленина. Брошюра была издана «Политиздатом» в 1944 году и выдержала еще два издания — в 1945 и 1946 годах. В числе обвинений фигурировало возмущение тем, что описание египетских мумий несовместимо с образом Ленина и порочит его. Главным же пунктом является то, что в первом издании был приведен снимок, сделанный в Колонном зале Дома Союзов, где у гроба Ленина стоит человек с бородкой, чрезвычайно похожий на Троцкого.

Согласно протоколу допроса, в оригинале фотографии на этом месте находится человек без бороды, значит, фотография, помещенная в книгу, ретуширована. В действительности это так и было, и в архиве бывшего Института Ленина я нашел оригинал снимка.

Отец отвечал, что снимки подбирал художник, а не он, и он виноват лишь в том, что не обратил внимания на это, тем более, что Троцкого тогда в Москве не было, он находился на лечении в Синопе, близ Сухума. Тем не менее это обстоятельство было поставлено отцу в вину.

Знакомясь с его делом, можно видеть, как после смерти Сталина злобно-безапелляционный стиль допросов постепенно сменяется менее жестким и даже почти корректным, как отпадают наиболее желтые притязания и остается лишь одно обвинение в том, что он «еврейский националист». Наконец, за отсутствием доказательств его вины, выносится постановление о его освобождении.

Выйдя на свободу, отец был истощен физически и подавлен морально. В заключении он перенес два инфаркта и 8 месяцев провел в тюремной больнице. Я настаивал на том, чтобы он восстановил свои силы в санатории, как это делали в такой ситуации другие потерпевшие. Однако он категорически отказался и стремился непременно работать. Его не вернули на работу в Мавзоле, и он продолжил свою деятельность, читая лекции на прежней кафедре биохимии 1-го Медицинского института в качестве второго профессора.

Здоровье его было глубоко подорвано. 7 октября 1954 года в перерыве между двумя часами лекции он почувствовал

сильные боли в области сердца... и скончался до приезда скорой помощи. Патолого-анатомическое вскрытие показало, что причиной смерти был тромбоз левой венечной артерии.

Даже после смерти Сталина мои отчаянные попытки найти какую-нибудь работу хотя бы на периферии кончались неудачей, без успеха я обращался в министерства здравоохранения, просвещения, пищевой промышленности и всюду получал отказ.

Все эти обращения были крайне унизительны. Приема у министра или его заместителя приходилось ожидать часами. Министр здравоохранения РСФСР Степанов грубо отказал мне, мотивируя это тем, что я не врач. Когда я заметил, что, например, Пастер тоже не был врачом, он стал кричать на меня, как я смею сравнивать себя с Пастером, и выгнал меня из кабинета.

Осенью 1953 года одна наша знакомая, работавшая в Министерстве здравоохранения СССР, под большим секретом сказала мне, что принято решение восстановить меня на работе и посоветовала обратиться к заместителю министра, ведавшему кадрами, А. З. Белоусову. Так как Белоусова я знал лично и прежде не раз играл с ним в теннис, то надеялся на его благожелательное отношение. Приема у него я прождал часов 6, но визит мой оказался безрезультатным. Причину я узнал позже: он не восстанавливал на работе, даже когда должен был это делать, не получив взятки. Дать взятку у меня не было возможности, и пришлось ждать еще два долгих месяца, прежде чем заместитель директора Онкологического института, В. В. Городилова, не сообщила мне, что я восстановлен на работе.

Глава 12

СОБЫТИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Когда я работал в Онкологическом институте, у меня были ограниченные возможности вести научную работу. В 1954–1955 годах обстановка существенно изменилась, и я получил сразу несколько предложений о дальнейшей работе, одним из них было заведование кафедрой биохимии Медицинского института в Калинин (Твери). Институт этот переехал из Ленинграда, и кафедре продолжал возглавлять профессор С. Е. Манойлов, который, однако, решил возвратиться в родной город, и, по его предложению, я подал на конкурс.

Тем временем в связи с отъездом Ильи Ильича Иванова в Ленинград освободилось место заведующего биохимической

лабораторией в закрытом Институте биофизики Министерства здравоохранения СССР, и директор этого института А. В. Лебединский предложил мне занять эту должность.

Кроме меня на это место претендовали еще три человека. На ученом совете я получил подавляющее большинство голосов и, полагая, что прошел по конкурсу, я отказался от кафедры в Калининне, чем рассердил руководство этого медицинского института. Однако начальник специального отдела Министерства здравоохранения, которому подчинялся Институт биофизики, А. И. Бурназян отвел мою кандидатуру и назначил заведующим лабораторией Н. Н. Демина, не получившего ни одного голоса.

В этот период С. Р. Мардашев, занимавший должность директора Лаборатории при Мавзолее, предложил мне вернуться на прежнее место работы в качестве его заместителя и одновременно занять должность второго профессора кафедры биохимии 1-го Московского медицинского института. Подумав, я принял его предложение, но министр здравоохранения сталинской закалки, М. Д. Ковригина, не дала на это согласия, и мне пришлось испытать еще одно унижение.

Инерция сталинской системы была столь сильна, что и через три года после его смерти она продолжала господствовать.

Получив эти отказы, я согласился на работу по совместительству в Лаборатории анизотропных структур при АН СССР. В этой своеобразной лаборатории, помещавшейся в бывшей церкви, я проработал менее года, но она сыграла некоторую роль в моей реабилитации после тяжелых лет жизни. Лаборатория представляла собой весьма необычное учреждение. Заведовал ей некто Андрей Константинович Буров, архитектор по образованию и по специальности. Странное название Лаборатории объясняется тем, что Буров предложил производить и использовать для многих конструкций стекловолоконистые материалы, названные им «анизотропными структурами».

Однако там производились и биологические опыты на животных в связи с тем, что Буров предложил лечить рак ультразвуком. Я не берусь судить об «анизотропных структурах», но идея лечить рак ультразвуком мало отличалась от многих предложений «новаторов».

Лаборатория напоминала «семейную лавочку». Заместителем директора была Галина Дмитриевна Андреевская — невенчаная жена Бурова, и вся атмосфера там отличалась от обычной в научных институтах господством прихотей директора и его заместителя. Галина Дмитриевна сразу же стала

оказывать мне какое-то не только деловое внимание, что вызвало негодование Бурова и послужило причиной моего ухода отсюда через относительно короткое время.

Я продолжал работать в Онкологическом институте. В моей лаборатории в течение полутора лет в свободное время работал студент Медицинского института Георгий Павлович Георгиев. Хотя он успел проделать лишь несколько опытов по предложенной мною теме, я почувствовал, что это очень способный исследователь, и попросил директора Онкологического института зачислить его в аспирантуру. Директор А. Н. Новиков, бывший тюремный врач и кадровый чиновник министерства, категорически отказал мне, заявив, что окончивший медицинский институт (хотя Георгиев и был рекомендован в аспирантуру) должен отработать практическим врачом.

Тогда я попытался зачислить этого молодого исследователя в Лабораторию анизотропных структур, но ректор 1-го Медицинского института В. В. Кованов воспротивился под тем предлогом, что Георгиев рекомендован в аспирантуру Медицинского института, но никак не в Академию наук. Окончательное распределение зависело от отдела кадров Министерства здравоохранения, начальником которого был тот самый Б. Н. Казаков, который недавно «без удовольствия» снимал меня с работы. Я написал Казакову письмо с просьбой разрешить Георгиеву поступить на работу в руководимую мною группу в Лаборатории анизотропных структур, и неожиданно он удовлетворил мою просьбу.

Благодаря моему другу Г. Д. Смирнову, занимавшему пост заместителя директора Института морфологии животных им. А. Н. Северцова Академии наук СССР, я получил место заведующего лабораторией в этом институте. Так как мои исследования касались главным образом биохимических подходов к изучению клеточного ядра и других органелл клетки, это вновь созданное подразделение института получило название Лаборатории биохимии клеточных структур. Теперь были созданы условия работы в интересующем меня направлении, и я нисколько не жалел о том, что я более не связан с останками Ленина.

Мне удалось перевести Георгиева в свою лабораторию. Он проявил себя как выдающийся исследователь и очень скоро защитил кандидатскую, а затем, в возрасте 29 лет, и докторскую диссертацию. Очень скоро он возглавил лабораторию в Институте молекулярной биологии АН СССР, где провел ряд первоклассных исследований, занявших видное место в мировой науке. Несомненно, он является одним из наиболее вы-

дающихся ученых не только в своей области. Вскоре он, вполне заслуженно, что далеко не всегда бывает, был избран членом-корреспондентом, а затем и академиком АН СССР.

История академического Института биологии развития, куда я перешел на основную работу, характерна для ломки советской биологии в период господства Лысенко. До печальной памяти сессии Академии сельскохозяйственных наук 1948 года в Академии наук существовало два института, имевших мало общего между собой, а именно Институт гистологии, цитологии и эмбриологии, основанный Н. К. Кольцовым, и Институт эволюционной морфологии, возглавляемый академиком И. И. Шмальгаузенем. Их общей чертой было резко отрицательное отношение к «мичуринской биологии» и к Лысенко.

Этой общей чертой было достаточно для того, чтобы сформировать оба института, закрыть половину лабораторий, уволить часть сотрудников, а остатки объединить в Институт морфологии животных имени А. Н. Северцова (ИМЖ). Здание «кольцовского» института на Воронцовом поле, 6 вместе с соседним зданием биохимического института, где я когда-то жил, отдали Индийскому посольству, а объединенный институт поместили в школе, построенной по стандартному проекту; постепенно в Институт влили еще несколько лабораторий только из-за того, что не знали, куда их деть.

Новый район застроили, и понадобилась еще одна школа. Снова поступили нелепо: институту построили здание по стандартному школьному проекту на улице Вавилова, а здание, с трудом приспособленное под лаборатории и загаженное радиоактивными изотопами, отдали школе.

Естественно, образовавшийся конгломерат разъедали противоречия между экспериментальной частью бывшего кольцовского института и зоологической — Шмальгаузена. Разделить институт долгое время не удавалось, так как было запрещено создавать в Москве новые научные учреждения.

Только в 1967 году из него образовали Институт эволюционной морфологии и экологии животных и Институт биологии развития, которому впоследствии присвоили имя Н. К. Кольцова. В последнем я состою на основной работе до сих пор; но до конца 1959 года я продолжал по совместительству руководить лабораторией биохимии в Онкологическом институте.

В этот же период Сергей Евгеньевич Северин, мой учитель по биохимии еще в университете, предложил мне быть ученым секретарем создаваемого под его председательством Биохимического общества АН СССР. Организовать это общество

было необходимо, так как в 1961 году в Москве должен был состояться 5-й Международный биохимический конгресс. Под его же руководством я стал работать и ученым секретарем Отдела химии начинавшегося второго издания Большой медицинской энциклопедии (БМЭ).

Заместителем главного редактора БМЭ, заведующим редакцией и фактическим ее издателем был тогда Лев Яковлевич Брусиловский, уже немолодой, очень остроумный, всегда бодрый и веселый человек, хорошо известный в медицинских кругах. Во время первой мировой войны он был награжден 4-мя солдатскими Георгиевскими крестами — явление крайне редкое. Общение с ним было всегда приятным.

Работа в Институте морфологии животных Академии наук явилась новым этапом в моей научной деятельности. Здесь мне с моими молодыми сотрудниками благодаря нашей активности удалось достать современное по тем временам оборудование и реактивы. И мы уже на первых порах получили важные и интересные результаты, которые заняли видное место в мировой науке.

К ним можно отнести характеристику белков клеточного ядра, получение и изучение его нерастворимого остова (ядерного матрикса), выделение из ядра фракций рибонуклеиновой кислоты (РНК), являющихся предшественниками соответственно рибосомной и матричной РНК, и изучение их биосинтеза, выявление постоянства нуклеотидного состава как дезоксирибонуклеиновой, так и рибонуклеиновой кислот на всем протяжении развития тутового шелкопряда — от грены до взрослой бабочки.

Далее было установлено, что даже РНК шелкоотделительной железы, производящей практически один белок — фиброин шелка, не отличается по нуклеотидному составу от РНК других органов. Была выявлена связанная с ядрышком фракция дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК), являющаяся матрицей для синтеза рибосомной РНК, изолирована и биохимически охарактеризована ядерная оболочка нормальных и злокачественных клеток, обнаружены особенности белкового состава клеточных ядер и их фракций в раковых клетках и др.

В 1961 году я принимал активное участие в подготовке и проведении 5-го Международного биохимического конгресса. В частности, мне пришлось организовать синхронный перевод докладов и, совместно с Н. М. Сисакином, провести симпозиум по функциональной биохимии клеточных структур. Несмотря на ряд интересных новых результатов, доложенных на конгрессе, все мы находились под неустанным бди-

тельным оком КГБ и с опаской относились к контактам с иностранными коллегам.

Во время конгресса состоялось несколько приемов в иностранных посольствах; особенно запомнились мне приемы у посла США и во Французском посольстве. У американцев ко мне подходило немало людей, они представлялись, часто предлагали выпить «бёрбон» — американский виски, непринужденно вступали в разговор.

Конечно, перед этим приемом меня инструктировал и стращал представитель КГБ. В частности, он сказал, что американская разведка интересуется мной, и со мной будет пытаться завести отношения американский биохимик такой-то, брюнет, полный, небольшого роста, немного говорит по-русски.

Действительно, один из присутствующих заговорил со мной на ломаном русском языке и сказал, что очень интересуется моими работами, что хотел бы установить контакты со мной. Я насторожился и через несколько минут позволил себе спросить, как его зовут и откуда он. Каково же было мое облегчение, когда он с тем же акцентом ответил, что он профессор Гасанов из Баку.

Совсем иначе я чувствовал себя во Французском посольстве. Посол встречал всех проходящих, каждому пожимал руку, но когда я вошел и не увидел знакомых лиц, то почувствовал себя неловко, никто не проявил желаний заговорить со мной. Наконец, увидев знакомого мне профессора Лятарже, я поговорил с ним и посетовал, что ни с кем пока не смог завязать беседу. Тогда он представил меня нескольким французским ученым, и я сразу очутился в оживленном обществе. По-видимому, здесь не принято было заговаривать с незнакомыми, пока вас не представят.

В июне 1963 года, съездив в командировку в Дальние Зеленцы на берегу Баренцева моря, неподалеку от Мурманска, я провел интересную работу на яйцах морского ежа, находившихся в изобилии на морском дне. Солнце не садилось, круглые сутки было светло как днем, временами еще шел снег, природа поражала своей неповторимой красотой: тундра, птичьи базары, прибрежные скалы.

Тут мне рассказали, что когда недавно на Новой Земле было произведено испытание водородной бомбы, о чем, конечно, никого не предупредили, у местного метеоролога зашкалил счетчик радиоактивности. Он немедленно дал телеграмму в центр и получил ответ: «Не поднимайте паники». А вот на побережье Норвегии, где были произведены такие же наблюдения, население было немедленно эвакуировано.

Благодаря связям со многими научными учреждениями в разных концах страны я был во всех союзных республиках, ныне самостоятельных государствах, на Дальнем Востоке. Не удалось побывать только в Молдавии.

Глава 13

БАЛЬЗАМИРОВАНИЕ ТЕЛ ВОЖДЕЙ КОММУНИСТИЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ

Еще до переезда в новое здание Лабораторию при Мавзолее В. И. Ленина значительно модернизировали и увеличили число ее сотрудников. Этому особенно способствовало выделение крупных средств и штатов в соответствии с рекомендацией правительственной комиссии в юбилейном, 1970 году в связи со столетием со дня рождения Ленина. Было закуплено самое современное оборудование: центрифуги, электронные микроскопы, автоматические анализаторы аминокислотного состава, спектрофотометры и т.п., наблюдение за которыми вели специальные инженеры. Все это в 1976 году установили на прочных фундаментах в новом большом здании на улице Красина, 2.

Теперь Лаборатория представляла собой целый институт, включавший отделы анатомии, биохимии, гистологии, технического обслуживания и др. и превосходящий по своим возможностям другие научные институты столицы.

С расширением Лаборатории увеличился и диапазон ее деятельности не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Примеру «старшего брата» последовали и его сателлиты, возглавляемые коммунистическими правителями. Бальзамирование на длительное время уже перестало рассматриваться как привилегия только Советского Союза, произошла своего рода интернационализация этого дела; по крайней мере оно распространилось на «демократические» страны советского блока.

2 июля 1949 года в санатории больничного типа «Барвиха» под Москвой умер вождем болгарских коммунистов и видный деятель международного коммунистического движения, бывший глава Коминтерна Георгий Димитров. Он был легендарной личностью благодаря своему мужественному поведению на Лейпцигском процессе 1933 года, когда его и еще двух болгарских коммунистов судили за поджог Рейхстага. Его стойкость и аргументация фактами заставили фашистский суд оправдать обвиняемых.

Известен любопытный эпизод, когда Димитрова пытались опорочить, приведя заявление в суд одной дамы, которая ут-

верждала, что он соблазнил ее в поезде, назвавшись инженером. Димитров не стал отрицать этого происшествия, но сказал, что он «не импотент и не гомосексуалист, а настоящий мужчина», что вызвало всеобщий смех и одобрение.

В высоких сферах советского и болгарского руководств решено было забальзамировать тело Димитрова, и к нам обратились сразу же после его смерти. В Москве мы проделали предварительные операции, налив через сосуды формалин с различными добавками, а после вскрытия тело его было отправлено в столицу Болгарии — Софию.

Нас (моего отца, меня и нашего хозяйственника И. Д. Шестакова) также отправили в Софию в специальном поезде, везшем правительственную делегацию на похороны Димитрова. Гроб с телом покойного находился в отдельном вагоне, окна которого были затемнены, там было жарко и душно, пахло венками. Мы были без документов; на границах (румынской и болгарской) пограничники и таможенники в поезд не допускались.

Делегацию возглавлял К. Е. Ворошилов; в ее составе был известный марксистский философ, бывший посол в Китае П. Ф. Юдин. Нас отлично кормили вместе с членами делегации, и я помню увлекательный рассказ Юдина о том, как был убит Муссолини. Его отбил коммунистический партизанский отряд у другого, некоммунистического, и повез на казнь под видом того, чтобы спасти. «Спасли» его вместе с молодой любовницей. По дороге шофер сказал ему: «Ну, Бенито, тебе финита!» Муссолини сразу смяг и стал просить о пощаде. Наконец их обоих, его и любовницу, отвезли в укромное место и объявили о смертном приговоре Военного трибунала Комитета национального освобождения Северной Италии. Муссолини совсем пал духом и, ползая на коленях, просил о снисхождении. Любовница, напротив, держалась стойко и мужественно. Вероятно, трусость и потеря самообладания в критические моменты — общая черта жестоких тиранов.

В Киеве гроб с телом Димитрова вынесли на перрон. Никита Хрущев, тогда первый секретарь ЦК партии Украины, подошел к гробу и каким-то залихватским, как мне показалось, простонародным жестом сорвал с себя фуражку и наклонился над покойным. Несколько часов мы стояли в Бухаресте, в поезд подседа румынская делегация в составе председателя правительства — Петру Грозы, Анны Паукер и министра обороны Боднар-Аша. От них мы слышали рассказ об отречении молодого короля Михая и о том, что он чуть было не вступил в комсомол. Следующая остановка была ночью, на берегу Дуная. Поезд медленно перевозили на паро-

ме, на южном берегу величественной реки сказочно мерцали огоньки болгарского города Русе (Рушук).

Когда мы приехали в Софию, на центральной площади города, к нашему удивлению, уже стоял мавзолей, построенный в течение 3 дней по типу московского, с такими же трибунами, но только поменьше и белый.

Вначале нас поместили в лучшей гостинице Софии. Через день-два состоялись торжественные похороны Димитрова. На трибунах стояли правительственные делегации социалистических стран и вожди коммунистических партий почти всего мира: Морис Торез из Франции, Гарри Поллит из Англии, Луиджи Лонго из Италии и многие другие. После похорон тело Димитрова перенесли в мавзолей. Затем в здании Совета министров был устроен грандиозный прием и банкет, на который пригласили и нас.

Вскоре после торжественных похорон мы переехали в роскошное здание бывшего загородного дворца царя Бориса — «Враня», где были созданы условия для бальзамирования и ухода за телом. Нас внимательно опекали, изысканно кормили и ежедневно приносили целую батарею напитков, которыми было представлено все болгарское виноделие, от сухих вин до коньяка и сливовой ракии. Не имея возможности отведать все это разнообразие, мы ставили напитки в шкаф. Каждый раз, приходя в номер, официант спрашивал, принести ли еще; не зная языка, мы, желая ответить, что не нужно, покачивали головой в стороны. Тем не менее полный комплект вин приносили снова и снова. Недоразумение это выяснилось позже: оказывается, у болгар, так же как и у турок, наше покачивание «нет» понимается в смысле «да» и, напротив, наш кивок «да» означает «нет».

Получая все необходимое, мы не имели карманных денег на то, чтобы купить газету, постричься и т. п., что нас несколько угнетало — не будешь же обращаться к приставленному к нам комиссару Игнатову из-за каждой мелочи. Два дюжих парня из НКВД, охранявших Димитрова при жизни, были в лучшем положении — они получили изрядную сумму левов, находясь также на полном обеспечении, нам выдали деньги значительно позже — недели через две-три.

Работать пришлось вдвоем, моему отцу и мне, физически нам помогал Шестаков. Только дней через 10 приехали Мардашев, Усков и молодые сотрудники Лаборатории при Мавзоле — Субботин и Брауде.

В первые дни работа была особенно напряженной и тяжелой, стояла жара, не было кондиционеров и вентиляции; работать приходилось, задыхаясь от паров формалина,

по 10–12 часов ежедневно с большой физической нагрузкой, лишь после тщательной пропитки мы приступили к отработанной процедуре бальзамирования.

Когда самый тяжелый период работы миновал, у нас появилось время для прогулок по городу и для отдыха. Социализм в Болгарии только начинали строить и по сравнению с Москвой София выглядела по-европейски: публика была хорошо и модно одета, оставалось много частных магазинов, и рынок еще не успел оскудеть.

Процесс бальзамирования занял около трех месяцев, после чего тело перенесли в мавзолей и открыли доступ посетителей. Мы уехали в Москву, оставив в Софии двух молодых сотрудников и научив болгарского профессора анатомии и его помощника процедурам по сохранению трупа.

Болгары хотели щедро заплатить нам за проведенную работу. Однако советская сторона пресекла это намерение, объявив, что советское правительство сделало подарок народу Болгарии, нам оно, однако, ничего не заплатило.

Теперь под нашей эгидой был уже не один мавзолей, но два — в Москве и в Софии. Ни моему отцу, ни мне не пришлось снова инспектировать мавзолей в Софии, но сотрудники специальной лаборатории наезжали туда и проводили там необходимые процедуры. Тело Димитрова пролежало в мавзолее чуть больше 40 лет, а в июле 1990 года его вынесли и захоронили на протестантском кладбище в могиле его родителей.

Во время болезни отца, в 1952 году, главный врач кремлевской больницы Петр Иванович Егоров срочно вызвал меня и Мардашева в морг. В отдельной комнате морга на столе лежал труп крупного мужчины с монгольскими чертами лица. Нам не говорили, кто это. Перешептываясь с Мардашевым, мы отбросили версию о том, что это Мао Цзе-дун, так как в этом случае непременно присутствовал бы секретарь Сталина Поскребышев.

При нас труп и гроб тщательно обыскали сотрудники МГБ в штатском, затем патологоанатом, вскрыв труп, налил в аорту формалин со спиртом и осмотрел внутренние органы. Оказалось, что все тело покойного было обсеменено метастазами гипернефромы, и удаление первичной опухоли не могло спасти его. Стоявший рядом со мной будущей президент Академии медицинских наук хирург А. Н. Бакулев облегченно вздохнул и вполголоса сказал мне: «Слава Богу, а то я не знал, куда поеду отсюда, я его оперировал!» Такова была обстановка нарастающего террора в эти дни.

Нам сказали, что нужно будет сопровождать тело в далекие края и бальзамировать его. Лишь в последний момент мы

узнали, что это тело монгольского диктатора Чойбалсана и ехать нужно будет в столицу этой страны — Улан-Батор.

В тот же день С. Р. Мардашев, заменявший отца в качестве директора Лаборатории при Мавзолее, издал приказ, согласно которому сопровождать тело Чойбалсана в Улан-Батор и бальзамировать его там должна была группа в составе Б. Н. Ускова, С. С. Дебова и меня.

Улан-Батор в это время почти полностью состоял из юрт, среди которых бродили верблюды. Во всем городе было лишь несколько каменных зданий: Дом правительства с пристроенным к нему мавзолеем, сооруженным при жизни Чойбалсана напротив памятника прежнему вождю — Сухэ-Батору, университет, по своему облику похожий на обычную школу, театр, гостиница и, конечно, дом, скорее, дворец наследника Чойбалсана — Цеденбала. После разрушительной революции, уничтожившей почти все храмы, сохранились только своеобразные деревянные сооружения ламаистского храма и дворца Богдогыгена.

За две недели мы сделали все необходимое для длительного сохранения тела на неопределенно долгое время, открывая мавзолей на небольшой период для прощания с покойным и полагая, что нам придется задержаться для завершения начатой работы.

В Улан-Баторе нас кормили почти исключительно продуктами советского производства и постоянно поставляли армянский коньяк. После окончания первого, самого напряженного этапа работы, я был неожиданно вызван к самому Цеденбалу. Так как перед этим мы с Дебовым выпили бутылку коньяка, мне стоило немалых усилий собраться с мыслями и не выдать своего состояния.

Рядом с Цеденбалом сидел советский советник, который, по-видимому, и решал все основные вопросы. Ознакомившись с моим сообщением о бальзамировании и состоянии тела, Цеденбал сказал, что он удовлетворен проделанной нами работой, но что, учитывая сравнительно небольшое население страны (около 1 миллиона в то время), решено тело Чойбалсана замуровать в склепе, служащем усыпальницей Сухэ-Батора, а теперь также и Чойбалсана. Вероятно, это решение было принято или инициировано советскими властями, и мы уехали.

Дальнейшие события я описал выше. После работы в Лаборатории комиссии ЦК и командировки в Ленинград в мое отсутствие был арестован мой отец, на следующий день приказом Мардашева на основании распоряжения министра здравоохранения я был отчислен из Лаборатории при Мавзолее под благовидным предлогом «как совместитель».

5 марта 1953 года умер Сталин. Благодаря всеобъемлющему и обязательному политпросвещению и своеобразному сочетанию обожания и страха подавляющее большинство населения воспринимало Сталина как «отца и лучшего друга народов» и не представляло себе жизнь без него, люди искренне горевали и плакали.

Уже без моего отца, находившегося в заключении, и без меня Сталина бальзамировали Мардашев, Дебов, Усков, Авцын, Кузнецов и Кушко. Еще перед смертью вождя, когда состояние его было уже безнадежным, в Лаборатории при Мавзолее, по команде свыше, было приготовлено все для сохранения его тела. Мертвого Сталина привезли в Лабораторию через 2 часа после смерти, немедленно произвели вскрытие и фиксацию тканей для помещения тела в Колонном зале Дома Союзов, откуда через несколько дней его перевезли в Мавзолей, где в течение 3-х месяцев продолжали бальзамирование на длительный срок.

Сотрудники Лаборатории, ранее видевшие Сталина только на демонстрациях на Красной площади и на фотографиях, были поражены тем, что лицо его было сплошь изрыто оспой и покрыто пигментными пятнами. Пока шло бальзамирование, изготовили новый саркофаг, куда поместили тело Сталина рядом с телом Ленина, а на фронтоне усыпальницы появилась надпись «ЛЕНИН СТАЛИН».

Когда тело Сталина лежало в Колонном зале Дома Союзов, многочисленные делегации заводов и учреждений, а вместе с ними и неорганизованные толпы устремились проститься с вождем, и на улицах, особенно в центре города, сплошь заприженных народом, творилось что-то невообразимое.

Я не разделял всеобщего горя и надеялся, что после смерти Сталина тирания ослабнет, хотя бы потому, что диктатура группы вождей не может быть столь же жестокой, как деспотизм одного. Мы с женой вышли из дома и спустились по Цветному бульвару к Трубной площади. В этом месте, находящемся в углублении между возвышенностями, давка была невыносимой, окруженный со всех сторон спрессованными телами, я еле дышал и чувствовал, что вряд ли останусь жив; пробиваясь изо всех сил, мы еле добрались до дома.

Позже я узнал, что в этом столпотворении погибло много народа, толпу не могла рассеять конная милиция и даже несколько лошадей были задавлены насмерть. Таким образом, Сталин и после смерти погубил немало невинных людей,

После XX съезда партии культ личности Сталина был развенчан, но лишь в 1961 году, по решению XXII-го съезда, тело его вынесли из Мавзолея и захоронили у Кремлевской стены,

поставив ему памятник, как и другим наиболее выдающимся борцам за коммунизм. С тех пор в Мавзолее снова лежит только Ленин, и надпись «СТАЛИН» с фронтона удалена. С той поры остался анекдот: «Не в свой мавзолей не ложись!»

Таким образом, не всем забальзамированным трупам, превращенным в своего рода мощи, суждено было долгое посмертное существование. Такая же участь постигла и тело Клемента Готвальда, вождя чехословацкой коммунистической партии. Он простудился в Москве на торжественных похоронах Сталина, уехал в Прагу и, вслед за Сталиным, умер 14 марта 1953 года от воспаления легких. Забальзамированный советскими специалистами, он пролежал в усыпальнице лишь несколько лет. В 1956 году чехословацкое руководство объявило, что хранение его в мавзолее «не в традициях народа»; тело кремировали и урну перенесли в пантеон.

С другой стороны, тело Хо Ши Мина во Вьетнаме, по-видимому, обречено на сравнительно долгое существование. Старый одинокий вьетнамский вождь «дедушка Хо» тяжело болел, и, когда надежды на его выздоровление уже не осталось, по решению ЦК КПСС в Ханой была направлена группа советских специалистов под руководством С. С. Дебова.

Через 2 дня Хо Ши Мин умер в великий национальный праздник, День республики, 2 сентября 1969 года. Не желая объявлять этот день траурным, власти сообщили, что он скончался 3 числа и лишь через 20 лет назвали настоящую дату его смерти.

Необходимо было немедленно приступить к бальзамированию в предоставленном помещении военного госпиталя, из-за отсутствия оборудования и реактивов советские специалисты сочли это невозможным и настаивали на отправлении тела в Москву. Вьетнамское руководство в лице Ле-Зуана категорически возражало, считая, что народ не поймет этого, и пришлось срочно отправить из Москвы самолетами «Антей» все необходимое.

Вьетнамская война все более разгоралась, бомбардировка Ханоя угрожала разрушить местонахождение тела вождя, и в обстановке жесточайшей секретности, так как разведка у американцев работала хорошо, «объект» вывезли в запасной пункт, где уже был построен небольшой мавзолей, в джунглях близ Шантая, в 30 километрах от Ханоя.

Здесь, однако, дедушку Хо ожидала непредвиденная опасность, совсем рядом, в 2 километрах, американцы высадили вертолетный десант, предположительно в поисках пленных; пришлось тело снова перевозить и прятать саркофаг под землей, где из-за отсутствия охлаждающих установок тело обкладывали льдом. Из этого неудобного пункта его переместили

в большую пещеру под отвесной скалой, где велась работа и наблюдение за трупом до конца войны в мае 1975 года. Так как американцы бомбили все видимые пути, перевозки производили ночью, строя специальную дорогу, по которой ехал бронетранспортер с «объектом», а за ним следовала специальная установка, немедленно разрушавшая только что построенную дорогу.

По окончании войны саркофаг с телом снова поместили в первом мавзолее в лесу и лишь затем перевезли в постоянную усыпальницу на главной площади Бадинь в Ханое.

Тем временем в Ханое строили грандиозный мавзолей с расчетом закончить его к концу войны. Он действительно был готов в августе 1975 года. Это самый большой мавзолей в мире и самое высокое здание во вьетнамской столице, саркофаг с телом Хо Ши Мина помещается наверху в огромном белом зале, трибуны расположены ниже, а за мавзолеем простирается большой благоухающий сад, кругом цветы, наверху карликовые деревья.

В мавзолее работают мощные кондиционеры и во всем здании поддерживается температура +16°C. Так как снаружи обычно около +40°C, на стенах здания конденсируется влага и стена как бы «плачет».

Сотрудники Лаборатории при Мавзолее В. И. Ленина до сих пор регулярно наезжают в Ханой, хотя за телом постоянно наблюдают обученные ими вьетнамские специалисты.

Ангольский вождь Агостиньо Нето умер в Москве в сентябре 1979 года, тело его немедленно привезли в Лабораторию при Мавзолее, вскрыли, произвели предварительное временное бальзамирование и перевезли обратно, в кремлевскую больницу, где состоялось прощание с дипломатическим корпусом. Оттуда на правительственном ангольском «Боинге» его переправили в Луанду и на бронетранспортере доставили во Дворец народа, где он пролежал 7 дней для процедуры прощания с народом и с дипломатами.

Руководство ангольской партии труда обратилось в Политбюро ЦК КПСС с просьбой оказать помощь в длительном бальзамировании вождя, на что было дано согласие, и тело его было вновь секретно переправлено в Москву, в Лабораторию при Мавзолее Ленина.

Бальзамирование продолжалось около трех месяцев, причем пришлось встретиться с некоторыми трудностями; так, к примеру, не было разработано способа сохранения в прижизненном состоянии пигмента черной негритянской кожи, которая выцветала при хранении в бальзамирующей жидкости. Потребовалась специальная исследовательская работа,

чтобы разрешить эту проблему, что удалось путем применения антиоксидантов-липидов.

Нелегко было также подобрать условия для обозрения тела посетителями. При жизни Нето, врач по образованию, носил очки, и при обычном освещении в саркофаге зрелище имело причудливый вид: на фоне сияния черной флуоресцирующей кожи блестели стекла очков. Пришлось изготовить пластмассовые очки без стекол и освещать тело люстрами, расположенными вне саркофага.

Теперь труп ангольского вождя был снова отправлен в Луанду и из аэропорта на бронетранспортере перевезен во Дворец народа — бывший дворец португальского генерал-губернатора, на третьем этаже которого оборудовали лабораторию, куда поместили тело и продолжали работу по его сохранению. Однажды неизвестные злоумышленники перерубили кабель, подающий электроэнергию, остановились кондиционеры, и воздух нагрелся до температуры, представляющей опасность для хранения тела. Энергичный комиссар, приставленный к сотрудникам лаборатории, срочно привез мешки со льдом, экспроприованным им с завода, производящего мороженое.

Обычно труп вождя хранился в герметическом саркофаге и лишь раз в год, в день героя, выставлялся для обозрения — гроб с телом ставили на постамент, закрывая его стеклянными плитами, и освещали люстрами с подсветкой. Только вдова покойного могла видеть тело и в неуточное время.

Сразу же после смерти А. Нето приступили к сооружению мавзолея. По проекту он должен был находиться в основании огромной башни, которая должна была быть видна издали с моря. Закончить его планировали через год. Однако строительство затянулось на годы; в атмосфере коррупции работать не торопились, а мрамор и другие материалы расхищали на частные дома и виллы. Эта вечная стройка, начатая в 1980 году, так и не была завершена в 1989 году, и через 10 лет ее прекратили. Надо сказать, принимали участие в строительстве и советские рабочие.

Все это время шла гражданская война, и новый президент, Душ Сантуш, из этических соображений не жил во дворце, где находилось тело Нето, что вызывало недоумение народа и нареkania оппозиции. В декабре 1992 года я прочел в газете, что тело Агостиньо Нето пролежало в саркофаге в столичном Дворце народа под наблюдением российских специалистов более 13 лет и теперь принято решение о захоронении тела, исходя из пожелания семьи покойного. По слухам, могила А. Нето находится в саркофаге в недостроенном мавзолее на одной из центральных площадей Луанды.

Еще одно бальзамирование негритянского вождя было проведено в 1985 году, когда на американском континенте умер первый президент Кооперативной республики Гайаны Линдон Форбс Бернхем. По просьбе правительства Гайаны в столицу Джорджтаун выехали сотрудники Лаборатории при Мавзолее во главе с Л. Д. Жеребцовым. Им удалось прибыть на место лишь через две недели после смерти Бернхема. До этого тело с помощью местного бальзамировщика хранилось в охлажденном контейнере, заполненном инертным газом.

Советские специалисты произвели фиксацию и первичную обработку тела, затем к ним присоединился Денисов-Никольский, который привез тело в контейнере через Кубу в Москву. Задача была непростой и необычной. Небольшая республика Гайана с населением около миллиона, находясь на американском континенте, была труднодоступна для постоянного наблюдения, труп долго лежал до начала бальзамирования и на нем появились признаки начинающегося разложения, на лице покойного имелись участки депигментации вследствие кожного заболевания.

Учитывая эти обстоятельства, впервые применили новый способ бальзамирования, разработанный в начале 80-х годов, не требующий постоянного ухода и допускавший ревизию раз в год. Несмотря на трудности и опасения, результаты были обнадеживающими, бальзамирование было очень удачным, удалось даже устранить светлые пятна и восстановить равномерную окраску лица и тела.

Тело Бернхема пролежало в Лаборатории почти год, пока в Джорджтауне строился мавзолей, и стали циркулировать слухи, что бальзамирование не удалось и в Лаборатории лежит не тело, а кукла президента. В связи с этим его выставили в посольстве Гайаны для обозрения дипломатическим корпусом и студентами из Гайаны. Затем, уже летом 1986 года, в специальной капсуле из органического стекла, изготовленной на авиазаводе, тело президента перевезли в Джорджтаун.

К годовщине смерти Бернхема одноэтажный мавзолей в виде креста, удачно спроектированный американским архитектором, был уже готов. Тело выглядело очень хорошо и некоторое время было выставлено в мавзолее, однако государственный департамент США, который оказывал экономическую помощь Гайане, заявил, что если тело будет лежать в мавзолее, то США, вероятно, опасаясь в Гайане большой советской колонии, прекратят финансовую помощь стране.

Вопрос этот обсуждался на заседании правительства, которое длилось всю ночь, и после долгих дискуссий возобно-

дали экономические интересы. После пышных торжественных похорон тело Бернхема было замуровано в мавзолее в уже готовом постаменте саркофага. Так как бальзамирование было удачным и тело захоронено в герметичной капсуле, вероятно, оно сохраняется там в неизменном виде.

После смерти диктатора Северной Кореи Ким Ир Сена в 1994 году по просьбе руководства этой страны бригада сотрудников Лаборатории во главе с заместителем Дебова Ю. И. Денисовым-Никольским ездила в Пхеньян, провела там работу по бальзамированию тела покойного вождя, и теперь, с 1995 года, оно сохраняется и доступно для обозрения в мавзолее в центре Пхеньяна. Таким образом, из трупов вождей, забальзамированных отечественными учеными, в настоящее время сохраняются и доступны для обозрения только три: Ленин, Хо Ши Мин и Ким Ир Сен.

После смерти вождя Гоминдана Сун Ят-сена китайцы, получив отказ советского правительства, которое считало сохранение тела Ленина уникальным, на просьбу помочь сохранить тело своего вождя сами обработали его, и оно хранится в мавзолее в Нанкине.

В 1976 году умер коммунистический диктатор Китая Мао Цзе-дун и, следуя традиции сохранять тела вождей, останки его были забальзамированы китайскими учеными и помещены в мавзолей на главной площади Пекина Тянь-Ань-Мын.

К сожалению, я не могу судить о том, как это сделано и в каких условиях хранятся тела китайских вождей, так как я не был в Нанкине, а когда посетил Пекин осенью 1989 года, доступ на площадь Тянь-Ань-Мын и в мавзолей был закрыт из-за известных студенческих волнений. По рассказам очевидцев, в мавзолее стоит большая статуя вождя. Тело Мао Цзе-дуна можно видеть лишь с одной стороны, с расстояния около 20 метров при слабом освещении, руки его спрятаны, и видна только голова. Предположительно, бальзамировать Мао Цзе-дуна помогали вьетнамцы, получившие некоторый опыт при сохранении тела Хо Ши Мина. По крайней мере говорят, что при этом был использован тот же стеклянный колпак, что и при похоронах Хо Ши Мина.

ЭПИЛОГ

Я проработал в Мавзолее 18 лет и знаю, что тело Ленина находится в хорошем состоянии, производя впечатление только что умершего человека, и может сохраняться неопределенно долго. Всевозможные сплетни и измышления о том, что

в Мавзолее вместо Ленина лежит восковая кукла, или что сохранились только лицо и руки, ни в коей мере не соответствуют действительности.

Такого рода безответственные заявления нередко проникают даже в печать. Так, популярная газета «Аргументы и факты» в номере 40 (573) за октябрь 1991 года поместила заметку без подписи, т. е. от редакции, в которой утверждает, что «во время эвакуации в Тюмень все тело вождя покрылось плесенью. Снять ее было поручено малоквалифицированному специалисту, который облил Ильича кипятком. Ошпаренное тело после этого начало пузыриться и резко подверглось разрушению, сохранить в хорошем состоянии удалось только руки и голову...» К сожалению, это не единственная публикация подобного рода. Такое грубое извращение фактов задевает мое профессиональное достоинство.

Такого рода заявления, как и захоронение подвергшихся бальзамированию тел Сталина, Готвальда, Димитрова и др., носят исключительно политический характер, к возможности сохранения трупов они не имеют никакого отношения. Проблема эта разрешена, и тела, забальзамированные по способу профессора В. П. Воробьева, могут сохраняться неопределенно долгое время, исчисляемое десятилетиями, если не столетиями.

Вся моя жизнь прошла в условиях «передового социалистического общества» и строительства «светлого будущего — коммунизма». На моих глазах безвинно погибли миллионы лучших людей России, были разрушены тысячи старинных церквей и других архитектурных сооружений, загажена прекрасная русская природа, подавлены лучшие чувства людей, расцвели ложь, угнетение и коррупция.

Хотя я и не сидел в тюрьме, необходимость изворачиваться и все время чувствовать страх быть уничтоженным, бесполезная и унижительная трата времени и сил на комсомольские и партийные собрания и политзанятия, постоянную «мобилизационную готовность» и т. п. изнурили меня и не оставляли сил и времени заниматься настоящим делом и наукой.

Прошло уже больше 10 лет с тех пор, как Горбачев начал процесс демократизации, приведший к краху коммунизма, державшегося только на насилии и обмане. Свобода личности и прессы, общение с внешним миром, отсутствие ограничений, принудительного промывания мозгов наконец позволили вздохнуть свободно.

Новой России, однако, пришлось познать и обратную сторону медали. На месте «железного занавеса», отделявшего Восток от Запада, возникла «золотая стена». Гиперинфляция

привела к обнищанию страны. Науку практически задушили, бюджет ее снизился в 20 раз. На оборудование и реактивы не отпускают никаких средств, и вести экспериментальную работу стало практически невозможно. Зарплата ученых стала нищенской. Наиболее способная молодежь уехала за границу или занялась коммерцией.

Прежде я регулярно ездил на научные симпозиумы за границу, и проезд, а иногда и вся командировка, оплачивались Академией наук. Правда, иногда эти поездки срывались из-за подозрительности начальства и по идеологическим причинам. Теперь же, при отсутствии этих препон, все зависит от финансовых возможностей, которых мы лишены.

Тем не менее, как бы трудно не приходилось, крах бесчеловечного и лживого режима коммунизма — великая радость, которая все оправдывает.

После неудавшегося путча и победы демократии в августе 1991 года разгорелись страсти вокруг дальнейшей судьбы останков Ленина. Президент Борис Ельцин отменил почетный караул у Мавзолея. Демократы, по инициативе бывшего мэра Петербурга А. Собчака, настаивали на захоронении Ленина на Волковом кладбище в Петербурге, где похоронены его мать и сестра, мотивируя это его волей и пожеланиями его вдовы, Надежды Константиновны Крупской. Эта идея была поддержана и православной церковью в лице патриарха Алексия II, объявившего, что пока Ленин не предан земле, его душа будет продолжать витать над страной, навлекая большие несчастья.

Коммунисты же возражали, указывая на отсутствие каких-либо письменных свидетельств о волеизъявлении Ленина и мотивировали сохранение его тела тем, что оно является святыней для масс русского народа.

Многие годы я отдал делу сохранения тела Ленина. В тяжелые 30-е годы благодаря этой работе я пользовался известными привилегиями и, по-видимому, был в какой-то мере защищен от массовых репрессий того времени. Несмотря на это, как гражданин России, я считаю, что сохранение тела Ленина является анахронизмом и не соответствует традициям цивилизованных народов. Действительно, в XX веке только в отношении абсолютных диктаторов стран, отстающих от западной цивилизации, применялось поклонение их трупам подобно мощам святых. Наша страна, если хочет считать себя цивилизованной, не должна поддерживать эту варварскую традицию, и тело Ленина следует похоронить по христианскому обычаю.

**ДОКУМЕНТЫ,
КАСАЮЩИЕСЯ БАЛЬЗАМИРОВАНИЯ
И СОХРАНЕНИЯ ТЕЛА ЛЕНИНА**

**1. Официальная информация, опубликованная в газетах
25 марта 1924 г.**

После смерти В. И. Ульянова (Ленина) тело его подвергнуто было бальзамированию обычным способом, имевшим целью временное его сохранение.

В настоящее время, идя навстречу пожеланиям широких масс Союза ССР и других стран — видеть облик покойного вождя, комиссия по похоронам В. И. Ульянова (Ленина) решила принять меры, имеющиеся в распоряжении современной науки, для возможно длительного сохранения тела.

Ввиду сказанного, комиссия поручила известному анатому, проф. Харьковского медицинского института В. П. Воробьеву немедленно приступить к бальзамированию, удовлетворяющему намеченной цели.

К означенной работе привлечены следующие лица: проф. П. И. Карузин (анатом), проф. Б. И. Збарский (биохимик), старший ассистент глазной клиники Я. Г. Замковский, прозектор анатомического театра А. Л. Шабаша и пом. прозектора А. Н. Журавлев.

Общее наблюдение за этими работами от имени комиссии поручено тт. Л. Б. Красину, проф. Б. С. Вейсброду и проф. В. Н. Розанову.

Доступ к осмотру тела В. И. Ульянова (Ленина) ввиду этого прекращается с 26-го сего марта до последующего извещения.

*Председатель комиссии ЦИК Союза ССР по похоронам
В. И. Ульянова (Ленина) Ф. Дзержинский.*

**2. Протокол освидетельствования тела тов. В. И. Ленина
от 26 марта 1924 г.**

Комиссия в составе: В. П. Воробьева, Б. И. Збарского, Б. С. Вейсброда, П. И. Карузина, А. П. Савельева, В. Н. Розанова, Я. Г. Замковского и А. Л. Шабаша тщательно обследовала тело Ленина и пришла к следующим выводам:

Общий вид кожных покровов головы желтоватого цвета, слегка землистого оттенка. Землистость более резко выражена в области глазницы, в покровах носа, в области обоих висков и области обеих ушных раковин; правая ушная раковина имеет более землистый оттенок, чем левая. Кожа на всем лице, за исключением мест, указанных ниже, гладка, плотна и имеет консистенцию воска (температура +2,5°R).

Кожа в области правых теменного и лобного бугров имеет пергаментобразный характер, бургриста и имеет цвет буроватого оттенка. Пятно это непрерывно переходит на левый лобный и левый теменной бугор, причем оттенок последнего менее резко выражен, нежели на правой стороне. Передние края этого, общего обеим сторонам, пятна доходят до надбровных дуг.

На месте распыла черепа заметно углубление кожи и наружных покровов, симметрично по обеим сторонам, шириной около 1 сантиметра; кожа в области этого углубления пигментирована.

Кончик носа, главным образом с нижней поверхности, а также крылья носа слегка пигментированы, имеют вид шагреня и истончены.

Верхние веки при надавливании легко продавливаются; со стороны яблока нет сопротивления. Кожа век, особенно нижних, резко землиста. Линия смыкания век неправильно изогнута. Левое нижнее веко, ниже нижнего края хряща, запало. Глазные щели слегка приоткрыты.

Расхождение верхней и нижней губы наблюдается на всем их протяжении, причем с левой стороны щель шире, нежели справа. На всем протяжении видны зубы. Расхождение губ в среднем около 4 мм и наибольшее (слева) — около 6 мм. Слизистая губы слегка пигментирована, подсохла, сморщилась. Углы губ расположены асимметрично, левый угол резко приподнят.

По нижнему краю нижней челюсти и при переходе на шею — большое количество складок. Обе ушные раковины усохли и слегка загнуты кпереди и кнутри.

Комиссия констатирует прогрессирующие посмертные изменения, усыхание и размягчение частей тела, резкое изменение окраски головы и кистей рук, голени по сравнению с данными осмотра, произведенного 10 марта.

На руках: на правой кисти, сжатой в кулак, — пятно розоватого цвета, закрывающее запястье и тыл пястной и 1-й и 2-й фаланг большого пальца. На первой фаланге указательного пальца пятно розоватого цвета, ноготь большого пальца синеваго-багрового цвета, часть левой кисти розовато-фиолетовая, ногти — синеватые.

На туловище — пятна землисто-багрового цвета; заметно размягчение участков бедер и частей голени.

3. Сообщение Комиссии по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина) от 13 июня 1924 г.

От Комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова-Ленина: В первую же ночь после смерти Владимира Ильича тело его было подвергнуто бальзамированию и вскрытию, результаты которого своевременно опубликованы в печати.

Бальзамирование было произведено профессором Московского университета А. И. Абрикосовым, которому была поставлена задача сохранить тело В. И. на ближайшее время до предания его земле.

Утром 23 января тело Владимира Ильича перевезено было в Москву и помещено в Колонном зале Дома Союзов.

Всем памятен день, когда при 28 градусах мороза люди простояли часами на улице, стремясь увидеть облик Владимира Ильича и запечатлеть черты любимого вождя.

26 января 1924 года последовало постановление II Съезда Советов Союза ССР о сохранении тела Владимира Ильича.

В течение трех суток беспрепятственно был открыт доступ в Дом Союзов, но срок этот оказался недостаточным для значительной части населения Москвы.

Затем правительством было принято решение не предавать тело Владимира Ильича земле, а поместить его в мавзолей и продлить доступ желающим.

Целый ряд рабочих организаций Москвы и приезжих делегаций союзных республик, многие из которых не имели возможности увидеть Владимира Ильича при жизни, беспрепятственно притекали на Красную площадь. В течение полутора месяцев было допущено в мавзолей более 100000 человек.

В этот же период поступил ряд писем и телеграмм от представителей иностранных организаций с просьбой дать возможность и им увидеть покойного.

Первоначальное бальзамирование имело целью сохранение тела на короткий срок, но время делало свое дело. В некоторых частях тела появилась пигментация, изменение цвета покровов, что указывало на начавшиеся процессы, могущие повлечь за собой дальнейшее сохранение тела. Ввиду этого комиссия ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова-Ленина устроила ряд совещаний со специалистами, вызванными из разных мест республики, для выяснения вопроса о возможности длительного сохранения тела Владимира Ильича без изменений.

В результате совещаний специалистов выяснилось, что для длительного сохранения тела необходимо новое специальное бальзамирование, которое поручено профессору анатомии Харьковского мед. института В. П. Воробьеву.

К новой бальзамировке приступили 26 марта, о чем своевременно появилось официальное сообщение.

4. Акт специальной экспертной комиссии по осмотру и приему тела В. И. Ленина после бальзамирования, выполненного профессором В. П. Воробьевым

Комиссия в составе Н. Ф. Мельникова-Разведенкова (Краснодар), В. Н. Тонкова (Ленинград) и К. З. Якуты (Ростов н/Д) ознакомилась с протокольным материалом и изучила вид и состояние тела В. И. Ленина в течение 22–27 июля 1924 г. после бальзамирования, проведенного профессором В. П. Воробьевым, и единогласно пришла к заключению:

1. Проведенное бальзамирование считать вполне удавшимся.
2. Все ткани равномерно пропитаны бальзамическими и невысыхающими веществами.
3. Полное и совершенное пропитывание достигнуто при помощи хорошо продуманной и искусно выполненной системы поверхностных и глубоких, коротких и длинных, сообщающихся между собой разрезов, открывших доступ бальзамическим жидкостям ко всем тканевым элементам и даже костям.
4. Наружные покровы окрашены в ровный, мертвенно-бледный с желтоватым оттенком цвет, без следов пергаментных и других каких бы то ни было пятен. Кожа и подлежащие ткани отличаются влажностью, полупросвечивают; консистенция их эластичная, приближается, по напряженности, к нормальной.
5. Окраска улучшилась. Не только прекращен начавшийся процесс разложения, но и удачно ликвидированы вредные для сохранения последствия от него.
6. Бальзамирование проведено на прочных научных основаниях, дающих право рассчитывать на продолжительное, в течение ряда десятилетий, сохранение тела в состоянии, позволяющем обозреть его в закрытом стеклянном гробу, при соблюдении необходимых условий влажности и температуры.
7. Для длительного сохранения тела необходимо постоянное внимательное наблюдение и уход.
8. Научное единение даровитых представителей анатомии (В. П. Воробьев) и биохимии (Б. И. Збарский) вселяет уверенность в длительном сохранении тела В. И. Ленина.
9. Опыт сохранения анатомических препаратов по принципу профессора В. П. Воробьева доказывает их стойкость в течение не менее 30 лет.

**5. Доклад Секретаря ЦИК Верховного Совета СССР
А. С. Енукидзе на собрании Комиссии по увековечению памяти
В. И. Ульянова-Ленина 26 июля 1924 г.**

По поручению Комиссии по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина) позвольте обратиться к Вам, многоуважаемый Владимир Петрович Воробьев, и к Вашим ближайшим коллегам по работе, профессорам Збарскому, Шабашу, Журавлеву, Замковскому и Карузину, а также ко всем товарищам, присутствующим здесь и принимавшим участие в этой работе, со следующими словами:

Сохранению тела Владимира Ильича не только данная комиссия, но и вся наша партия и заседавший в январе II съезд Советов Союза ССР придавали и придаем громаднейшее значение... <...> Не было еще человека в мировой истории, который пользовался бы при жизни такой величайшей популярностью и любовью со стороны широчайших масс рабочих и крестьян всего мира... <...> Мы хотели сохранить тело Владимира Ильича не для того, чтобы просто популяризовать его имя, а придавали и придаем величайшее значение сохранению облика этого замечательного вождя для подрастающего поколения и для будущих поколений, а также тех сотен тысяч, может быть, и миллионов людей, которые будут в высшей степени счастливы увидеть облик этого человека. Поэтому Вы прекрасно понимаете то волнение за сохранение тела Владимира Ильича, которое мы переживали в первый период работы. Было много колебаний и сомнений и среди комиссии, и среди тех специалистов, которых мы привлекли к этой работе.

Четыре месяца тому назад, когда мы на одном из заседаний не могли прийти к твердому убеждению, что мы сумеем сохранить на длительное время в достаточной степени облик Владимира Ильича, мы все прекрасно помним, как тогда профессор Воробьев взял на себя, я бы сказал, очень смелую задачу.

И сегодня, ровно через четыре месяца, как и обещал нам профессор Воробьев, результаты произведенных им работ, по определению авторитетнейших экспертов, вселили в нас уверенность, что эта работа завершилась удовлетворительно.

Мы с уверенностью констатируем, что те сотни тысяч людей, я уверен, что даже миллионов людей, которые горят желанием посетить Мавзолей Владимира Ильича и взглянуть на облик великого вождя, получат возможность в ближайшие годы и десятилетия посещать эту могилу.

Сотни тысяч людей с благодарностью вспомнят имена и работу тех, которые создали возможность посетить могилу Владимира Ильича и видеть его облик. Ваша работа безусловно создаст вам большую популярность как у партийных товарищей Владимира Ильича во всех странах мира, так и у широких народных масс... <...>

Могилу Владимира Ильича — это единственная могила, к которой никогда не зарастет путь, и можно смело сказать, что она будет посещаемая во все времена.

Позвольте мне поблагодарить Вас, Владимир Петрович, от имени Комиссии за ту блестящую и неустанную работу, которую Вы проделали за эти четыре месяца, и за те большие достижения, которые Вы получили, и притом в срок.

**6. Акт от 24 января 1924 г., подписанный представителем
Института Ленина Аросевым**

Получил от тов. Бельногого стеклянную банку, содержащую мозг, сердце Ильича и пулю, извлеченную из его тела. Обязуюсь хранить в Институте Ленина и лично отвечать за целостность и сохранность.

7. Расписка коменданта Мавзолея, В. В. Тренина

25 ноября 1931 г. комендант Мавзолея В. И. Ленина, В. В. Тренин, согласно распоряжению секретаря ЦИКа, т. Енукидзе, получил для хранения при Мавзолее от заведующего архивом Института В. И. Ленина, тов. Тихомирова, сердце В. И. Ленина, кусочки из органов, оставшиеся после микроскопического исследования, и извлеченную пулю с тканью. Все предметы в трех отдельных банках с жидкостью.

25/XI 31г.

Комендант Мавзолея В. Тренин (подпись)

**8. Обращение профессоров В. П. Воробьева и Б. И. Збарского
в Комиссию по увековечению памяти В. И. Ленина**

В Комиссию по увековечению памяти В. И. Ленина

Заявление

Со смерти В. И. Ленина прошло 2 года. Около полутора лет тело лежит во временном мавзолее. Вопрос о строительстве постоянного мавзолея продвигается крайне медленно. Дальнейшее хранение во временном мавзолее в существующих условиях недопустимо.

Выявлены грибки на материи, обивке стен, знамени Парижской коммуны и даже на одежде, на руке, за правым ухом, на лбу. Дезинфекция всего помещения невозможна.

Отметим тут же, что комиссия, созданная по нашей просьбе, в составе А. И. Абрикосова, В. Н. Розанова, А. П. Голубкова, А. Я. Бельногого, Р. А. Петерсона, нашла тело в таком же состоянии, как непосредственно после нашей бальзамировки.

Саркофаг допущен как временный, но он стоит уже полтора года недостаточно защищая тело.

Просим ускорить постройку нового Мавзолея, вызвать нас на заседание, на котором будут обсуждаться устройство Мавзолея и саркофага.

*В. Воробьев, Б. Збарский
Москва, 31/XII 1925 г.*

9. Постановление Тройки с участием Ворошилова от 13 ноября 1924 г. о строительстве постоянного Мавзолея

1. В центральном внутреннем покое должен находиться зал, посреди которого должно покоиться всем зримое тело или гроб-саркофаг, если надежды на очень длительное сохранение тела оправдаются.

2. Должен быть свободный проход вокруг гробницы от входной двери к внешней и добавочные помещения — большие залы ожидания и др.

3. На внутренних стенах должно быть достаточно места, чтобы поместить там фрески, изображающие главные этапы мировой революции, в особенности рабочего движения, и специально служение ему Владимира Ильича.

4. С внешней стороны Мавзолей должен иметь характер огромной трибуны. На кровле должно быть место для многочисленного президиума всенародных собраний на Красной площади и выдающаяся вперед линия мощной основной трибуны, с которой будет обращаться оратор к народу. Мавзолей должен быть импозантным зрелищем, центром притяжения для всех глаз.

10. Протокол заседания и акт правительственной комиссии в составе: проф. А. И. Абрикосова, проф. А. А. Дешина, проф. Г. Ф. Иванова, проф. В. Н. Розанова, проф. Л. Н. Федорова (председатель), проф. В. П. Воробьева, проф. Б. И. Збарского и коменданта Кремля Р. А. Петерсона от 7 января 1934 г. (сокращено)

На заседании профессор В. П. Воробьев сделал доклад о состоянии тела В. И. Ленина, осветив историю вопроса.

При обсуждении доклада Л. Н. Федоров отметил необходимость обучения сохранению тела более молодых кадров. В. Н. Розанов напоминает о важности подробного описания процесса бальзамирования и дальнейшего сохранения тела В. И. Ленина. Л. Н. Федоров задает вопрос о том, записан ли метод сохранения тела В. И. Ленина и кто еще владеет методами сохранения тела.

В. П. Воробьев отвечает ему, что кроме него владеет еще Б. И. Збарский и что нужно еще 2-3 аспиранта. Метод нужно описать, кое-какие сведения есть в заграничной печати, особенно в Америке и в Германии.

Комендант Кремля Р. А. Петерсон высоко оценивает состояние тела и говорит, что лицо В. И. Ленина сохранило удивительное сходство с прижизненным его обликом, но отмечает, что температура в мавзолее нередко повышалась до 26–30°C. Он считает важным поддерживать постоянную температуру на уровне 15–16°C и указывает на то, что конструкция существующего саркофага не совсем удовлетворительна, лицо освещается неравномерно и что над этим вопросом уже работает специальная комиссия. Он подчеркивает, что вопросы поддержания температуры на уровне 15–16°C и равномерного освещения лица и рук нужно предусмотреть при конструкции нового саркофага.

Далее комиссия приступает к осмотру тела В. И. Ленина. При осмотре были сделаны следующие замечания:

Проф. В. Н. Розанов: «На меня производит изумительное впечатление прекрасное состояние тела. Я помню, что нос был изменен, так как часть его была отморожена, а теперь я не замечаю никаких изменений. Замечательно, что цвет волос совершенно не изменился. Сжатие губ совершенно характерно для Владимира Ильича. Не понимаю, откуда берутся слухи, что лицо похудело?»

Проф. А. И. Абрикосов отмечает: «Прекрасный тургор. Я хорошо помню пятна на лице, а именно на щеке и на носу, а также правое бедро было резко изменено. Сейчас я ничего этого не замечаю».

Некоторые члены комиссии обратили внимание, что на теле имеются темноватые пятна вследствие неравномерного пропитывания бальзамическими веществами. Проф. В. П. Воробьев производит тут же удаление двух указанных ему пятен, причем отмечает то обстоятельство, что делать это вообще не нужно, так как необходимо беречь и щадить ткань, памятуя о том, что ее должно сохранять неопределенно долгое время.

Профессора Розанов, Абрикосов, Дешин, Иванов, Федоров пальпируют ткани на разных участках тела и отмечают чрезвычайную их податливость. Осмотру также подверглась задняя часть туловища. Никаких следов изменений там не отмечено.

В дискуссии, продолжающейся после осмотра тела, А. И. Абрикосов утверждает, что лицо вернулось к тому состоянию, которое он наблюдал в первый же день после смерти Владимира Ильича. Он заявляет, что результат сохранения тела является исключительным. Не только сохранились кожа, ткани, волосы, но и сходство поразительно с лицом Владимира Ильича, какое оно имело в день после смерти. Он считает, что эти 10 лет прекрасного сохранения убеждают в том, что и последующие 60–80, а может быть, и 100 лет также не внесут никаких изменений.

С ним полностью соглашается В. Н. Розанов. Он отмечает, что все это дело достигнуто исключительным энтузиазмом и условиями работы. Г. Ф. Иванов говорит, что результат проделанной работы значительно превышает прецеденты, имеющиеся в истории. Прделанную работу он оценивает как имеющую огромное значение, как научное, так и политическое.

В акте, составленном этой комиссией, говорится:

1. Задачу сохранения на продолжительное время тела Владимира Ильича Ленина надо считать блестяще разрешенной.

2. 10-летний опыт прекрасного сохранения тела дает полное основание думать, что эта сохранность тела В. И. Ленина будет продолжаться неопределенно долгое время.

3. Комиссия считает необходимым подчеркнуть, что результаты сохранения тела В. И. Ленина представляют собой научное достижение мирового значения, не имеющее прецедентов в истории.

4. Комиссия отмечает в этом деле исключительные заслуги заслуженного профессора В. П. Воробьева и профессора Б. И. Збарского, проявивших смелую инициативу, затративших огромный труд и энергию в изыскании и применении совершенно новых методов бальзамирования, обеспечивших достигнутые результаты.

5. Принимая во внимание громадное научное и политическое значение сохранения тела Владимира Ильича, комиссия считает необходимым, не предвещая вопросов опубликования, чтобы авторы бальзамирования и ухода за телом В. И. Ленина — проф. Воробьев и проф. Збарский — позаботились бы о своевременном литературном оформлении истории этого дела, описанием методов как самого бальзамирования, так и ухода за телом, для использования в будущем времени.

Необходимо также позаботиться о подготовке кадров для преемственности и овладения этими методами.

11. Акт специальной комиссии Наркомздрава по осмотру тела Ленина от 19 января 1939 г.

1. Задачу сохранения тела Владимира Ильича Ленина надо считать блестяще разрешенной.

2. Прекрасное сохранение тела в течение 15 лет дает основание считать, что тело В. И. Ленина, при соответствующем уходе, может сохраняться долгое время.

3. Возможность сохранения тела на такое продолжительное время является результатом применения новых методов бальзамирования, разработанных нашими советскими учеными.

4. В настоящее время основную роль в деле сохранения играет постоянный уход и тщательное наблюдение за телом Владимира Ильича.

5. Комиссия отмечает огромное политическое и научное значение сохранения тела В. И. Ленина. Одновременно это является единственным в мире случаем сохранения тела без потери сходства, на воздухе и при обычной температуре.

6. Комиссия отмечает огромные заслуги, энергию и инициативу покойного академика Воробьева В. П. и профессора Збарского Б. И., благодаря которым стало возможным сохранение тела В. И. Ленина.

7. Ведущую роль в успехе бальзамирования и сохранения тела В. И. Ленина сыграло также постоянное заботливое отношение и интерес со стороны руководителей партии и правительства.

Особенно следует отметить последние указания правительства о переоборудовании саркофага, об организации лаборатории, подготовке кадров, напечатании популярной брошюры, а также статей и полного описания методов бальзамирования и ухода за телом В. И. Ленина.

12. Акт правительственной экспертной комиссии в составе академиков: А. И. Абрикосова (председатель), Н. Н. Бурденко и А. Д. Сперанского о состоянии тела Ленина в Тюмени за 29 июня—14 июля 1942 г.

1. При осмотре комиссией тела В. И. Ленина на операционном столе обнаружено:

Цвет кожи, по сравнению с тем, что нами было установлено в акте от 19 января 1939 года, изменился к лучшему. Появившиеся тогда на закрытых частях тела пятна отсутствуют.

Эластичность тканей, а также подвижность больших и малых суставов улучшились.

Складки, отмечавшиеся ранее, особенно в области сгибов конечностей, в подмышечной области, морщинистость у углов рта и губ — сгладились.

Небольшое усыхание век и крыльев носа, отмечавшееся ранее, равно как некоторая пергаментность кожи обеих стоп, особенно пяток, совершенно устранены.

Потеря веса тела, достигшая в 1940—1941 годах почти 2 килограмма, восполнена за счет лучшего пропитывания тела бальзамическим раствором и опасное высыхание в дальнейшем устранена.

Волосы сохранили цвет и прочность укреплению в коже.

Какие-либо признаки высыхания или, тем более, разложения отсутствуют.

2. Тело, особенно лицо и руки, В. И. Ленина, несмотря на новые условия хранения, в настоящее время имеют значительно лучший вид, чем это было даже в Москве. Одновременно не пострадало и сходство.

3. Все это необходимо поставить в связь с большой работой по перебальзамированию тела В. И. Ленина, проведенной профессором Б. И. Збарским и коллективом его сотрудников (Р. Д. Синельников, С. Р. Мардашев, И. Б. Збарский).

*А. И. Абрикосов, Н. Н. Бурденко, А. Д. Сперанский
Тюмень, 14 июля 1942 г.*

13. Доклад профессора Б. И. Збарского о работе по сохранению тела Ленина, проделанной за 20 лет, на правительственной комиссии под председательством Народного комиссара здравоохранения Г. А. Митерева 29 ноября 1943 г. (сокращено)

...Здесь, в Тюмени, мною с сотрудниками проведена систематическая работа по устранению дефектов, накопившихся за долгое время:

1. Путем локальной обработки растворами уксусной кислоты и перекиси водорода мы постепенно удалили большинство пятен, имевшихся на разных частях тела.

2. Веки глаз были сомкнуты.

3. В места появившихся углублений и изменений объема на руках и других частях тела была инъецирована составленная нами смесь для замены гидролизовавшихся жировых веществ. Предварительно, для определения точных границ и объема инъекции, мы накладывали на это место массу (подкрашенный сплав воска с парафином) и производили фотографирование. Меняя границы и объемы этих накладок, мы сравнивали фотографии с прижизненными и посмертными снимками с лица Владимира Ильича. Только после этого осторожно производили инъекции; в результате сходство значительно улучшилось.

4. Тело было проведено через ряд ванн с бальзамическими жидкостями, в которых постепенно повышалась концентрация растворенных веществ (глицерин, уксусно-кислый калий) до полного пропитывания тканей. Предварительными экспериментами нам удалось найти наиболее удачную рецептуру этих веществ с точки зрения испарения. При этой концентрации почти не происходит испарения и уменьшения веса при обычной температуре. Тело в настоящее время пропитано этим составом, вследствие чего надо думать, что в дальнейшем подсыхание будет происходить крайне медленно.

5. В результате инъекций массы и пропитки бальзамирующей жидкостью вес тела восстановлен.

Вес тела В. И. Ленина:

5 ноября 1938 г.	53,00 кг
3 марта 1940 г.	50,20 кг
3 января 1942 г.	51,27 кг
19 апреля 1942 г.	52,30 кг
10 июля 1942 г.	52,45 кг
24 ноября 1943 г.	53,95 кг

6. Мумификация пяток устранена и форма пальцев стопы и пяток полностью восстановлена.

7. Испытаны десятки комбинаций светофилтров и найдены подходящие тона для освещения на макете нового саркофага.

8. Работа в течение более двух с половиной лет пребывания в Тюмени представляет собой в сущности полное перебальзамирование тела Ленина с устранением почти всех дефектов, имевшихся к моменту прибытия тела в г. Тюмень.

Здесь, в Тюмени, проведена была важная работа по обучению моих ассистентов (проф. Мардашева, проф. Синельникова и доцента Збарского) всем манипуляциям, необходимым для успешного сохранения тела Ленина.

В последний год к работе привлечены новые сотрудники: профессора М. А. Барон, Д. Н. Выропаев, Б. И. Лаврентьев, А. Н. Шабанов.

Тело подготовлено к перевозке в Москву в любое время. Когда мы получим распоряжение нашего вождя, товарища Сталина, мы сможем доставить тело Ленина в Москву в лучшем состоянии, чем оно было до его эвакуации.

ПОД «КРЫШЕЙ» МАВЗОЛЕЯ

Неправда, что перед смертью все равны.

Здесь свои сословия, классы и ранги, репродуцирующие неравенство при жизни.

Классификация не есть нечто устоявшееся. Меняются предпочтения в реальной жизни — смерть повторяет их с почитательностью усердного ученика. Пышность похорон всего лишь подтверждение той роли, которую усопший уже сыграл, — общественное сознание более не противится тому, что братаны — это не только хозяева жизни, но и властители дум, вплоть до головной боли.

И потому поговорим о гробах, похоронах и прочем мрачно-торжественном церемониале. Все самое модное, передовое, эксклюзивное и жутко дорогое тут же находит своего покупателя. Благо, в них никогда нет недостатка. Посмотрите любую газетную подборку криминальных сюжетов — и поймете почему... Все хотят предать земле близкого им человека как можно более «по-человечески». Все хотят внести в устоявшийся сценарий похорон свою «изюминку». И потому похоронные конторы стали активно предлагать для «особо дорогих покойников» целый реестр услуг. Сейчас, помимо западного опыта, широко используются отечественные разработки. Мастерство ленинских мумификаторов, помноженное на передовые технологии заморской ритуальной промышленности, приносит просто ошеломляющие результаты.

Обычные гробы давно уже стали анахронизмом для «новых русских». В этом мире повсеместно используются специальные приспособления в виде мягкого, выстланного шелком закрывающегося дивана. В Америке его называют «каскет» (casket). У нас, правда, еще не придумали подходящего синонима. Однако сам каскет активно используется.

Но даже и дубовый каскет стоимостью в «пять штук гринов» считается теперь не самым крутым гробом. Наш ответ буржуям — русский хрустальный гроб обходится семье усопшего в 20000 долларов. Правда, это не все по карману. Зарыть в землю или установить в специально возведенном склепе сие диво дивное — это даже для братьев чересчур... Теперь в ритуальных фирмах серьезных клиентам предлагают некий переходный вариант. Все знают, с каким пиететом относятся «новые русские» к фильму Копполы «Крестный отец». В этой среде он по праву считается культовым. И потому самым ходовым типом каскета считается гроб, что фигурирует в этом фильме. Недаром его и окрестили «Аль Капоне».

Естественно, цена подобных самому гробу похорон достигает астрономических размеров. Престижное кладбище — Ваганьково, но можно и Новодевичье (это в столице), оркестр, охрана, работа оцепления из сотрудников милиции... О конкретных ценах сложно говорить. Но четверть миллиона долларов «за все про все» выложить придется. Отдельной графой в статье расходов стоят бронзовые статуи, массивные гранитные памятники, малахитовые столы и кресла.

На чужой суд, все это почтение перед усопшим не поддается никакой арифметике. А надо ли вообще считать? Цифры для этого мира не имеют никакого значения. Им важна память о своем брате. В слова «брат» и «память» эти суровые парни вкладывают особый, отличный от общепринятого смысл. И потому любят повторять: «Он жил красиво и должен красиво уйти».

Кстати, о красоте. А точнее — о достойном облике тела. Здесь в дело вступают мастера бальзамирования и сохранения сходства. Умирает эта публика, как правило, не в собственной постели. Большинство покидает этот мир с существенными повреждениями лица, а порой и всего тела. «Мерседесы» и «джипы», к сожалению, имеют обыкновение взрываться, а их владельцы становятся жертвами убийств. Причем далеко не бытовых. Каждое бальзамирование такого клиента в среднем стоит 30000 долларов. Братва и тут денег не считает, понимая, что за высококлассную работу можно выложить любую сумму. Тем более, что профессионалам приходится порой использовать весь свой «ленинский» опыт. Тем же американцам такой класс работы даже и не снился. Ведь у них, бедолаг, не было своего Ленина. А потому принципы и техника бальзамирования, разработанные на века, западникам мало знакомы.

Подсмотреть, как это делается, невозможно. Чужих в этот мир никогда не пустят. Не пустят даже чужих покойников. И все же один из сотрудников фирмы «Ритуал» рассказал о том, насколько бережно они работают со «своими» клиентами.

Манипуляции над телом усопшего обычно имеют такую последовательность. Через разрез на груди большим шприцем вводят в аорту сильно пахнущую формалином жидкость. Удаляют внутренности, массируют руки и ноги. В результате этого периферические сосуды наполняются раствором. Мертвенно-бледный цвет кожи постепенно приобретает окраску слоновой кости.

Труп моют, удаляя кровь, загрязнения, дефекты (например, от тех же пулевых ранений) на лице и руках. Для этого используют кожу и кости, взятые с других частей тела.

Основная работа закончена. Одетое в оговоренный заказчиком костюм тело поступает визажисту, который и воссоздает прежний облик умершего человека. Он бреет покойника, маскирует ранения и повреждения на лице, придавая ему слабый румянец, подкрашивает брови и ресницы. Клиент доволен. Теперь настал черед «почеловечески» проститься с усопшим. Но перед этим такого «особо дорогого покойника» не зазорно положить или в специально возведенный склеп, или в каскет с застекленным окошечком, или гроб «Аль Капоне». И предать земле.

Вот почему неправда, что перед смертью все равны. Наши любезные соотечественники не устают повторять: «Он жил красиво и должен красиво уйти».

Бог с ними. Пускай красиво уходят. Жаль только, что медленно.